
АЛЕКСАНДР ЛОЗИНСКИЙ
НЕКОМУ ЖАЛЕТЬ

Я не жалею

Александр Лозинский

Некому жалеть

«Автор»
2026

Лозинский А.

Некому жалеть / А. Лозинский — «Автор», 2026 — (Я не жалею)

Получен Росток. Посажено Древо. Маятник времени начал отсчёт.Удастся ли сохранить себя, не сломаться под напором ветров истории? Остаться собой. Или проще принять условия игры, задвинуть Совесть и Справедливость туда, где им место, и отправить человечество, которое не смогло объединиться против внешнего врага, на свалку... в жертву... обретя в награду бессмертие и возможность повелевать.

© Лозинский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. 5
Глава 1. Май 2018. Республика Калмыкия — Нижегородская область. 7
Глава 2. Май 2018. Нижегородская область. 13
Глава 3. Май 2018. Нижегородская область — Республика Калмыкия. 19
Глава 4. Май 2018. Республика Калмыкия. 25
Глава 5. Май 2018. Республика Калмыкия. 32
Глава 6. Май 2018. Республика Калмыкия. 39
Глава 7. Май 2018. Республика Калмыкия. 47
Глава 8. Май 2018. Республика Калмыкия. 54
Глава 9. Май 2018. Республика Калмыкия. 62
Глава 10. Май 2018. Республика Калмыкия. 70
Глава 11. Май 2018. Республика Калмыкия. 77
Глава 12. Май 2018. Республика Калмыкия. 83
Глава 13. Май 2018. Республика Калмыкия. 89
Глава 14. Май 2018. Республика Калмыкия. 96

Александр Лозинский
Некому жалеть

Пролог.

Кто ты? Не спеши давать ответ. Он будет неверным. И следующий. И наверняка тот, что после него.

Подумай над коварством этого вопроса. Над неполнотой ответов.

Над тем, что, отвечая, ты невольно захочешь оказаться не тем, кто ты есть. И потом все остальные ответы будут оправдывать первый.

А ещё вопрос коварен тем, что зависит от того, кто задаёт его. И когда.

В промежутках между взмахами маятника времени, лезвием отрезающего мгновения жизни, можно остановиться и подумать. Не давать ответ, нет. Только пробудить мысль.

Кто ты?

Подписавший указ, в котором взвесил, отмерил, признал лёгким десяток душ, позаботившись о запасе. И поставивший задачу провести инвентаризацию, которая отделит агнцев от козлищ… отпущения.

Кто ты?

Способный скосить Росток, пока он не научился защищаться. Имевший возможность разрешить человечеству не принимать решения, уйдя в блаженном незнании, и отдавший её другим.

Кто ты?

С упоением смотрящий, как кровь таких же, как ты, льётся на землю и радующийся, что сейчас — не ты.

Кто ты?

Отдавший людям спички, но не рассказавший о сухой траве. Имеющий глаза да узрит.

Не будет ответа. Заняты те, кому задан вопрос. А когда оборотятся — не будут собой.

Но ответят тысячи тех, кто не услышит вопроса. Ответят жизнью, дыханием, невозможными решениями. Собой. Отнимая право на ошибку, право на жертву, право на грех. Возьмутся платить по тем долгам, о которых никто никогда не спросит, и выплатят тем, кому этот долг не важен.

Но останутся ли они правы, когда жизнь задаст новые вопросы?

Великая Бхарата, казалось, нашла способ стереть с лица пылающую пятерню пощёчины. Персам оказалось мало простой помощи Пакистану, и Тегеран прекратил поставки нефти. Арабы увидели возможность поставить выскочек на место и остановить экспансию. Под одобрительные аплодисменты из-за океана, Заливные Монархии нанесли совместный удар.

Часть ракет персы пропустили, а индийские маги воды усугубили происходящее и отвели воду от портов, парализовав на время экспорт. Стоимость фрахта и страхование танкеров взлетели до небес.

Персия огрызнулась, как раненый лев. Удары по портам и добывающей инфраструктуре арабов, сплотившихся вокруг саудовской династии, вычеркнули полуостров из числа экспортёров. А маги, вернувшись в Нью-Дели, привели на хвосте чистых.

Мир впервые в онлайн-режиме увидел, как происходит Месть.

И несмотря на то, что индийский спецназ убил четверых, которые только разгорались изнутри, отдавая боль и решимость тринадцатому, город это не спасло. Центр и восемь из двенадцати сторон света были «очищены». То, что осталось, городом назвать было нельзя.

Совбез ООН на заседании не смог даже толком сформулировать требования.

До голосования дело не дошло.

Мир с неистовой силой снова делился на «мы» и «они». Кто «они» — значения не имело. Главное, что это не «мы». Стать тем, кто имеет право сказать «мы» — ещё сложнее. Нужно доказать, ответить на вопросы, задать свои и получить ответы.

А потом эти ответы обдумать.

Почему только Россия, Персия и Корея? Где гарантии? Переживут ли они приход новой силы? И как предлагается бороться против остального мира, который нам не поверит?

Поднебесная слушает внимательно, приглашённая как независимый игрок. Почти не задаёт вопросов, понуждая тем самым к настоящим ответам. Уходит, кивнув: «Посмотрим».

И Тегерану, и Пхеньяну роскошь «посмотреть» оказалась недоступной. Но и для тех, и для других союз давал шанс на выживание. Как и для всех остальных.

Маятник нарезал ещё мгновений.

Суета… Смута в Европе завершалась. Ещё не вся национальная бюрократия была подчинена единому центру, но сомнений в победе уже не оставалось. Вместе с административным подчинением нити военного управления ложились в ту же руку.

Игрок, получив обидный шах на доске, которую считал своей, стряхивал с чужих досок лишние фигуры, что будут только перетягивать на себя внимание. И которые могут взбрыкнуть в ненужное время. А то и вовсе изменить цвет.

Хорошо Игроку. Думай. Двигай фигуры. Убирай в отбой. Проиграл — поздравь победителя, начни новую партию. Выиграл — прими поздравления, сгреби банк. Но что, если окажется, что ты играешь против себя? Что фигуры на досках существуют только в твоём воображении? А на деле игроками стали все.

Каждая пешка — жизнь. Не убрать в отбой, не пересчитать в статистике, а назвать по имени. Слон — лидер. Ферзь — чужой бог.

Да нет. Бред какой-то.

Ходи. А то время выйдет.

И мечется маятник. И падают песчинки в часах. Но уже тянется нож обрезать нити. И те, кого списали в отбой, возвращаются, чтобы назвать друг друга по имени.

А несостоявшийся бог, отказавшийся признать жертвы — жертвами, примеряет маску шута. Ему так легче оставаться человеком, смотреть на людей и не давать им быть пешками.

Кому-то нужно это сделать, даже если они сами хотят обратного. В рай загоняют палкой. Через боль. Пот. Кровь. И некому пожалеть несчастную пешку.

И шута, что бежит от маски бога. Некому.

Глава 1. Май 2018. Республика Калмыкия — Нижегородская область.

Глава 1. Май 2018. Республика Калмыкия
— Нижегородская область

День первого кормления.

— Лёш. — Голос Маргариты вырвал меня из созерцания того, что происходило здесь ещё десять минут назад. — Лёш. Это теперь всегда будет… так?

Я не оборачивался. Слышал — она подходит. Древо было передо мной, в какой-то дюжине шагов. Я сплюнул. Чуждый счёт сам собой всплывал в сознании.

Кисть чесалась, требуя взять косу и снести эту дрянь, раз уж не хватило тогда силы воли сжечь мешочек.

— А ты бы смог? — Я на миг испугался, что Звягинцева научилась читать мысли, но, взглянув на ладонь, понял, что по ней струится пламя.

Тонкое, не обволакивающее, а будто продирающееся сквозь плотины и завалы. Вдохнул в него частичку себя, и руку снова целиком окутала тьма. Живая, пульсирующая, зовущая выпустить её, дать разорвать, сделать невозможное — небывшим.

— Уже нет.

— Ты боишься, что Мерлин прав и Земли не станет?

— Нет. Теперь не боюсь. Той Земли не стало ещё тогда, когда подписали Указ. — Я повернулся к ней. — Не маши головой, я видел дату. И люди. Да, монстры, но люди. Их не собирали в панике. Они были готовы. Понимаешь, майор? Всё было готово. И это ещё Мерлин не пришёл к ним.

— Ты не веришь? — Она дёрнула головой вверх.

— Ты сколько лет в системе?

— Много, майор. Суки столько не живут. — В голосе Маргариты смешались грусть и вызов.

— Ты веришь кому-то?

Она пожала плечами.

— Тебе.

— Урок первый, майор. Все врут.

— Тогда и тебе урок, майор. — Её глаза похолодели. — Когда тебе некому будет сказать правду, ты умрёшь.

Звягинцева отвернулась. Калмыцкая степь, больше похожая на полупустыню, здесь, у берега Каспийского моря, дышала чем-то непонятным. То ли отчаянием, то ли надеждой. То ли кровью шести человек, впитавшейся в сухую землю, из которой нелепо торчал непропорционально тонкий штырь Древа, с длинной тенью, растущей прямо на глазах.

Сейчас его голод был приглушён, но уже скоро оно начнёт пробуждаться, чтобы, не получив дани, взять всё самому.

Гадкая мысль. Думать о службе — проще.

Я получил отдельный конверт, в котором указывались причины выбора места: удалённость от людей, простота возведения линии обороны, опора на море, где сможет действовать Каспийская флотилия, возможность быстро перебросить подкрепления из Персии.

Последнему я не верил. Персам было тяжко. Дом Саудов вытащил-таки каштаны из огня для заокеанских игроков, как и гордые индийцы. И хотя в способности Тегерана пережевать проблемы я не сомневался, ожидать от огнепоклонников военной поддержки было бы наивно. Даже к расчётному концу сентября.

— Прости, Мара… — Звягинцева вскинулась как от пощёчины.

— От… откуда ты…

— Не знаю. Само на ум…

Я не договорил. Маргарита обняла меня. А затем, оглядевшись, прошептала:

— Скажи, что мы не станем этого делать. Не такой ценой, Лёш.

— Я очень хочу на это надеяться.

Она последний раз бросила взгляд на Древо.

— Пойдём, майор. Нам нужно успеть сделать слишком много.

Перелёт в Элисту и затем на базу прошёл уже в темноте. Это превращалось в дурную привычку — возвращаться домой аки тать в нощи.

Нас встретил Сергей. На вопрос о докладе он махнул рукой — один из офицеров без знаков различия протянул ему флешку с записью. На наш невысказанный вопрос он пожал плечами. Ну да, и у него работа такая.

— Как Николай?

— Нормально, Лёш. Просыпался, покушал, спит. — Полковник говорил со мной, а Маргарита уже смотрела в сторону медблока. — Идите спать.

Мари-Хелен не спала. Свет пробивался из-под двери. Я постучал и принялся мучительно долго ждать шагов по комнате. Щелчка защёлки я не услышал — заскрипела ручка.

— Заходи. — Она вернулась в комнату.

Я вошёл, и мне стало неуютно. Неразобранная постель, две кружки с остывшим чаем. На столе ёлочная игрушка.

— Ты когда собирался мне сказать?

— Не знаю.

— Почему?

— Это не твоя война, любимая. Это, чёрт возьми, вообще ничья война. — Я почему-то сразу перешёл на повышенный голос.

— Если это твоя война, то и моя тоже. — Мари-Хелен вздёрнула голову.

Высохшие дорожки слёз. Красные глаза. Дрожащие руки, удерживающие шарик как последнюю драгоценность в мире. Решимость на лице.

— Я не девочка. Я не нуждаюсь в том, чтобы меня оберегать от мира. И я надеялась, что в нашем доме больше не будет звучать Alles.

Я даже не вздрогнул. Зато Зверь, лежавший в её ногах, поднялся и положил голову ей на колени.

— Ты не говорила мне ничего о состоянии брата. О Денисе.

Мари-Хелен сцепила губы в нитку. Смахнула прядь, упавшую на глаза. Положила шарик на стол.

— Знаешь, почему?

— Знаю, милая. Приказ. Который ты обязана выполнять даже со мной.

— И ты… приказ?

Я не мог соврать.

— Не только. Но и нежелание подставлять тебя, превращать в объект торга. Тебе Сергей рассказал?

— Изобель перевела. Сергей перед всеми выступал. Скажи, что вы задумали. Пожалуйста.

— Не знаю. Но я сделаю всё, чтобы не превращать человечество в жертву.

— А отдельных людей? — Она взяла кружку с остывшим чаем, отпила половину залпом. — Нам показали преступления. Я понимаю. Но можно же… добровольцев… животных попробовать… я не знаю. Не молчи, Алексей.

— Отдельных людей — придётся. — Я помотал головой, опустился перед ней, сел на пятки и взял её ладони в руки.

Они были леденющими.

— С добровольцами всё очень сложно. Мы не знаем, что происходит с людьми, и не имеем права обрекать их… вот так, в пустоту. С… преступниками… проще. — Я говорил — не знаю для кого. Может, даже и для себя. — Их не так жалко, как не было жалко им своих жертв. Они выбрали свой путь, который привёл… вот так.

— Козлы отпущения? — Вопрос неприятно царапнул.

— У нас есть поговорка. Если ты плюнешь в общество — оно утрётся. А если наоборот — ты утонешь.

Мари-Хелен коротко хохотнула, на миг в глазах блеснули искры.

— А на Урале? Тоже?

— На Урале — меньшее зло. Только не рассказывай, что оно не бывает разным по размеру. Я знаю.

— Я не осуждаю. Я хотела увидеть твою реакцию. Человечность… — Она высвободила руки. — Почему ты тёплый? Я — ледышка. А ты живой.

— У меня есть ради кого жить.

— А у меня?

— Решать тебе. Но я буду за тебя бороться.

— Я не хочу больше ничего не знать. Я готова на всё, только не сидеть в одиночестве в пустой комнате.

— Посмотри на Маргариту, на Женю. Ты уверена?

Мари-Хелен мелко закивала, потом сползла со стула и так же, как я, опустилась на пятки.

— Я знаю, что это дорога в один конец. Но я люблю тебя и не могу без тебя. До самого края. — Она всмотрелась в моё лицо и вытерла мне глаза. — Глупый и смешной самоуверенный мальчишка с комплексом антибога.

— Сказала жрица этого самого анти…

— Наберу паству, они тебе зададут трёпку. — Мы поднялись, помогая друг другу. — Ты чай будешь?

— Холодный не хочу, а греть — лень. Пойдём лучше спать.

— А ты мне расскажешь всё?

— Alles.

— Нет. Просто всё. — Её палец лёг мне на губы.

Мари-Хелен заснула почти моментально, согревшись рядом со мной. А у меня в голове мысли перескакивали с одного на другое, даже не давая удержать их в фокусе и сосредоточиться. Всё казалось: что-то упускаю. Что-то особенно важное. На этом и провалился в дремоту.

День первый.

На завтрак вышли пораньше — я хотел успеть поговорить с Сергеем о ночной беседе. Он, кстати, оказался в столовой, меланхолично перелистывая новостные сводки. Еда перед ним остывала — полковник едва к ней притронулся.

— Не читайте за завтраком советских газет!

— Так других нет, Алексей. — Он ткнул в ссылку на экране. — Смотри, как еврокомиссары гномов к ногтю прижали. Прям последний оплот евроскепсиса доламывают.

Я взял планшет. Новости, сгруппированные по событиям, скорее напоминали разведсводку. Вчитался, пролистал в одну сторону, в другую, пока гаджет не выдернула Мари-Хелен.

— Ешь давай!

— Погоди. Серёж, это ж получается, что национальным государствам всё? Ни эллина, ни иудея, а только одни европейцы?

— Угу. Не теряешь хватку. И что это означает?

— Да что. Подготовка к какому-то замесу. То тянули кота за хвост на все четыре стороны, а тут за сколько? Два с половиной? Три месяца прямо единогласно. — Я внутренне восхищался вдохновителями и исполнителями. — И лазейки нашлись, и отмазки для избирателей. И даже референдумы не понадобились.

— Именно. Я тебе больше скажу: армию тоже причесали. С прямым подчинением натовским генералам. Читай — американским. Никакой местной отсебятины.

Мари-Хелен выключила планшет.

— Сергей, вы хотите сказать, что это война?

Он переглянулся со мной. Я улыбнулся и пожал плечами.

— Я в восхищении, миледи.

— А вы что, ничего не будете с этим делать?

— Кому положено — уже делают. — Полковник всё же взялся за вилку. — Кстати, хорошо, что подошли. Твоим родителям удалось взять билеты на послезавтра.

— Хорошо. Спасибо.

— Ты чего такая хмурая? Лёш, твоя работа?

— Алексей ни при чём. Вернее, при чём. Но мне самой нужно. Нет. Я хочу официально получить должность. Быть по-настоящему полезной. Быть одной из вас по-настоящему.

Сергей присвистнул. Взглянул на меня, но понял, что я тоже не смогу отговорить Мари-Хелен — проще гору заставить перейти.

— Это не шутки. Это — работа. Много работы. Часто ценой всего остального.

— Алексей мне это уже сказал. Я понимаю. — Требовательному выражению лица Мари-Хелен мог позавидовать иной гаишник. — И я понимаю, что это — навсегда.

Полковник чуть скривился, но быстро вернул суровое лицо. Он ещё в мелочах попробовал надавить на девушку, но ничего не получалось. Сергей пытался если не заставить отказаться, то хотя бы отложить решение.

Я ловил её взгляды, полные гордости и уверенности, и под столом пожимал её горячую руку.

«Идиллию» прервала Изобель.

— Мир вам. — Она усадила Лизу за соседний стол. — Может, и мне работа найдётся?

Ехидство и насмешка у неё, надо сказать, вышли так себе, тоска в голосе перекрывала их с запасом. Попеременно заглядывая в глаза мне и Сергею, она искала хоть какой-то отклик.

— Найдётся. — К нам подошла Татьяна. — Позавтракаете — не уходи.

Ершова было резко повернулась, но удержалась, сказать, проглотив комок:

— Пожалуйста.

Изобель почти сползла по спинке стула. Рванулась что-то спросить Таню, но та уже ушла, неестественно прямо держа спину.

— Мама, ты что? — Лизе эти материи были непонятны, и Изобель пришлось подняться.

Она погладила девочку, шепнула ей, что всё нормально, и пошла занимать очередь на раздаче. Полковник испытующе смотрел на меня, но я только развёл руками.

— День сюрпризов. — Сергей повернулся к Мари-Хелен. — Зайди к четырнадцати часам. Я не гарантирую, но проверю, что можно сделать. — Затем вернулся ко мне. — Телеметрию по объекту будут сбрасывать пакетно каждые три часа. Подготовишь отчёт — и дуй к Якову, варить тебе доспехи. И смотри, узнаю, что это ты девчонку втянул — не прощу!

Моя любимая вступилась за меня, но Сергей уже превратился в «когда я ем, я глух и нем» и не реагировал на внешние раздражители.

Когда мы вышли на улицу и Мари-Хелен умчалась к бабушке порадовать её новостями, я спросил полковника, мол, зачем-таки сирену запустили. Он засмущался и выдал, что это перестарался один из аналитиков, которому поставили задачу мониторить пространство вокруг

меня. Причём парень увидел, как у меня в руке что-то материализовалось, но пока всматривался в экраны — не артефакт ли оборудования, я успел закончить беседу.

Хотелось смеяться. И не хотелось.

Сергею тоже.

С документами я пришёл к командирам примерно через три или три с половиной часа. Писать пришлось в своей комнате, потому что в административном блоке срочно монтировались помещения взамен изъятого изолятора.

Тюрин прочитал, пару раз подняв голову, присматриваясь ко мне. Отложил в сторону.

— Ты понял, зачем он тебе озвучил про «дожить»?

— Да что уж. Понятно, что вся эта дрянь затевается, чтобы нас с двух сторон прижать. Изнутри и снаружи.

— У нас те же мысли. Поэтому ожидаем провокации в магической сфере, а также атаку на прибрежные районы, аналогичную иранской. — Генералу явно не нравилось их самоназвание.

— Ну ладно огнепоклонники — у них ядерного оружия нет, хотя и чистых на своей территории я бы не хотел. Но что они хотят против нас?

— Пока предположение, что мы не рискнём выходить на тотальную эскалацию. С Китаем же прокатило. — Антон Афанасьевич вздохнул. — А конвенционное оружие мы против мирного населения не рискнём применять. Бердянск показал им всё наглядно.

— Но Бердянск — славяне. А там — европейцы. Их же может оказаться не жалко.

— Американцы, судя по всему, готовы ими рискнуть. В Северной Атлантике формируется ударный флот, проводятся мероприятия. В Средиземном море — второй. Явно не на курорты Египта собираются.

— И ещё. Ты должен знать: часть людей перебрасывают к Древу. На указанном Мерлином расстоянии будет формироваться оборонительная полоса. Если там тридцать миллионов бойцов — то одних боеприпасов уйдёт прорва. Поэтому пока — в помощь военным инженерам. А дальше видно.

Я стоял молча. То, что Тюрин не требует дополнительных обещаний держать в тайне, говорило, что слишком многие уже поняли, к чему всё идёт. И даже с какой скоростью.

— А хорошие новости?

— Ты пока здесь. Интенсифицируем работу по поиску инициатов, как и собирались ранее. Изобель решено допустить — условно — к подготовке тех, кто владеет электрической магией. — Заметив, что это не произвело на меня впечатление, он усмехнулся. — Ещё мы сочли возможным выпустить Дениса из больницы в режиме ограниченной работы под наблюдением.

Я улыбнулся. Сейчас для него наверняка лучшее средство — ощутить себя полезным.

— Думаю, вы что-то приберегли?

— Да. Мы получили разрешение переработать изолятор и все запасы негаторов в катализатор для негэнтропийного оружия.

Я пододвинул стул.

— Пленных не брать? — Голос звучал очень хрипло, и Сергей протянул графин и стакан.

— Ты и сейчас думаешь не о том. — Антон Афанасьевич наткнулся на мой злой взгляд и осёкся. — Точнее, не только о том.

— Третья Мировая рискует стать Первой и Последней Магической.

— Уже. Час назад персы показали, как надо. В прямом эфире.

Я показал жестами, что не в курсе темы, и Сергей подал планшет с открытой новостью и комментариями.

...в ответ на неспровоцированную агрессию… подстрекаемых… безответственная правящая верхушка… — Заявление министерства иностранных дел Персии было многословным,

хотя результат я уже видел. — Мученики… пожертвовать внутренним пламенем… во имя… принести чистоту беззаконным… отрицая покаяние… отдали жизнь…

— Что осталось от Нью-Дели? — только и выдохнул я.

— Почти ничего. Два смежных сектора, по которым напрямую не прилетело, выгорели только с краёв, но в центре остался узкий коридор в пару улиц. Три-четыре к пригородам. Дым, жар, продукты горения пластика — Полковник комментировал, с трудом подбирая слова. — Ещё по двум направлениям удар формально не прошёл, но с боков пылало так, что спаслись считанные тысячи. Сам понимаешь. При их-то скученности.

— А мы?

— А мы будем работать, Лёш.

— Хоть с чёртом? — Вопрос прозвучал не цинично, а жалостливо, и я мысленно ударил себя по губам.

Он с силой провёл ладонью по волосам.

— Они же с Малым Сатаной работают.

— Справедливо. — Слово вылезло из словаря, где пряталось вместе с совестью, и сейчас было особенно некстати.

У меня в голове кружилась тысяча вопросов. Мозг, изголодавшийся по информации, готов был строить ряды и цепочки, разматывать события, формировать версии… И нагородить ерунды.

Зверь, вошедший сквозь закрытую дверь и гордо прошествовавший к Тюрину, сбил с мысли.

— Мы, наверное, пойдём.

— Посиди, если хочешь, почитай новости, сводки. Я же знаю тебя. Потом к аналитикам побежишь или начнёшь пацанов напрягать. А у них и без того работы — выше крыши.

Это было заманчиво — почти искушение. Но меня уже ждал Яков.

Генерал коварно улыбнулся и проводил меня буквально одним взмахом руки. Сергей не прощался, но пока шли по коридору, отвлекал разговором ни о чём. Проходя мимо палаты брата, я покосился на дверь, но полковник только с деланной тоской в голосе заявил, что не раньше послезавтрашнего дня.

Я треснул по пластиковой панели на стене, вызвав мелкое занудное дребезжание. В ординаторской за нами открылась со скрипом дверь, и кто-то посмотрел нам вслед. Мне стоило усилий удержаться, но на улице, дождавшись, пока Сергей закурил, я не выдержал.

— И?

— Вычисляем контакты внутри. Сети, само собой, нет почти ни у кого. С рациями, сам понимаешь, сейчас не забрасывают. «Там» согласовано. Но падла хитрая.

— Дашь сигарету?

— Ты ж не куришь!

Намёк я понял. Не курю, так не курю. Заем мерзкое ощущение в душе козинаками.

Глава 2. Май 2018. Нижегородская область.

День первый.

У Якова было шумно и тесно. Выкатывали новый броневичок, выращенный с учётом боевого опыта, полученного под Армавиром. Работы было ещё навалом, но даже сейчас можно было на нём воевать.

К счастью, сам геммолог был участвовал в работе лишь косвенно и с радостью за меня уцепился, чтобы ускользнуть от военных, которые потом выкатят ему списки недочётов, упущенных Дёминым. Свистнув Толика, маг повёл меня в отдельную пристройку.

Когда чай был налит, а конфеты и печенье выставлены на стол, я позволил себе вопрос.

— Как тебе в роли мужа?

— Как и раньше. Ты же должен понимать. — Яков улыбнулся. — Вот к роли отца готовиться — это да. Но, если честно, Женя тоже стать матерью не готова.

— Вы с благоверной решили, как после рождения поступите?

Он тяжело вздохнул. Потом помолчал и махнул рукой, поднимая кружку.

— Хочет тут остаться. Объединить комнаты, благо — модульная конструкция. Врачей на базе достаточно. — Мой друг с шумом отпил горячий чай. — Педиатры есть — сам видишь, детворы сколько. С яслями, конечно, беда, но тут времени полно — успеем передумать. В общем, не хочет никуда она.

— А ты? — Наверное, глупый вопрос, но родился сам собой.

— А что я, Лёш? Я же тоже не мыслю себя без всего этого. Ты вот сам скажи, хочешь куда-то?

Я хотел. Но мне в больше степени хотелось показать что-то Мари-Хелен из того, что знаю сам. Поделиться с ней тем, что вижу, и тем, как это ощущаю. А потом… потом вернуться на службу. А дальше — не заглядывал. Хотя её слова про детей отпечатались в душе.

— Во-о-от, — протянул наблюдающий за мной Яков, — и это ты ещё тут на год меньше меня. И с твоими выпадениями из жизни.

Он понял, что сказал, и попытался извиниться, но я только рассмеялся. Что поделать, если так и есть.

— Ты прости, дружище, я ж к тебе не только чаю попить…

— Да тебя дождёшься. — Он засмеялся. — Но кому-то ж надо мир спасать. Не переживай, мерки твои есть, заготовки под твои габариты подготовлю быстро. Работаем.

Я вдруг вспомнил про бой в Оренбурге и принялся рассказывать о том, с чем столкнулся. В свете маячащей на горизонте войны с магическим Средневековьем, которое, как назло, очень хорошо умело думать, опыт схватки мог сыграть свою роль.

Яков моментально подобрался, выхватил откуда-то заготовленный карандаш и листки бумаги и принялся записывать мои соображения. Особенно его заинтересовала гибкость креплений и защита суставов. По его словам, многие жаловались на недостаточную подвижность и ограниченные углы поворота рук, ног и корпуса, и сейчас приходится собирать конкретику.

Походя он сетовал, что одни изменения неизбежно потянут за собой каскад переделок.

— Это как? — поинтересовался я. — Типа отдача от крупного калибра будет кирасу сильнее разворачивать, если жёстко с низом не скреплять?

Маг осёкся.

— Ты с кем-то это обсуждал?

— Да нет, но обращал внимание, когда стрелял. Ещё ловил себя на мысли — похвалить вас, что с отдачей так удачно справились.

— М-да. Вот и пойми этих военных, — пробурчал он, записывая, однако, и мои слова.

Я добавил ему, что ограничения подвижности в локтевом и плечевом суставах спасли меня от вывихнутой руки, когда нули пытались заломать меня в Оренбурге.

Карандаш порхал над схемой костюма, где Яков отмечал проблемные точки. Он слушал меня, бормотал себе под нос и, удерживая в голове всю конструкцию, ставил чёрточки и крестики, подписывая их мелким убористым почерком.

— Всё?

— Ну, если тебе не во что больше меня носом ткнуть, то и всё. — Глаза его смеялись.

Незаметно зашедший Толик, явно слышавший весь разговор, вмешался с вопросом, почему Яков смеётся в такой ситуации. В ответ он получил явно заготовленную короткую, но ёмкую лекцию о том, что мастеру нет нужды обижаться на критику, которая служит тому, чтобы сделать лучше.

Парень понял не всё, но старательно кивнул. Ничего, втянется. Тем более что его вклад в новые костюмы составлял уже как бы не четверть всей работы. Освоившись, он работал с подменными элементами так быстро, что Якову теперь не приходилось выращивать их со всей детализацией, сократив сроки и объёмы затрачиваемой энергии.

— Папу послезавтра будить станут. Горячев сказал, что даже с запасом. Нервы, сказали, работают, как положено.

В голосе слышалось облегчение. Я понимал его. Николаю слишком везло оказываться у нас на больничных койках и формировать вокруг себя интригу.

Семейное это, что ли?

На улице меня ждала Изобель со своим сопровождающим. Парень держался в стороне, но было видно, что буквально пару минут назад он что-то объяснял своей подопечной.

— Вы издеваетесь? — вместо приветствия атаковала меня магичка.

— Вообще не в теме. — Ругаться с ней не входило в планы.

— Скажи, что это шутка. — Не отставала она.

— Это шутка.

Изобель, раздувая ноздри, шумно втянула воздух.

— А в чём дело-то?

Она поникла. Лёгкая камуфляжная куртка, специально выданная на два размера больше, обвисла мешком. Придумка военных психологов эффективно выбивала пленных из образа служилого человека, лишая достоинства и не позволяя чувствовать себя офицером. Довольно красивая женщина окончательно превратилась в пугало.

— Ты не знаешь? — Её взгляд снизу, исподлобья, добавлял драматичности и превращал в просительницу. — Нет. Правда не знаешь. — Магичка, казалось, уговаривала сама себя.

— Да скажи ты словами, хватит саспенс нагонять.

— Татьяна просит, чтобы я учила ваших детей. — Изобель выпалила скороговоркой, будто опасаясь, что сейчас всё перевернётся в обратную сторону.

Это была новость, но уже не первой свежести. Я вспомнил слова Тюрина, наложил на них спину Ершовой, её «пожалуйста». Значит, вот оно как…

— Зачем? Зачем вы это делаете? — Женщина передо мной срывалась на крик. — Что вы хотите доказать? Вчера девчонка эта. Аня. Сегодня… Я не могу так. Я знаю, она меня ненавидит. И убила бы, если бы… если бы разрешили.

Она зашарила руками по карманам, но к нам подошёл её конвоир и, ни слова не говоря, протянул белоснежный — откуда только взялся? — носовой платок. Изобель разревелась и, стесняясь слёз, отвернулась от нас. Высморкавшись в платок, сунула его в карман. Затем посмотрела на бойца, но тот махнул рукой — пустое — и занял своё место поодаль.

— Кто вы, дери вас за ногу, такие? Вы не святоши — вы делаете, как думаете. Но почему, почему, мать вашу, я постоянно чувствую, что об меня вытерли ноги, а потом сполоснули?

— Потому что это ты чувствуешь, а не об тебя их вытерли. И подбери сопли, и ступай работать. Ты же этого хотела?

Она сделала шаг вперёд и ударила мне в грудь обоими кулачками, будто в дешёвом кино изображая отчаяние. Не хватало только сползти по мне, как в слезливой мелодраме.

Я посмотрел на бойца, напряжённо следившего за нами, и едва заметно кивнул ему. Затем мягко отодвинул Изобель от себя, взяв за плечо, и рявкнул:

— Первый лейтенант Улитина. — Звание и фамилию я помнил из допросов и личного дела.

— Я! — Она отпрыгнула на шаг и встала по стойке «смирно».

— Приступить к выполнению поставленной задачи.

— Сэр… — Изобель сбилась, затем поправилась. — Есть.

— И оденьтесь по-человечески. А то распустились. Вороны пугаются.

Я повернулся к сопровождающему.

— Проводите в хозяйственную часть. В случае недопонимания пусть сразу мне звонят.

— Так точно, товарищ майор.

— Свободны.

Изобель по-армейски развернулась и, чеканя шаг, пошла по дорожке. Мне казалось: скажи я слово — и она развернётся договаривать, выяснять, расспрашивать и, возможно, каяться, но сейчас она держалась.

Хотя бы сейчас.

Снабженцы мне не позвонили. Лишь пришло короткое сообщение от лейтенанта Обиходова.

«Всё ок».

Заняться было нечем, и я заглянул к аналитикам, чтобы посмотреть на Древо. Костя был дежурным и выделил свободное место с компьютером, показал папку с файлами записей и отдельно, как вывести на экран телеметрию.

Не то чтобы я надеялся увидеть нарушения Стандартной модели, но взгляд профана как элемент случайности…

Не помню, кто вчера решил, что трупы убирать не надо. Но попал он — стрелой в стрелу. Из корней Древа вверх за какие-то шесть часов пробились отростки, нащупавшие останки. Ещё через три — тела были оплетены и на экране отчётливо просматривались шипы, пробившие плотные мешки, в которых притащили заключённых.

Свежие данные пока только обрабатывались и декодировались, но мне казалось, что Древо как некий Робин-Бобин примет в качестве подношения всё, что ему ни принесут, а плоть и кровь — так, всего лишь «приятный бонус» к высшей ценности. Жизни.

Об этом говорил Мерлин? Не дадите — возьмёт само? Компенсируют ли тела и кровь часть жертв? Можно ли скормить ему пустые трупы, уменьшив требуемое — мерзкое слово — количество живых людей? Залить кровью со скотобоен?

Заметив, что я задумался, ко мне подошёл Костя.

— Хреново там было?

— Мерзко. Ощущение жуткого голода и облегчение, когда человек умирает.

Он положил ладонь мне на плечо.

— А помнишь, Михалыч отдал часть… а теперь мы — как те големансеры. — Его рука на плече непроизвольно сжалась.

Пролечили Костю знатно. На какой-то миг мне стало больно. Он ойкнул, по-мальчишески спрятал руки за спину.

— Прости… те.

— Брось. Иногда нужно вот такое напоминание, чтобы видеть, во что мы можем превратиться.

— Можем, товарищ майор? — Он затаил дыхание.

— Пока ещё только можем. Надеюсь.

Его отпустило. Как будто цвет вернулся в глаза.

— Что-то от нас нужно? Дополнительно?

— Дай ручку, я пока мысли набросаю. Потом попробуем их покрутить. Возможно, на каком-то шаге и проверим, что сработает. Не знаю. Хреновая затея, но если хоть на чуть-чуть… и то ладно.

— Меньшее зло кроите? — К нам подошёл Александр, ставший начальником аналитического центра.

Прежний руководитель пошёл выше и теперь курировал и нас, и смежников, не забывая, впрочем, наведываться лично.

Саша протянул руку, крепко пожал мою.

— Только ты не начинай тоже про большее-меньшее нотации читать. — Я скривился, как от хины.

Он хохотнул.

— Ты не Лютик, я не Геральт. — Его широкие плечи поднялись и опустились. — У нас есть слово «надо». И знаешь, мне ближе позиция рядового Рабиновича. Если я умру — кто Родину любить будет? Подумай, мне не жалко.

Я подумал. Немного слишком прагматично для меня.

Но только немного.

Вопросы ложились на бумагу ровными строчками. Места для ответов не оставалось. На всякий случай откопировав несколько экземпляров, оставил ребятам парочку и понёс отцам-командирам на подумать.

По дороге осознал, насколько устал, хотя толком ничего и не сделал.

Перед самой дверью медблока меня остановил мужчина средних лет в цивильном. Я попытался понять, откуда мне знакомо его лицо, но в голову ничего не приходило.

— Алексей Николаевич?

— С кем имею честь?

— Старший следователь Департамента, курирующего ваше подразделение. — Он попытался изобразить улыбку, но получился почти оскал.

Впрочем, у Зверя выходило круче. Увидев, что я не слишком впечатлился, мужчина извлёк из внутреннего кармана красную книжицу и, раскрыв, протянул мне.

Посмотрев на ключевые точки, как когда-то учили, и сличив фотографию с оригиналом, я вернул удостоверение.

— Чем обязан?

— Алексей Николаевич, я понимаю ваше недоумение, но попросил бы немного отойти в сторонку, чтобы не стоять в проходе.

Мы сделали несколько шагов, и я почувствовал толчок в ногу. Зверь шёл чуть позади меня и топорщил шерсть. Спасибо, дружище. Я и сам душок чувствую.

— Понимаете, майор. У нас есть некоторые подозрения. — Он суетливо выставил вперёд ладони и покачал ими. — Только подозрения. Что ваша будущая невестка… Подождите, дайте я договорю. Так вот, что майор Звягинцева совершенно не заинтересована в том, чтобы ваш брат вышел из комы.

Состояние изумления мне даже не пришлось изображать. «Варяг» понял его по-своему.

— Да-да. Мы тоже в недоумении. Но обратите внимание, что после её «дежурств» у постели больного сроки восстановления сдвигаются на день или два. Вашего племянника от дежурств отстранили…

— Как так? — В негодовании всплеснул руками я.

В уголке глаза у него мелькнула искорка.

— А вы поинтересуйтесь. Я мотивировочную часть не помню, но ваш профессор поддержал, с учётом того, что парню и учиться нужно, и обязательства в мастерской никто не снимал.

До меня дошло, где я видел этого службиста. Это он приглядывался к моему разговору с Маргаритой в столовой и затем делал вид, что шёл мимо, когда она повернулась. Я с недоверием посмотрел на мужчину.

— Вы сейчас говорите какие-то странные вещи. Я знаю майора Звягинцеву как профессионала, человека высоких моральных принципов…

Он перебил меня с выражением лёгкого превосходства. Как это часто делают взрослые, объясняющие подросткам прописные истины. И с тем же налётом непогрешимости.

— Алексей Николаевич, ну, право слово. Никто и не отнимает у неё ни способностей, ни профессионализма. Но вы же в курсе её нервного срыва? По глазам вижу — в курсе. И помните про рапорт, который Антон Афанасьевич замылил, не дав ходу. — Он, ходил вокруг меня как лиса вокруг заячьей избушки. — И уж высокие моральные принципы госпожи майора… — Сочетание неприятно резануло, и он ухватился за мою реакцию. — Они вряд ли совпадают с тем, что мы с вами вынуждены делать.

Я машинально кивнул. Они у нас у всех не совпадали.

— Вы хотите сказать, что она способна?.. Николая…

— Ну, я не думаю, что зашло… настолько далеко. Но есть обоснованные подозрения, что Николай Николаевич выйдет из комы… как бы это сказать помягче… без своих способностей.

— Да вы что! А как же Горячев, он же должен понять?

— Я нисколько не умаляю его профессионализма, но определить у пациента в коме поражение эмоциональной сферы…

Я задёргался на месте, оглядываясь по сторонам, как будто искал поддержку. Он следил за мной и в какой-то момент положил руку на плечо.

— С-спасибо. Что-то вы меня прямо выбили из колеи. Но как вообще вы к этому пришли?

Он полез в карман и достал какой-то пузырёк от лекарств. Показал мне, осторожно держа за донышко и крышку.

— Что это?

— Специфический препарат. Очень специфический. Основной эффект — сильное, очень сильное притупление эмоционального отклика.

Я закашлялся.

— Как бром в армии, что ли?

— Нет. Во-первых, согласно байкам, «бром» угнетал либидо, а во-вторых… — Тут он особенно сыграл голосом. — «Бром» — байки, а этот препарат — реальность.

Моя рука потянулась за пузырьком, но он его спрятал.

— Осторожно, отпечатки.

Я закивал.

— Это не всё?

— Нет. В большой дозе препарат угнетает нервную деятельность, вызывая сон и апатию.

— И насколько высокой?

— Пузырька хватило бы на шестерых.

Такой сочувственный голос, такое выразительное лицо. Захотелось врезать. Он заметил мои дрожащие руки.

— Сохраняйте, пожалуйста, спокойствие. Я надеюсь, мы найдём решение этого вопроса.

— Как?

— Мне… нам нужно разместить передатчик на её одежде. Но сами понимаете, Алексей Николаевич, вздумай мы это сделать…

Извиняющееся выражение лица можно было принять за настоящее.

Я протянул подрагивающую руку ладонью вперёд, дважды успев оглянуться по сторонам. Это не осталось незамеченным, и мужчина покровительственно объяснил, что бояться нечего, что идёт работа на благо государства и моего же родственника. И что, возможно, Маргарита Семёновна не виновата, но тогда тем более нужно установить ответственных.

Я похлопал глазами, понуро ссутулился и принял небольшой передатчик, чуть длиннее иголки и толщиной примерно в полтора-два стержня от шариковой ручки.

— Активируется поворотом головки. Вот так. Батареи хватит на пару дней. Прошу вас — не тяните.

— А как я вас найду?

— Не нужно, Алексей Николаевич. Мы сообщим.

Я положил жучок в правый карман и «забыл» вытащить руку обратно, когда он протянул мне свою на прощание.

Усмехнувшись, службист пошёл дальше и свернул в сторону тира, а я так и остался стоять как четвёртый тополь на Плющихе, подозревая, что кто-то на меня смотрит. Не может не смотреть.

В то же время меня не оставляло ощущение какой-то неряшливости. Вербовщик не мог не знать, кто я такой. Чем занимаюсь. Мою историю, наконец.

Или на это и расчёт? Что я начну игру, побегу к Тюрину, и это каким-то образом позволит им перехватить инициативу? Объявить оперативной игрой, привлечь на базу дополнительных людей.

И без того сейчас у нас разгуливают те, кого ни Сергей, ни Маргарита не проверяли. Да и с их проверками выходило так себе, если вспомнить лже-Ивана. Мозг тут же оставил себе напоминалку: сохранить хотя бы пару браслетов для проверки людей на воздействие мозголомов и контроля пленных.

А если сам по себе жучок не для Звягинцевой, а для меня, и уже работает?

Слишком много вопросов.

Развернувшись, я снова медленно побрёл к входу в медблок.

Глава 3. Май 2018. Нижегородская область — Республика Калмыкия.

Глава 3. Май 2018. Нижегородская область
— Республика Калмыкия

.

День первый.

Я вошёл в кабинет, успев кивнуть Жене на её немой вопрос о кофе. Разложил, под ничего не говорящие посторонним соображения о Древе, свои записки и пару раз, чтобы меня заметили, приложил палец к губам. Сергей понял всё правильно, взял пару блокнотов и уселся рядом со мной.

Антон Афанасьевич принялся читать мой доклад вслух, нарочно читая медленно и то и дело переспрашивая. Это, конечно, мешало переписываться с полковником, но не слишком сильно.

«Меня вербовали. В кармане жучок».

«Великолепно. Легенда?»

«Маргарита мешает вывести Николая из комы. Давит его транквилизаторами, глушит дар».

«Ещё лучше. Что-то ещё?»

«Жучок якобы нужно повесить на неё, но, думаю, он уже включён».

«Резонно. Соображения?»

«Грязно. Как будто тупая проверка меня. Или проверка, что я буду делать. Или игра внутри игры».

«Возможно. Или цейтнот. Мы одного товарища умудрились слить. Под благовидным предлогом и без последствий — его ведут в Центре».

Карандаши порхали над бумагой. Иногда их скрип прерывался сухими щелчками сломанных грифелей. Тюрин всё так же изображал уставшего командира, которого задолбала инициатива подчинённого, но который вынужден разбираться в его предложениях и задавать вопросы.

«Что делаем?»

«Жучок повесишь на Марго. Демонстративно. В воротник. А мы объявим, что переведём Николая в госпиталь, в неврологию».

«Не слишком ли наглядно?»

«Не до тонкостей. Майор, эти товарищи и за Изобель пытались взяться. Думаешь, почему с ней УСБ даже в туалет ходят?»

«Я думал, это кто-то из наших».

«Выйди с ними на спарринг. Оценишь разницу».

«Я жить хочу!»

«То-то. К делу. Транки — наша легенда. Специально ведём, санкция сверху. Ребята, похоже, из тех, кто раньше сидели посредниками на доступе к ресурсам. Мы им Михалыча “в аренду” сдавали, когда нужно было решения проталкивать и разное… ты понял. Сейчас мы на прямой линии, а им неймётся. Нужно оперативно убрать “жадин”, но оставить адекватных. Конкретику потом будем ковырять».

Я вспомнил, с какой подростковой наивностью Настя рассказывала о том, как Михалыч ездил «наводить красоту» жёнам и любовницам «нужных людей», и на миг от полковничьей напоминалки стало мерзко.

Сделал глоток кофе и чуть не обжёгся.

«А мне что делать?»

«Тебя отправим подальше. Будешь Древо охранять. Антон Афанасьевич через час-другой приказ зачитает».

«Ну, спасибо, удружили».

«Обращайся, майор».

Тюрин закончил свою последнюю сентенцию, я почти машинально ответил. Затем напомнил командирам о том, что стоит пару негаторов оставить нетронутыми на предмет проверки мозголомов, и Сергей тут же нажал клавишу селектора, чтобы отдать приказ.

— Теперь всё?

— Так точно, товарищ генерал.

— Отлично. Ступай пока.

Перед ужином у столовой меня догнала Звягинцева. Мы постояли на улице, немного поговорили о мелочах. Она подмигнула и завела пожалейку: как она устала, как ей теперь жалко, что согласилась отозвать рапорты и как она готова на всё, лишь бы их с Николаем отпустили со службы.

Я пытался давить на сознательность, объяснял, насколько мне и другим важна её поддержка, насколько нужен брат с его способностями — в этом месте она прямо-таки вздрогнула — и что, если они уйдут, то как бы не потянулись следом и Толик с Настей. А за ней и Артём. Приобнял её и, похлопывая по спине, кое-как дотянулся до воротника. Если бы Маргарита не подалась ко мне ещё сильнее, чертыхаясь на булыжник под ногами, я бы с этим жучком полчаса провозился.

Она ещё посопротивлялась для виду, поныла, что на койке не я лежу. Затем спохватилась и, пряча глаза, ушла в обратную сторону, оглядываясь каждые несколько секунд и ускоряя после этого шаг.

— Ты что творишь?! — Вышедшая из столовой Мари-Хелен, как оказалось, наблюдала за нами.

— Я всё объясню! — Мне стоило труда подхватить её под руку, чтоб отвести в сторону от оживлённой дорожки.

За нами уже начали наблюдать знакомые и нет лица. Среди них светил лицом и «старший следователь».

— Ну?!

— Так надо. — Мой ответ, похоже, её не впечатлил.

Мари-Хелен попыталась вырвать руку, но не рассчитала усилий, а я разжал пальцы, чтобы не повредить ей руку. Отскочив от меня на полшага, она чуть не рухнула на землю, но её услужливо подхватил тот самый крот.

Увлекая её обратно ко мне, он щелкнул красной книжицей и на хорошем английском объяснил, что ведётся следствие и сохранять его тайну — в общих интересах. А мои действия санкционированы свыше.

— Но как же… она же ни в чём не виновата?

— Мы это учитываем, и нам необходимо собрать всю информацию, в том числе чтобы понять, по чьей наводке возникли подозрения в отношении майора Звягинцевой.

— Я отказываюсь понимать такой сбор информации. Вызовите её, допросите напрямую. Что это вообще такое? — Мари-Хелен в гневе казалась строгой учительницей.

— Милая, я тебе дома объясню. — Мне нарочно пришлось выбрать идиотски сюсюкающий тон, чтобы она продолжила возмущаться, но почему-то её запал погас.

Чтобы разгореться с новой силой.

— Хорошо. Пойдём в столовую. — Она повысила голос.

— Только, пожалуйста, не на публику, — предостерёг нас следователь и исчез среди других людей.

Бесплатное представление закончилось, и сослуживцы, переговариваясь и поглядывая на нас, пошли по своим делам. По тому, как быстро исчез наш собеседник, я догадался, что в столовой за нами будут приглядывать. Да и одежду Мари-Хелен теперь стоит внимательно осмотреть.

Ел я молча. Любая моя попытка сказать хоть слово натыкалась на её жёсткий презрительный взгляд, заставляя меня вжимать голову в плечи.

Дома Мари-Хелен сбросила куртку в дальний угол, шмыгнула в ванную и, включив воду в раковине, махнула мне рукой.

Я вошёл и прикрыл за собой дверь.

— У вас опять игры в шпионов?

— Можно и так сказать, а как ты догадалась?

— Когда этот… — она использовала слово из табуированного лексикона, — подхватил меня, я почувствовала укол. И потом рукой провела — там на куртку явно какая-то дрянь прицепили.

Я обнял её и прижал к себе.

— Я люблю тебя!

— Пусти, я сейчас упаду! — Крик шёпотом звучал по-дурацки.

Мари-Хелен с гордостью смотрела на меня.

— Как я сыграла?

— Лучше всех!

— Там ещё за спиной у тебя человек сидел, напряжённо всматривался в нас.

— Отлично. Скажу Сергею — по камерам посмотрят. Если совсем кратко: у нас крысы завелись. Копают через Маргариту к Николаю. Перехват контроля. — Последние слова я сказал неуверенно: слишком мало информации получил от Сергея.

— Ой, это ж у нас там врач тоже новый, из вашего центра. Он тоже? — Она задумалась. — Его, кстати, к твоему брату и не пускают. Это оно?

— Думаю, да. Но ты не пытайся сама в Мату Хари играть. А лучше «приболей» на день-другой. Я согласую.

— М-м-м-м, выходной посреди недели? А ты?

Мне пришлось разрушить её планы, рассказав, что предстоит дорога дальняя. Мари-Хелен сначала расстроилась, а затем предложила поехать вместе со мной. Всё равно ведь придётся всем там побывать, так лучше раньше, чем позже.

Отсутствие инфраструктуры её не пугало. Кипя энтузиазмом, она заявила, что зато на правах первопроходцев сможем застолбить себе лучшие места.

— Которых нет.

— Будут. Или ты в себе сомневаешься?

Я не сомневался, и следующий час наши соглядатаи слушали совсем не то, что хотели.

На общий сбор по сигналу «Внимание всем» в двадцать два часа, выбегали впопыхах. Мари-Хелен хотела было схватить куртку с жучком, но я ткнул пальцем в более тёплый бушлат. Она заглянула мне в глаза и кивнула. Выйдя на улицу, поёжилась и прижалась ко мне, будто не зная, куда теперь идти.

Собрались в ангаре. Ярко светили прожектора. Ещё пахло озоном и гарью после тренировок кого-то из магов. Кто-то потягивался, кто-то откровенно зевал. Подошли отцы-командиры.

Тюрин произнёс короткую речь об опасности оставлять Древо без присмотра, упомянул об инженерных бригадах, выдвинутых для развёртывания небольших военных городков по образцу базы, с привлечением опыта пограничных войск.

В толпе пошли шепотки: кому-то придётся ездить в командировки в калмыцкую степь. Тут же чей-то голос предложил делать ставки на того, кого первым забросят на дальний кордон.

Судя по частоте звучания моей фамилии, сослуживцы в меня верили.

Я чуть было не прослушал, что наши сенсоры будут сменяться каждую неделю. Ответственным за приданных магов назначили меня, а руководителем медицинской службы — Мари-Хелен. В помощь ей придали Таисию и пару медбратьев. С мелочёвкой должны будут справляться санинструкторы в подразделениях. Кто-то присвистнул: «Семейный подряд», и из края в край прокатилась волна смеха.

Для экстренных случаев нам пообещали выделить вертолётное звено, что вызвало одобрительный гул, зазвучавший под куполом ангара, как в церкви.

Военизированное крыло от нас возглавил Стешин, успевший получить майора. Я помнил о нём по событиям в Иваново. Толковый и опытный офицер, понимающий нашу специфику.

Магов обещали включить ротировать каждые две недели; про бойцов пока речи не шло.

Зато особое внимание Тюрин уделил двум «И»: интуиции и инициативе. Все предложения, собственные наблюдения и всё, что будет казаться необычным, он потребовал незамедлительно передавать по инстанции. Или минуя её, если появится внутреннее убеждение. Неважного нет. Пока не доказано обратное.

Первая смена получит уведомления на коммуникаторы. Вылет в десять утра.

— Алексей, как в десять часов? Я же не передала дела. Не собрала ничего с собой.

— Я думаю, что с собой мы возьмём стандарт, дела примет Людмила, у вас вроде сейчас в палатах нет ничего срочного, что твоё внимание требует?

— Ну да. А всё остальное?

— Ты недооцениваешь военных. Медпункты, думаю, уже перебросили и только и ждут персонал, для комплектации на месте. И не сбрасывай армейских со счетов, к службистам они обратятся, только когда из ушей дым пойдёт.

— Это экзамен? Да?

Я вздохнул.

— Для всех нас.

День второй.

Ночь была бессонной. Сборы, беготня, получение оружия и боеприпасов. Выяснение, что старый револьвер, сгоревший в чёрной вспышке, всё ещё числится на мне. Рапорт, запись цифр номера под диктовку уставшего оружейника.

У Мари-Хелен своя драма — письмо родителям, разговоры с разбуженной тревогой Магдой. Я, как ни пытался отпетлять, тоже поучаствовал в процессе. Зато в четвёртом часу на моём коммуникаторе загорелся экран.

«Зайдите вдвоём».

Кофемашина была пуста. Жени рядом не было, а Юрий не знал, где лежит пакет с зерном, но клятвенно обещал узнать попозже. Пришлось заходить насухую.

В кабинете, помимо уставшего Сергея присутствовали Веденеев, Татьяна и Людмила. В уголке стояли Изобель с сопровождающим. Они-то зачем?

— Прямо все ветви власти, — пошутил я.

Полковник осуждающе покачал головой. Он протянул Мари-Хелен планшетку с закреплёнными листами гербовой бумаги.

— Прочти английский текст. Потом перелистни и вслух, как сумеешь, по-русски.

Она трясущимися руками взяла документы у Сергея. Пробежала. Сначала наскоро, потом вчитываясь в текст. Выражение её лица резко изменилось. В уголках глаз собралась влага.

— Я готова.

— Подумай. Это не…

— Я всё понимаю. — Голос звенел.

Она распрямилась и принялась зачитывать текст присяги, ставя невпопад ударения и сбиваясь на словах с шипящими. Никто из нас не решился её поправить, казалось, мы даже дышали через раз.

У Изобель глаза расширились, сделавшись похожими на бутылочные донца. Или это тень так упала?

Наконец Мари-Хелен опустила планшетку, дочитав последнее слово. Вытянулась по стойке «смирно».

— Приказом директора Федеральной службы безопасности вы зачислены на действительную службу с присвоением звания младшего лейтенанта медицинской службы. Прошу поставить подпись об ознакомлении.

Она застыла на несколько секунд, затем резко поднесла ладонь к виску. Веденеев сообразил раньше всех: снял кепи и быстро нахлобучил ей на голову.

— Служу России.

Полковник протянул ей два погона с одинокими маленькими звёздочками посередине.

Первой Мари-Хелен обняла Татьяна, успев даже поперёд меня. Зато мне по плечу с размаху хлопнул Михаил.

— Поздравляю вас обоих, Алексей. Вы заслужили.

В груди защемило. Я виновато улыбнулся ему и перевёл взгляд на любимую.

Следующей к нам с разрешения сопровождающего подошла Изобель. По-русски, чтобы не поняла новоиспечённая младлей, она обратилась к Сергею:

— Знаете, Сергей Степанович… раньше я считала своего шефа неким демоном Макиавелли. Но сейчас я вижу, что его я переоценивала. — Затем она повернулась к Мари-Хелен. — Искренние поздравления. И немного зависти. — И вышла из кабинета, дождавшись, пока конвоир догонит её.

Я взял обе ладони любимой в свои.

— Поздравляю младшим лейтенантом.

Она сделала шаг, освобождая руки. Положила их мне на плечи.

— Навсегда.

С пяти до семи выкроили время подремать. Утренняя проверка всего, чего можно. Оставленный в углу комнаты жучок, который «найдут» уборщики, запустив отдельную тревогу на базе. Сергей отдельно обнял и расцеловал в обе щёки Мари-Хелен, когда ему рассказали об игре в столовой и около неё.

Потом, уже в спину нам, будто разговаривая сам с собой, пробормотал что-то о семье. Что «неплохо бы…»

В первой смене с нами летела Алия. Борис оставался, чтобы вводить Дениса в курс дела и работать с прибывшими физиками и математиками. Девушка, казалось, даже немного ревновала его к работе. Во всяком случае её тон, которым она рассказывала о происходящем, был весьма и весьма красноречив.

Основную группу должны будут дополнить ребята из Сибири, пять или шесть человек. В следующую смену хотели на местности побывать Лёня со Славой, и Татьяна шепнула мне, что с радостью бы отправила и Аню попрактиковаться «на пленэре», где она не нанесёт никому вреда. У девочки, при всей её силе, проблемы с самоконтролем.

На этих словах Ершова смутилась и бросила взгляд в сторону полигона.

Нас уже ждала машина, и Мари-Хелен поднялась в кузов «Урала». Для неё этот опыт был внове. Забираться в кузов даже через откинутый задний борт с непривычки очень тяжело, особенно если ты ни разу не видел, как это делается. Кто-то из ребят сжалился над младшим лейтенантом, выпрыгнул из машины, показал, где можно поставить ногу. Моя любимая оказалась способной ученицей и сразу же запрыгнула под более чем заслуженные аплодисменты. Сумку с вещами забросить вперёд себя она не догадалась.

— Береги её, Лёш. — Татьяна протянула руку и крепко пожала мою. — И… возвращайтесь.

— Боюсь, что скорее вы — к нам. — Наверное, не стоило, но какой-то чёрт дёргал за язык.

Она улыбнулась, как человек, который знает, что это — правда, но всё равно надеется на лучшее.

Я помог водителю поднять борт и, вспоминая, как это делал раньше, поставил ногу на незаметный для непосвящённых выступ, закинул вторую и перевалился внутрь.

— А залезть, пока борт не подняли? — Стешин, похоже, решил, что я форсил.

— И что, водиле потом самому корячиться?

Ответа он мне не дал. Я уселся на скамейку рядом с Мари-Хелен, ребята задёрнули и закрепили полог, и кто-то постучал по кабине: «Трогай!»

Пока доехали по гравийке до нормальной дороги, успело знатно потрясти, и мне на ухо громким шёпотом рассказали, что синяки буду лечить сам. Я пообещал это делать со всей нежностью и заботой, и намекнул, что с нашими дорогами я наверняка стану дипломированным специалистом в этой области и смогу открыть частную практику.

Знающие английский переводили соседям, а Мари-Хелен только показала им всем язык. Алия при этом сидела тихонько, не отсвечивая.

К сожалению, Таисию первым рейсом взять с собой не получилось. Мари-Хелен намекнула, что причина уважительная и что целительница прибудет с мужем через пару-тройку дней. Пока будем рассчитывать на традиционную медицину.

В самолёте удалось подремать, тем более что ребята отпустили нас ещё до завершения полной погрузки нашего барахла. Мы, расстелив один спальный мешок, затолкали второй внутрь и получили какое-то подобие матраса. Новоиспечённого младлея не разбудили ни взлёт, ни посадка, поэтому по прилёте мне пришлось тормошить Мари-Хелен.

С учётом удалённости объекта от цивилизованных мест, за нами прибыли вертолёты, а вот вещи, за исключением личных, отправляли грузовиками. Наши механики и оружейник заняли места в кабинах машин, а мы, проводив их, взлетели над степью.

Мари-Хелен весь полёт провела у иллюминатора, не отрываясь. Честно сказать, будь у меня место рядом с окном, я бы тоже не отрывался. Сели, подняв тучи пыли. Пилоты, заглушая двигатели, выругались: за фильтры им механики головы открутят.

Не успели мы выпрыгнуть, как к нам быстрым шагом подошёл подполковник, придерживая фуражку. В разговоре выяснилось — комендант гарнизона. Он оказался рад поделиться ответственностью, поскольку закинули его сюда по армейской привычке с приказом «копать здесь, а мы пока узнаем, где надо».

Стешин, несмотря на разницу в званиях, быстро нашёл с ним общий язык, предложив помощь с организацией работ, и в благодарность тот разрешил нам самим выбрать часть вагончиков-времянок, которые были разбросаны по территории.

На вопрос, почему вразнобой, подполковник, назвавшийся Львом Петровичем, ответил, что местность, чай, не парковка перед супермаркетом, грейдеры задержались, поэтому коробки бегом-бегом лепили на любую ровную поверхность как получится. Само собой, удобства были общие и на улице, столовая оказалась на другом краю городка, а штаб представлял собой груду палаток, столпившихся вокруг трёх впритык поставленных коробок.

— А Дерево-то где? — по-простецки спросил Стешин.

Комендант не успел ответить — Алия закашлялась. На губах появилась кровь.

— Там…

Глава 4. Май 2018. Республика Калмыкия.

День второй.

С Алией всё было в порядке. Но, конечно, не в полном. День полноценного отдыха пойдёт ей на пользу. Всего лишь крутые горки Сивку укатали. Мариуполь, Свердловск. Слишком много, слишком часто. Зато нашим санинструкторам представилась возможность отработать эвакуацию.

Я ещё улыбался от мысли, что легко отделались, а Мари-Хелен уже выговаривала мне, что так дело не пойдёт, и нужно будет жёстко распределять дежурства, раз уж мы здесь присутствуем ограниченным контингентом.

Не согласиться было нельзя, тем более что и сам чувствовал себя не так чтобы очень. Однако служба есть служба. Забрав у неё вещмешок, я пошёл к выбранному домику. Не знаю, как у Мари-Хелен с интуицией, но, если верить тому, что я помнил о розе ветров в этой местности, пыль от посадочной площадки в нашу сторону лететь была не должна.

Офицерскому составу полагались комнатушки на двоих. Рядовых заселяли по четыре человека. В окнах торчали дешёвенькие кондиционеры, хотя я и сомневался, что генераторы выдержат, когда всем станет жарко. Воду к домам, само собой, никто не подводил, но палатки с душем были развёрнуты заранее и, по словам «старожилов», жить было можно.

К счастью, кто-то заранее подумал, что будут и женщины, поэтому санитарные зоны разделили по уму. В разговоре с комендантом выяснилось, что обустройство ещё только предстоит, но со строительной техникой пока совсем затык. Зато и машины, и мотоциклы уже подогнали. Новенькие, только с консервации. И горючки — хоть залейся. Садись — и в патруль.

— Лев Петрович…

— Можно Лев… или Лёва. — Он снова протянул руку, чтобы поздороваться теперь и неформально.

— Тогда — Лёша.

— Отлично. Я так понимаю, ты будешь заведующим по всей чертовщине? — Подполковник особо не церемонился.

— Да. Но, скорее, на случай нештатных ситуаций.

— Угу, меня уведомили, что вы тут все — чрезвычайщики. Но мы тоже не совсем стройбат. Комендатура.

— Хорошо, у ребят — на всякий случай — настрел есть?

Он поморщился и отвернулся. Я кивнул и пообещал.

— Будет.

— А вашими силами… никак?

— Лев, помнишь, что в Москве было?

— Угу.

— Кремлёвский полк тоже не предполагал, что будет надо.

Комендант пристукнул по столу. С любопытством посмотрел на меня.

— Вокруг тебя всегда вот такая фигня происходит?

— Лучше считать, что да. Целее будем.

— Ладно, что уж там. Но дули тебе в спину крутить будут долго.

— Да пока я не вижу, пусть хоть бьют.

Подполковник засмеялся:

— Сработаемся.

Ребята Стешина тоже разбились по парам, выбрав себе домики рядом с нашим. Для Алии, медсестёр, которые должны были прилететь следующим рейсом, и магичек, ожидавшихся из Сибири, застолбили ещё три вагончика.

У нас все носили офицерские звания, поэтому места мы отъели прилично, и помощник коменданта, шебутной капитан, после нашего расселения умчался требовать с Большой Земли дополнительные ресурсы.

За обедом сидели на улице под навесом за длинными столами из свежеструганых досок, которые были скреплены с такими же лавками. Всё это напоминало мне поездки в детстве с соседом на уборку, когда комбайнеров и водителей вот так кормили свежеприготовленной едой в полевом стане.

Кто-то пошутил про то, что мяса маловато, и ему со смехом предложили пойти, сусликов настрелять.

— Можно подумать, ты их тут видел, хоть одного.

— А они есть!

Мари-Хелен приняла всё за чистую монету и решила провести ликбез по зоонозным заболеваниям. А когда ей объяснили, что это «народный фольклор» на тему одного старого фильма про армию, она взяла с меня клятвенное обещание показать его и объяснить соль всех шуток в нём.

Пришлось положить руку на сердце.

А Стешин, ранее договорившийся с комендантом, тут же записал в добровольцы на организацию импровизированного полигона тех самых бойцов, что не чурались шутить в присутствии офицеров. Парни поняли, что попали, и заканчивали обед молча.

Алия не удержалась в лазарете и, слегка пошатываясь от слабости, пришла к раздаче второго. Извинилась перед нами за то, что насоздавала проблем, но тут же с горящими глазами, помогая себе руками, рассказала, что ей обе ночи снилось Древо. Причём не таким, как на экране — нелепо страшненьким, — а огромным, с затмевающей небо кроной, неохватным стволом и почти двумя десятками порталов-глаз.

— А сейчас? — едва прожевав, спросила Мари-Хелен.

Она покачала головой.

— Я знаю, какое оно должно быть, но контуры вижу и сейчас.

Повариха — довольно худощавая, вопреки расхожему мнению, женщина чуть старше средних лет — принесла ей тарелку. Поставила на стол.

— Кушай, девочка, потом будешь говорить.

— Мне там, в лазарете одиноко было. С вами так хорошо. Не затягивает и можно почти не слышать…

— Что? — Потянулся я к ней.

— Шелест. Там столько листьев. Они шелестят. Постоянно. Красиво. Жутко.

Сидящий справа лейтенант непроизвольно отодвинулся от неё. Алия даже, казалось, не заметила, погружённая в себя.

Мари-Хелен вопросительно посмотрела на меня. Я кивнул, и она предложила:

— Аль, давай, пока наши не подъедут, я с тобой поживу?

— Хорошо. Но сегодня… отвезите меня. Я должна… мне надо его увидеть.

— Договорились. Мари-Хелен, выделишь нам санинструктора? На всякий случай.

— У меня на обоих ребят были планы… — Она явно не понимала, как себя вести в такой ситуации.

Один из офицеров, сидевших с нами, отправил вместо нашего санитара в лазарет пару бойцов, которым он доверял, и вопрос был решён.

Если бы я ехал сам, взял бы мотоцикл — после восстановления ног у меня руки чесались снова рвануть на двух колёсах. Однако с Алией и санитаром нас было трое, а я не ощущал себя настолько опытным, чтобы справиться с УАЗом на бездорожье, поэтому пришлось просить у Льва ещё и водителя.

Он, конечно, побурчал для проформы, но, увидев состояние Алии, понял, что не заради развлечения собрались и выделил собственную машину.

— Там подвеска не разболтанная, всё девчонке легче будет. — Комендант улыбнулся. — А начнёт мой лихачить, напомни, что одно предупреждение у него уже есть.

— Спасибо, Лёва!

— Сочтёмся. И чую, быстрее, чем хотелось бы.

Сплюнуть было некуда, поэтому постучал по голове.

Прежде чем мы уехали, нас догнала Мари-Хелен и вручила лейтенанту-санинструктору две ампулы. Передала следом бумажку и совершенно будничным — всегда так делала — жестом хлопнула парня по плечу.

— Тебе приглядывать за ней не говорю, знаю, что бесполезно. Ты лучше по сторонам смотри.

На двоих с лейтенантом у нас была пара крупнокалиберных револьверов, а водитель, хоть и отнекивался, получил свой АКС-74, но магазины сунул в пришитый слева к сиденью карман.

— Я с него стрелял один раз перед присягой, —пояснил мне парень. — Три патрона.

Автомат в результате перекочевал к нам на заднее сиденье. Алия села впереди, чтобы её не растрясло.

Ехали небыстро — степь не располагала. В держателе болтался навигатор с отмеченной точкой, около Древа никто из армейских ещё не был. С земли степь была совсем не такая, как сверху: невзрачная, покинутая, однообразная; иногда мелькали одно-два невысоких деревца, едва разнообразящие пустую тарелку равнины.

Магичка негромко бормотала себе под нос, но музыку включать категорически запретила. Сержант обиделся, выключая магнитолу, но виду не подал. Вернее, он так подумал. А мне пришлось хлопнуть его по руке и попросить сбавить скорость.

Я не видел на спидометре, сколько мы проехали, по ощущениям: четыре-пять километров, но тут Алия внезапно крикнула: «Стой!»

К счастью, водителю хватило ума не лихачить, и машина остановилась аккуратно.

Девушка выбежала из машины, быстро побежала обратно к базе по пыльному следу, то и дело притормаживая. Я выскочил следом, бухнув дверью, но не спешил её останавливать, не понимая, что делать с этим внезапным порывом. Наконец она замерла. Провела носком ботинка черту по земле.

— Здесь.

— Что?

— Это его граница. Древа. — Она слегка покачивалась из стороны в сторону.

— Погоди, до него ещё двадцать или двадцать пять километров! — Я пытался понять, о чём она говорит.

— Да. Сейчас.

— Оно переползёт сюда?

— Нет, конечно. — Алия позволила себе улыбнуться. — Но ствол вырастет. И ветви.

Она подумала, наморщив лоб, потом поискала что-то на земле и, не найдя, забрала у санинструктора штык-нож. Принялась быстро рисовать.

— Смотри, оно само будет по кругу. Там ты говорил, что Мерлин закладывал высоту Завесы как диаметр? — Магичка махнула рукой на водителя, подзависшего на имени сказочного персонажа, а я прошептал ему: «Не сейчас», чтобы не сбить её с мысли.

— То есть крона… ветки… будут по двадцать пять километров? Как такое…

— Лёш. Оно сейчас… образно говоря, надо мной. Я чувствую. Закрываю глаза и вижу контур. — Она частила, глотала слова, но сейчас выглядела лучше, чем на базе. — Я не могу посчитать точно, но ствол будет несколько километров толщиной. Это точно. А высота, наверное, в половину кроны.

— Блин, я не представляю, какая прочность древесины тогда у него должна быть. Ты же понимаешь, какие там нагрузки?

— Топорков. Оно же магическое. Ты не понял? Совсем-совсем магическое. — Алия помолчала, дождалась, пока до меня дойдёт, и добавила: — И живое.

На земле был схематичный рисунок круга — и когда только успела? — поделённого на двенадцать секторов. Каждый «радиус» ветвился, как фрактал. Если присмотреться, почти всё пространство внутри было исчерчено.

— И что дальше? — Я стряхнул наваждение.

— Ничего. Поехали дальше. — Девушку будто и не уносили пару часов назад в лазарет.

— А твой… шелест?

— Слышу. Но, знаешь, он не страшный. Здесь уже не страшный.

— Алия, а если это ловушка?

Она, закусив губу, упрямо покачала головой. Переспрашивать я не стал.

Ехали молча. Иногда водитель забирал вправо, тогда Алия рукой показывала направление и через несколько минут голос из навигатора подсказывал, что вернулись к маршруту.

— Товарищ майор, разрешите обратиться? — не поворачиваясь, спросил водитель.

— Да, конечно.

— А не проще было вертолёт взять?

— Проще. Но дороже.

— Ну так всё равно же летать. Разведали бы дорогу, всё такое.

— Всё равно же ездить, сержант. Прокладываем дорогу, — усмехнулся я в ответ. — Там люди. Спецы. У них своих хлопот хватает, чтобы ещё вертушка на голову падала.

— Ладно. — Он снова сосредоточился на дороге.

Но я чувствовал, что не убедил парня.

Огибая крупные кочки и провалы, ползли чуть ли не час, но выехали точно к месту назначения. Перед нашими глазами после очередного пригорка внезапно показался палаточный городок. Взвыла сирена, и чей-то голос в громкоговоритель потребовал остановиться и приготовиться к досмотру.

— Заглуши движок, — посоветовал я водителю, и тот переключил передачу, а затем дёрнул ручник. Подождав пару секунд, повернул ключ зажигания и расслабился.

— Лёш, это кто?

— Телеметристы, наверное, спецура.

Гадать смысла не было. У нас под аббревиатурами столько разного народу ходит — не сосчитать.

К машине подошли два вооружённых человека, сопровождаемые штатским мужчиной, выглядящим лет на пятьдесят пять или шестьдесят, который даже здесь держал пиджак и рубашку застёгнутыми по всей строгости.

— Старший — на выход, остальным — руки держать на виду, — скомандовал он.

Я открыл дверь, аккуратно вышел.

— Майор Топорков. — Протянул удостоверение.

Один из бойцов уважительно посмотрел на револьвер. Едва заметно толкнул второго в бок.

— Алексей Николаевич, ну что ж вы не предупредили? — Штатский расплылся в улыбке. — Мы вас завтра-послезавтра ожидали.

— Мы знакомы?

— Нет, но Антон Афанасьевич о вас отзывался весьма лестно. — Он повернулся к машине. — Всё нормально, можно выйти, только держитесь все вместе, не уходите, пожалуйста.

— А что так?

— Степь. Темнеет быстро и коварно. Волки. Тут же неделю назад, а то и меньше, пастухи ходили. Не поверите, каких трудов стоило… — Мужчина сокрушённо покачал головой. — Да, простите, не представился. Жорж Ларионович. Можно без отчества.

— Георгий? — Не понял я.

Он рассмеялся.

— Жорж. Родители удружили. Я тут по административной части старшинствую. Приглядываю за яйцеголовыми и за железноголовыми. Ну и чтобы они друг друга по степи гонять не стали. Контингент-с. Собирали противоположностей. А это, я так понимаю, Алия Маратовна?

— Вы удивительно прозорливы.

— Полноте, голубчик. Ваше дело и дело девочки — в разумном объёме, конечно, — ваш шеф нам выслал заранее. — Он сразу смешно выставил руки. — Можете ходить, где вам будет угодно. Не переживайте. А вот сопровождающих мы в палаточке придержим. Чаю нальём, печенья наложим. Не стоит им…

Мне было сложно не согласиться, но на всякий случай я предупредил, что лейтенант — наш, службист, хоть и с красным крестом на рукаве. И что, возможно, придётся резко реагировать, если Алии станет худо.

— Алексей, я думаю, мы справимся. У нас, конечно, условия даже не те, что там, где вас разместили. — Жорж был удивительно многословным, будто после завершившегося обета воздержания. — Но поверьте, мы сможем помочь и девочке… — он понизил голос, — и мальчикам.

Я подошёл к санитару, описал условия пребывания и необходимость побыть в «гостевом режиме». И он, и сержант отреагировали спокойно, хотя и пришлось напомнить водителю, чтобы забрал с собой автомат и боеприпасы. «Гражданскость» его поведения ощущалась на каждом шагу. Не удивлюсь, если в части он вообще ночевал у какой-нибудь подруги.

Позволив Алии взять меня за локоть, я пошёл в сторону Древа. Сейчас его присутствие ощущалось едва заметным посасыванием под ложечкой, будто желудок просил его наполнить. Справа от Алии проявился Зверь, приняв максимальный рост, и она с явным облегчением опёрлась на него.

Затем, посмотрев на его лапу и ухо и проведя рукой по ещё не зажившему боку, она погладила Зверя по голове и сказала:

— В другой раз, дружище. Набирайся сил.

Он немного уменьшился, но всё равно шагал рядом, то и дело поворачивая на нас голову.

— Не молчи, — обратился я к Алии.

— Не знаю. Я всё сказала. Сейчас мне нужно увидеть глазами.

Глазами Древо первым увидел я. Знал, куда смотреть и что искать. Шесть тел были туго стянуты чем-то, что можно было бы назвать лозняком. Пробивающиеся из земли тонкие побеги внезапно решили плотно-плотно, не оставляя ни одного свободного сантиметра, обвить тех, кто два дня ещё был человеком. Колючки, растущие исключительно внутрь, были почти незаметны, если не приближаться и не заглядывать сбоку. Тогда они становились похожи на иглы от шприцов.

Само же Древо, торчавшее в паре шагов от них, сейчас имело толщину больше, чем у черенка лопаты, подросло примерно до четырёх или четырёх с половиной метров и развернуло четвёртый ряд ветвей. Нижние же начали ветвиться, как на рисунке Алии.

Девушка наклонилась, всмотрелась, удовлетворённо крякнула и, вернув вертикальное положение, сделала шаг к Древу. Ничего не изменилось — во всяком случае я не почувствовал никаких ничего необычного — но она замерла. Постояв с минуту, магичка подняла руки.

Правой ладонь задрожала. Она отбила пальцами какой-то ритм и стряхнула с кисти напряжение, будто обнуляя ошибку. Снова начала с самого начала. Прикрыв глаза, девушка пустила в ход левую руку, но уже с более мягкими, широкими движениями.

Алия стояла, чуть приплясывая, так и дирижируя… дирижируя! — обеими руками, а её волосы развевал невесть откуда взявшийся ветер.

Я уже сделал шаг к ней, но Зверь встал между нами.

Сзади, похрустывая мелкими камешками под ногами, подошёл Жорж. Он остановился рядом, всмотрелся в девушку.

— Знаете, Алексей, я вам даже завидую. Чем бы ни закончилось это дело, вы — участники. А я и они… — Он ткнул через плечо оттопыренным большим пальцем. — Статисты. Персонал.

Я открыл было рот, но администратор остановил меня.

— Я знаю ваше дело, Алексей, не возражайте. Когда-то вы доживёте до моих семидесяти и вспомните старого Жоржа. А пока наслаждайтесь песней.

— Вы… вы тоже её слышите?

— Нет. Но мне хватает, что слышит она.

Неизвестно, сколько бы мы простояли, если бы не Зверь. Он подошёл к Алии, сел у ног солирующей магички, а затем задрал морду в небо и завыл. Его голос удивительно точно ложился в её темпоритм, будто подстраиваясь под неслышный аккомпанемент, и это была странная песня. Очень странная.

Она не будила во мне ничего глубинного, не заставляла отвечать, не требовала действия. Ничего магического. Но на этот вой откликнулись волки со всех краёв Степи. Ненадолго. Пара десятков секунд. И уже этот ответ пробрал до мурашек.

Алия рассмеялась, прекратила дирижировать и потрепала Зверя за морду.

Стоящий рядом со мной Жорж Ларионович в задумчивости тёр ладони друг о друга.

— Умеет Антон в десятку попасть, — невпопад, как мне показалось, сказал он. — Спасибо вам.

— За что?

— Ни за что. — Его голос дрогнул. — Работайте, Алёша. Вы ведь за этим приехали. А я пойду.

Администратор неуклюже развернулся, похлопал меня по руке и двинулся к палаточному городку.

— Ты мне расскажешь?

— Что?

— Что это было, Алия? — Мы так и стояли, разделённые парой шагов.

И Зверем, который не пустил меня.

— Песня. Древо поёт. Я услышала. Это не пустой шелест, это то, каким оно станет.

— А Зверь?

— Честно? — Она подошла ко мне, взяла под руку и потянула в сторону от тел, но не к палаткам, а подальше, в степь. — Не знаю. Я бы заглянула в него, но он, как и ты, — закрыт. А попытайся я вломиться — не посмотрит, что мы свои.

Мы шагали по широкому кругу, обходя лагерь. С вышки помахал караульный, и я вздёрнул руку, показывая, что всё под контролем.

— Ты что-то поняла? Что может нам помочь?

— Помочь — сложно. Мне нужно будет присутствовать при кормлении.

Я вздрогнул, и Алия шлёпнула меня по ладони.

— Лёш, я не маленькая. Я чувствовала, как Николай забирает всё. И… давала ему наведение, подсвечивая людей. — Она вдруг всхлипнула. — Только папе и Борьке не говори. Он… он такой наивный… думает, что я просто… просто присматривала.

Вместо ответа я приобнял её и дал ей опереться на меня. Она положила подбородок мне на плечо.

— Сколько уже девчонок на нём плакало? — Тихий шёпот заставил хмыкнуть. — Скажи, майор, почему в такие моменты хочется всякую чушь нести? Вот и я не знаю.

Я молчал.

— Потом посчитаешь, хорошо? — Алия вытерла слёзы и вмиг посерьёзнела. — Можно, я останусь тут?

— Зачем?

— После… после того как Даша меня… наполнила, у меня обострилось восприятие. Я чувствую смерть… смерти. Постоянно. Приходится тратить силы и внимание, чтобы отцепиться. А здесь. — Она, волнуясь, до крови закусила губу. — Здесь мне не нужно напрягаться, чтобы отгородиться от всех их. Песня не пускает их.

— Может, тут и нет ничего? Людей нет, животных нет.

— Ты не понял, Лёш. — Алия замотала головой, так что волосы разлетелись, образуя чёрный нимб. — Я слышу их — все.

Глава 5. Май 2018. Республика Калмыкия.

День второй.

— Весь мир? — Я едва смог собраться.

— Не знаю. Наверное. Постоянно. Со всех сторон.

— Это тебя после той базы накрыло?

Она замотала головой.

— Я же сказала. Когда Даша насытила меня энергией. Или… нет… когда мы с тобой… — Алия смущённо отвернулась. — Когда целовались и поток закольцевали, сбрасывая мощность.

— Ты говорила кому-то?

— А кому я скажу? И кто мне чем поможет?

Зверь прижался к её ноге, и девушка погладила его между ушей. Её пальцы слегка дрожали, впрочем, довольно быстро успокоились. Но лицо она ко мне не повернула.

— Эта мелодия, ну, шелест, они постоянно у тебя в голове?

Алия встрепенулась, резко впилась в мои глаза взглядом, будто выискивая что-то за ними. Долго глядела — сердце успело бухнуть несколько раз — не отпуская. Я уже хотел было отвернуться, когда она заговорила.

— Нет! Я песню не слышу. Но могу захотеть в любой момент. Но и не слышу… ты понимаешь. — Девушке явно не хотелось произносить слово «смерть». — И тоже — пока не… Лёш, это как? Я вылечилась? — Она тяжело дышала, практически вцепившись в шерсть Зверя.

Он стоял недвижим, хотя тонкие дымные нити и жили своей жизнью.

— Я думаю, только научилась чему-то. А может быть, и нет. Возможно, Древо просто конкурирует с тобой за эти смерти. — Я перевёл взгляд на то место, где должен был быть Росток. — Не могу сказать.

Девушка закивала; мне представилось, что это естественная реакция — заполнить пустоту незнания хотя бы чем-то. Создать любую версию, и оттолкнуться от неё, как от дна.

— Я хочу остаться здесь. Хотя бы несколько дней. Заснуть в тишине. Потом отъехать подальше, вернуться. Провести эксперименты. — С каждым словом голос Алии креп. Она набиралась уверенности и всё настойчивее требовала считаться с собой.

Солнце ещё не собиралось нырять за горизонт, поэтому я повёл девушку к нашему гостеприимному хозяину, чтобы обсудить, можно ли будет остаться здесь, хотя и представлял, чем закончится разговор.

Разумеется, мы не стали говорить обо всём. Разумеется, нам поверили весьма условно. Разумеется, нас оставили здесь, а в Центр и Тюрину улетели шифрограммы.

Алия крутила головой, не веря «своему счастью», но, выйдя из палатки Жоржа Ларионовича, задумчиво побрела к Древу и уселась на границе, до которой смогли дотянуться кончики ветвей. Я подошёл и попытался заговорить, но она отмахнулась, не отрывая взгляда от пары крепких мужчин в белых халатах, которые подтащили мёртвую овцу и с расстояния примерно в метр от кроны враскачку швырнули тушу к Ростку, стараясь не зацепить оплетённые тела.

Труп упал недалеко — всё же для таких действий нужен опыт. Посунулся по земле, но наткнулся на кочку и остановился. Рядом, раздвигая почву, показался серовато-зелёный росток; будто несмело, поднялся сантиметров на десять. Он упал на тушу овцы и медленно, как в кино, отрастил шип, протолкнувшийся сквозь шерсть.

Момент укола я не увидел, но почувствовал. Ощущение голода сменилось сначала предвкушением, а затем внезапным разочарованием. Как у ребёнка, ждавшего шоколадную конфету, а получившего тарелку манной каши. С комочками.

— Мне кажется, ему не понравилось. — Голос Алии подтвердил моё ощущение.

Лоза на глазах удлинялась, тут же проращивая тонкие иглы. Могло показаться, что Древо питается с «удовольствием», но напряжение магички рядом со мной никуда не исчезало. Она поднялась и отступила на пару шагов.

Я последовал за ней, а вот лаборанты продолжали писать в блокнотах, фотографировать миниатюрными камерами и негромко переговариваться.

Лоза, обвивавшая тушу овцы, распрямилась, поднявшись вверх. Её высота составила больше трёх метров. Толщиной она была с большой палец взрослого мужчины. Зеленоватый оттенок коры практически исчез, уступив место буро-болотным оттенкам по всей длине. Только длинные колючки сохраняли остатки прозелени.

Несмотря на ветерок, отросток не шевелился, будто давая собой полюбоваться.

— Оно присматривается. — Шёпот Алии зазвенел в ушах, как колокол.

— Кто?

— Древо. Оно не хотело есть прямо сейчас. Его «разбудили».

Понимание обрушилось на меня волной страха.

— Наза-а-а-ад!

Крик запоздал.

Мой бросок свалил мужчину, стоявшего ближе к лозе, которая хлёстким ударом обрушилась сверху. Но я не угадал.

Вой, смешанный со страхом и отчаянием, порвал восприятие звука. Позади меня шелест побега по одежде дополнил протяжный гимн боли лаборанта. Почему-то они не смешивались, как стереозапись в разных динамиках наушников.

В эти звуки вплёлся голос Алии, которая пыталась повторить песню и что-то нечленораздельно мычала. Я не слышал и половины, но эта «мелодия» не была предназначена для наших ушей. Наконец я освободился от цепляющихся за меня рук лежащего мужчины и обернулся ко второму.

Он пытался удержать лозу, которая уже частично оплела верх его тела и пыталась пробить… бронежилет? Некоторые иглы нашли щели между плитами, часть пронзила мужчине руки, но он отчаянно сопротивлялся, не пуская вытягивающийся кончик отростка к голове и лицу.

— Держись! — крикнул я ему и полоснул косой, куда достал, разрезая побег на неравные части.

Гнев и боль захлестнули сознание. Я практически почувствовал, как меня лишают сил… нет, добычи, которая должна стать силой… частью меня…

Как ни странно, развеять шок помогло «мычание» Алии. Я подхватился к сражающемуся с Древом лаборанту и, погасив мерцающую косу, схватил лозу в двух местах. Тёмное пламя вспыхнуло почти самостоятельно, не требуя концентрации, и разделило извивающийся побег на три части. Один кусок упал на землю и, дёргаясь, как змея, стал втягиваться в неё.

— Замри!

Не представляю, чего ему это стоило, но мужчина смог удержаться, и я, сжигая лозу одной рукой, второй вырвал зазубренные колючки из его кистей. Хлещущий край ударил в меня, но, воткнувшись в тёмное пламя, моментально сгорел.

К счастью, в тело лаборанта шипы вонзились неглубоко, поэтому извлечь их получилось быстро. Но зазубрины не позволили это сделать совсем без потерь. На предпоследней колючке мужчина потерял сознание.

— Не надо! — раздался голос Алии.

Я повернулся к ней и увидел маску страха на её лице. Дёрнув головой в другую сторону, я сначала услышал, а потом и увидел струю пламени из раструба ранцевого огнемёта, которая прибила к земле заметно подросший после рассечения косой отросток. Корчась и извиваясь,

он плясал в багряном ореоле. Шипы скручивались, темнели и истончались, не оставляя даже пепла. Сама плеть пыталась втянуться под землю, но отчаянно не успевала.

Впереди слева и справа заскрипело. Сначала едва заметно, а затем всё быстрее и быстрее начали расплетаться лозы, которые покрывали останки жертв.

К нам подошёл второй огнемётчик. Дал пристрелочный выстрел, скорее обозначая границу, чем пытаясь поджечь отростки.

— Подождите. — Я поднял руку. — Прикройте. — Посмотрел на Зверя. — Держи её.

Сделав пару осторожных шагов, я перепрыгнул ползущую лозу. Успел подумать, что зря не взял штык-нож, нащупал заусенец, мешающий мне уже второй день и, подцепив зубами торчащий кончик, посильнее дёрнул. Выступила кровь. Я помассировал палец и, выдавив побольше, смахнул каплю на побег.

Мычание Алии затихло. Замерли извивающиеся лозы. И только звук запального пламени, ждущего свободы в горелках огнемётов, нарушал тишину.

Удары сердца, наверное, нужно было считать. Но я пропустил этот момент и уже не мог сказать, когда побег под моими ногами вновь зашевелился. Медленно, будто опасаясь меня спровоцировать, он поднимался вверх.

Застыл на уровне груди. Я протянул руку, и он прильнул к ладони. Колючки на его кончике не было, но я не обманывался, понимая, что это дело пары секунд. Древо, похоже, тоже не сомневалось, что я могу нанести вред.

Но нам обоим это было не нужно.

Я ждал подсказки от Алии, но она молчала, прикрыв глаза и погрузившись в подобие медитации. Побег ползал по ладони, как змея, тычась в подушечки и забираясь между пальцев. Неожиданно он наткнулся на ранку от вырванного заусенца. Кровь уже не шла, но её следы оставались на пальце.

Я снова ощутил голод. На этот раз несмелый.

— Алексей, я надеюсь, вы не собираетесь делать то, о чём я подумал?

Жорж Ларионович подошёл незаметно. В его дрожащем голосе отчётливо слышалось предвкушение.

— У вас есть запас тех, кого можно отдать прямо сейчас? — я старался говорить негромко, но Древо, похоже, на что-то среагировало: лоза сдавила мою ладонь и тут же отпустила её.

— Нет, но я готов подать сигнал. Час-полтора лёта.

— Боюсь, они не успеют. К тому же оно знает мою кровь. Может быть… Я надеюсь… — Ощущаемый мною чужой голод нарастал — Древо не могло заснуть голодным.

Я махнул рукой, подзывая Зверя. Он, перепрыгивая смирно лежащие побеги, подошёл ко мне и бережно взял между зубов левую ладонь.

— Давай.

Зверь нехотя придавил зубами, и на тыльной стороне кисти, где кожа более мягкая, появились две небольшие ранки. Засочилась кровь. Он облизнулся, глядя на неё.

— Не сейчас, дружище. Не сейчас.

Я взял побег правой рукой и поднёс к ранам. Лоза тут же присосалась к ним, выпустив тонкие ворсинки, прошившие кожу. Не больно, но очень неприятно. Нарастающее раздражение ощущалось как волдыри от укусов комаров.

К ощущению голода примешивалось пьяное удовлетворение. Я глуповато хихикнул от сравнения: «Засну голодный, но довольный». Алия попыталась что-то мне сказать, но смогла лишь сдавленно промычать. Она несмело подошла ко мне и, подхватив под правую руку, помогла усесться на землю.

От обитателей лагеря не доносилось ни звука.

— Когда его оторвать?

— Не знаю. Не дай мне заснуть или закайфовать, если оно начнёт мне впрыскивать что-то.

— Я не чувствую ничего. Слышу только, что оно… оно довольно.

Девушка принялась раскачиваться из стороны в сторону и без слов напевать какую-то мелодию, которую при некоторой доле фантазии можно было бы назвать колыбельной. Мои глаза сами собой стали закрываться, но Зверь толкнул меня в бок, заставив встряхнуться. Я оторвал отросток от одной ранки. На удивление, волоски вышли без проблем, отпустив меня.

Алия ещё что-то пела, но её рука легла мне на плечо, медленно сдавливая и отпуская его. Она не сжимала по-настоящему, а формировала некий ритм, я бы даже сказал: «рисунок». Её движения постепенно становились всё сильнее и сильнее.

Наконец девушка остановилась и резко и громко прохрипела:

— Хватит!

Я тут же потянул лозу из второй раны. На этот раз сопротивления тоже практически не было.

— Не вставай!

Меня, не поднимая, потащили прочь; кто-то слева уже брызгал антисептиком и готовился закрыть рану.

— Подальше, тащите подальше.

Передо мной лозы потихоньку втягивались в землю. Посмотрев на места, где были тела, я увидел только пустые изодранные мешки, в которых притащили заключённых.

— Ой, и остальные сматываются. Смотрите. — Чей-то удивлённый голос комментировал процесс. — Там тоже пусто. Нафига они форму поддерживали тогда?

— Зафиксируйте и не подходите. — Голос Жоржа было сложно не узнать.

Меня протащили десятка полтора метров, но я и не был против. Ноги ощущались неродными — похоже, кровопотеря была немаленькой. Кто-то подсунул к губам кружку. Ноздри ощутили запах красного вина.

— Пей аккуратно. Не на вдохе. — Незнакомый голос учил, как маленького. — Пока так, потом инфузию сделаем.

Вино было каким-то полусладким, но, наверное, к лучшему. Сухое я бы теперь и не смог. А так танины оказались замаскированы сахаром, и всё прошло на ура. Выцедив налитое, я потребовал ещё, и мне поднесли вторую кружку.

Санитар закончил перевязку, и я уже смог обслужить себя самостоятельно, заставив поившего меня заняться своими делами.

— В пьянке замечен не был, — шутливо заметил Жорж Ларионович, входя в поле зрения.

— Не алкоголизму ради, а здоровья для, — буркнул я. — Вы что за хрень придумали? Почему не подождали, пока хотя бы второе кормление проведём? Мы же не знаем ни черта об этом дереве.

— Вот теперь знаем. Что падаль оно не жрёт. А жертвы подбирает полностью. Огня боится, между кормлениями — дремлет. Что ещё? — он отвечал мне короткими, рублеными фразами, опасаясь, что я начну давить.

— Голод никуда не девается. Но оно может спать даже голодным, главное — ритуал соблюдать. Отростки свои может выбросить даже за пределы кроны. Огня боится, как огня, — я хохотнул удачному каламбуру, но меня никто не поддержал. Сделав глоток, я опустил кружку. — Лишение частей тела Армагеддец не вызывает.

— Армагеддец. — Жорж покатал слово на языке. — Отличный термин. А если бы Древо не успокоилось твоей кровью?

Я сидел, прислонившись к паре тяжёлых ящиков, стоявших друг на друге. Потянулся внутрь себя в попытке понять, а действительно, если бы?.. Ответа у меня не было. Сейчас,

после драки, мне казалось, что я готов был снести его. Срубить косой, а остаток дожечь чёрным пламенем.

Но вместе с тем в голову пришёл страх. За Мари-Хелен, за Настю, Толика, брата. За всех, кто не знает, что у нас тут происходит, и кто мог бы исчезнуть, даже не понимая этого.

— Алексе-ей? — Лицо Жоржа приблизилось к моему. — Ты тут?

— Угу. Не знаю.

— Что не знаешь?

— Ничего. Это не расчёт. Спонтанное действие. — Мне стало стыдно.

— Главное, помогло. Другой раз умнее будем.

Я хрипло рассмеялся, заставив улыбнуться моего собеседника.

— Вы не каетесь, да?

— Ты считал, сколько потребуется людей?

Последнее слово даже сквозь лёгкий хмель прозвучало ёмко и неожиданно весомо, заставив представить падающего человека с перерезанным горлом. Я закашлялся. Принялся считать — точнее, пересчитывать.

— Больше полутысячи, — выдавил я.

— Пятьсот. Сорок. Шесть.

— Преступники. Убийцы. Предатели. Они вывели себя за пределы человечности.

Я попытался защититься.

— Имена. Фамилии. Судьбы. Люди. И каждый — рана в душе тех, кто их туда притащит. Тех, кто подпишет приказ. Кто оформит акты приёма-передачи и протокол убытия. Кто сам будет вынужден выглянуть за эти пределы.

— Поэтому вы обязаны?

— Да, Алексей. Поэтому я — обязан. И буду пробовать. Тем или иным способом, пока мы… не перестали быть нами.

День третий.

Накануне вечером мне сделали переливание крови. Организм «всосал» два пакета, будто дорвавшийся до паба ирландец. К счастью, вокруг меня никто не суетился, и я, надиктовав отчёт о том, что видел, делал и чувствовал, со спокойной совестью заснул. Сон на свежем воздухе хорошо приводит в чувство. Ночью ничего не снилось, хотя под сенью Древа я ожидал чего-то необычного.

Вчера Жорж обещал через Центр связаться с нашей базой и объяснить, почему мы не вернёмся к назначенному времени. К сожалению, я уснул раньше, чем пришёл ответ. Но зато успел услышать, как он разносит того лаборанта, что остался невредимым, за преждевременное начало эксперимента.

У медицинской палатки послышалось осторожное шуршание шагов.

— Не спишь?

Голос Алии было сложно не узнать.

— Не сплю.

Я попытался пошевелиться: головокружения и слабости не ощутил и обрадовался. Немного ныли места укуса и участок кожи вокруг катетера в локтевом сгибе.

— Выходи. Рассвет пропустишь.

— Угу, дай из мешка вылезти.

Девушка, смеясь, расстегнула молнию спальника. Она не боялась никого разбудить: лаборанта ночью увёз вертолёт — в ранах остались обломки шипов. Я встал и поёжился: судя по всему, утро было очень ранним.

Мы обошли Древо и поднялись на небольшой пригорок. На востоке над Каспийским морем, лежащим буквально в трёх-пяти километрах от нас, вставало солнце. Мы молча смотрели, дожидаясь, пока жёлто-оранжевый диск не выползет целиком.

— Красота, — сказала Алия, — а оно спит.

Я машинально кивнул, понимая, кто «оно». Затем обернулся и посмотрел на Древо.

— Ты видишь его только глазами, Лёш?

Я кивнул, не отрываясь от него.

— И ощущаю его голод.

Девушка вздохнула.

— Я тоже. Но и слышу, как оно поёт. Вчера… вчера я надеялась, что и оно меня слышит. Пыталась петь.

Я с интересом уставился на неё. Она смутилась и опустила голову.

— Я — дурочка, да?

— Нет. Ты делала хотя бы что-то. В армии… в армии, если офицер сделал неправильно, его могут отчитать, но это будет в том числе вопрос к его командирам: почему допустили ошибку, что помешало принять верное решение. Разбор ошибок, тренировки по результату. А если офицер бездействовал… даже если в итоге получилось правильно…

— Я понимаю. Я надеялась, что Древо через тебя услышит.

Я проморгался. Она, глядя на меня, рассмеялась.

— Как это, через меня?

— Ну ты услышишь, а оно к тебе же присосалось.

— Так это же просто кровь…

— Не просто! Кровь — это магия. Поток. Мне показалось, что это помогло.

Я уселся на ещё не прогревшуюся, но не холодную землю. Перед глазами была широкая полоса полуболотистой местности с зарослями и вдающимися в море участками земли. У нас это называлось «плавнями», а тут — кто знает. Интересно, как будет называться потом, когда Древо вырастет и сыграет свою роль.

Зверь снова сидел рядом. Поводя носом, присматривался к перевязанной ладони. Я погладил его, но он чуть обиженно отвернулся. Скорее демонстративно, чем по-настоящему. Наклонившись к нему, я обнял его и прижался, получив языком по лицу.

Алия молчала. Наверное, нужно было ответить ей, но у меня отсутствовало решение. Устраивать повторный эксперимент, чтобы проверить её навыки няньки? Не смешно. Отбросить идею, как бредовую? Жалко. А вдруг она права?

Она толкнула меня локтем в бок.

— Чего молчишь?

— Слов нет. И решения. И идей, как и что можно проверить.

— Может, Борис поможет? Там на базе учёные приехали, он сейчас с ними теории обсудит и сюда?

Я покачал головой. Если я правильно понял замысел Тюрина и высшего руководства, то сейчас задача — сформировать хоть какую-то физическую теорию магии, чтобы можно было описать то, что творят Марина с Родионом и Денис. А потом, обеспечив повторяемость, применить в военных целях. По-взрослому.

Внутри меня родился смешок. Средний возраст троицы сколько? Семнадцать лет? Восемнадцать? А если ещё добавить Дашу, младших братьев Марины? И пятнадцати не набирается. По-взрослому…

— Я всё-таки дура, да? Он там нужнее… а мы — тут. Наверное, лучше, если папа приедет. Он всё-таки по-другому смотрит. Не так, как я. И Вера. Нет. Её — нельзя. Она слишком ярко видит.

Я машинально кивнул.

— Лёш, ты представляешь, что она увидит при жертвоприношении?

Я слишком хорошо представлял.

В голове зашевелилась идея. Я вспомнил то, о чём говорила Мари-Хелен, наложил на произошедшее, чуть почесал в затылке. Затем подмигнул Алии, поднялся и побежал к лагерю.

— Жорж! Я тут покумекал: есть мысль, почему с овцой не сработало. Я думаю, что «жертва» для Древа — не только плоть и кровь, но и… дух.

Девушка побежала следом. Замыкал — Зверь, будто охраняющий нас.

Начальник вышел к нам, снова одетый так аккуратно, словно всю ночь гладил костюм.

— Доброе утро, Алексей. Я правильно услышал, что ты хочешь предложить животное, которое понимает, что его зарежут?

Я резко остановился. Конкретность его формулировки была неприятной: щит моего иносказания разлетелся вдребезги.

— Да.

— Мне нравится эта идея. Хотя, боюсь, местные чабаны будут не в восторге.

Алия смотрела, переводя взгляд с меня на Жоржа, а на глазах у неё готовились выступить слёзы.

Глава 6. Май 2018. Республика Калмыкия.

День третий.

Разговор проходил на повышенных тонах. Жорж искренне не понимал, почему нельзя хотя бы попытаться заменить людей мелким скотом. Я старательно делал вид, что торможу, чтобы не усугублять слёзы Алии. Она же… Она была похожа на диснеевскую принцессу, которая узнала, что мясо, которым её кормили, не растёт на деревьях.

В какой-то момент наш «хозяин» буквально плюнул на землю и заявил, что потребует замены сенсора, раз имеющийся не справляется со своими обязанностями. Магичка уронила руки, которыми перед этим размахивала, доказывая, что предлагаемый эксперимент бесполезен и бессмысленен.

— Алексей, ну хоть ты объясни ей, что это не просто блажь.

Мне было тошно стоять меж двух огней и пытаться защищать человека, который сам не может сформулировать, нужна ли ему эта защита в принципе.

— Позвольте, мы отойдём и немного пообщаемся тет-а-тет. У меня стойкое ощущение, что мы чего-то не видим.

По лицу Жоржа я понял, что он выкупил моё понимание причины. Но стоило отдать ему должное — препятствий нам не чинили и в душу не полезли.

Несколько метров — вроде бы и небольшое расстояние, но для взрослых людей достаточно и его. Даже если одна из них разговаривает практически криком.

— Овцы и коровы, да даже и свиньи — это тупость. Оно их сожрёт, но без толку. — Алия оглядывалась по сторонам, но избегала смотреть мне в глаза.

— У тебя настолько выросла экспертиза в этом вопросе?

Она шмыгнула носом. Наклонила голову набок и предплечьем вытерла глаза.

— Ты не понимаешь. Мы говорим о смерти и её ожидании. О понимании её неизбежности. У скота это — в зачаточном состоянии. Ты хоть стадо зарежешь, они будут волноваться, но человека не заменишь.

— Допустим, я это понимаю. Допустим, это понимает Жорж и каждый в этом лагере. — Моя рука обвела округу. — Допустим, даже Тюрин это скажет. И будет, несомненно, прав. Но ты хочешь заставить… — Я дёрнул головой вверх. — Подписывать Указы раз за разом, даже не проверив предположение?

Алия потупилась.

— Ты не прав. Я хочу попробовать. Но я… я боюсь.

— Чего?

— Что меня заставят, как тебя…

Зверь зарычал, наклонив голову. Я успокаивающе взялся за загривок. Понял, что переборщил с резкостью, и принялся поглаживать и массировать его.

— Ты вроде бы тоже на службе. И тоже выполняешь приказы.

— Не такие, как ты. — Она отвернулась и скрестила руки на груди.

— Алия. У нас и уровень ответственности разный. О чём ты?

— О том, что я чувствую. О смерти.

— Ну чувствуешь, и что? — машинально ответил я. — Ты ещё скажи, что можешь их показать кому-то.

Девушка промолчала.

— Твою медь налево. Ты серьёзно?

— Нет, товарищ майор. С шутками. Как в цирке.

Когда Алия повернулась, у меня по шее и спине уже тёк холодный пот.

— Ну вот, не хотела же говорить.

— И что мне теперь с этим делать?

— Что хочешь. — Она с резкостью в голосе крикнула: — Жорж Ларионович, можно вас попросить на минуту?

Администратор медленно, с достоинством, подошёл к нам. Посмотрел на меня, на Алию, улыбнулся собственной мысли. Посерьёзнел и, кивнув, спросил:

— Всё хорошо, Алия Маратовна?

Она, похоже, ожидала критики или нотаций, потому что на мгновение замерла, будто забыла дышать. Резко опомнилась, вытерла ладони о штанины.

— Да. Но не так, как вы думаете.

Жорж улыбался.

— Удивите меня.

Алия удивила. Она рассказала ему всё. Про Дашу и накачку энергией. Про петлю, которую мы сформировали и гасили аварийным сбросом — на меня даже никто не посмотрел — про то, как она стала чувствовать, как умирают люди. И не только они. И про то, как она проверила свою способность поделиться восприятием, когда какой-то незнакомый «бугай» толкнул её в очереди в столовой.

— Я на несколько секунд прикоснулась к руке и, как бы это объяснить, представила его частью себя. Ну, ты помнишь, Лёш. Номос…

— А как ты поняла, что подействовало?

Её лицо запунцовело.

— Он… он обгадился.

Жорж приподнял брови.

— И вы считаете, что ваш… экспириенс может заменить… — Он покрутил пальцем в воздухе. — …физиологическую смерть живого существа?

— Да!

— Накормить это Древо обманкой? — Администратор разговаривал сам с собой. — Затея интересная. — Он снова вцепился взглядом в Алию. — А как вы считаете, дорогуша, что произойдёт, если — или когда — Древо поймёт, что его поимели, подсунув обманку?

— Что? — Девушка потянулась к Жоржу всем телом.

— Вот и я спрашиваю: «Что?» Вы предлагаете исключить физическую компоненту, которая Древу нужна…

— Почему нужна?! — Алия закричала, но тут же притихла, прошептав: «Извините».

— Была бы не нужна — лоза не атаковала бы моего сотрудника, а кровь Алексея не оказала бы никакого влияния на Древо. Поэтому я слушаю именно вас. Вы же материю предлагаете заменить… ощущением.

Девушка потупилась. Она отошла на полшага, пугаясь вопроса. Или ответа.

— Я не предлагаю. Я… я высказала мнение.

— Алия Маратовна, я очень ценю, что вы им со мной поделились. Более того, я учту его в планировании следующего эксперимента. — Жорж говорил правильные слова, правильным тоном. Но если бы он сказал это мне, я бы врезал ему. Или попросил взять лозинку и просто выпороть меня. — Но, пожалуйста, давайте мы не будем считать друг друга врагами. И не будем считать одних выше других только на основании того, что кто-то умеет швыряться молниями.

На магичку было больно смотреть. Слова осели на её плечах тяжёлым грузом, разом вдавив по колено в землю. Стыд заставил её прятать лицо, а служба вынуждала смотреть на говорящего.

— Я понимаю. Разрешите изложить свои соображения в письменном виде?

— Девочка моя. Господи, как же с вами тяжело. Я же тут не для того, чтобы вас закапывать. Я здесь исключительно, чтобы помешать всем вам совать пальцы в розетку.

— Они туда не помещаются, — машинально поправила Алия.

— Гвоздики или шпилечку взять можно, — рассмеялся Жорж Ларионович. — Изложите свои соображения, не бойтесь высказать всё, что думаете, но отделите объективную часть от субъективной, потому что у меня проверить нечем.

Она кивнула. Затем замерла на пару секунд и кивнула ещё дважды.

— Позавтракаете — и можете заниматься. Часу на всё про всё, думаю, хватит?

— Если не хватит — я подойду, — вмешался я, завершая разговор.

Жорж протянул мне руку.

— Договорились, Алексей. А я пока с Центром свяжусь. Чувствую, недолго мне здесь командовать осталось.

Он ушёл. Мы остались вдвоём. Алия покрутилась на месте, будто собиралась с силами.

— А где у нас завтрак?

— Там же, где ужин был. ИРП забирай свой. Можешь из моего что-то стащить.

— Можно, я джем заберу и галеты?

Мы быстро перекусили в палатке условного лазарета, и она, смахнув крошки со столика, принялась писать. Я решил не вмешиваться, тем более что глубокого понимания её навыков у меня не было.

Послонявшись по лагерю, я поздоровался с водителем, которого так и не отпустили на базу.

— Товарищ майор, долго мы здесь куковать будем? — Поговорка «Подальше от начальства, поближе к кухне» ему явно была не по душе: оной кухни не наблюдалось.

— По необходимости.

— Я уже весь чешусь. В душ бы.

— Салфетками оботрись.

— Да ну. Это ерунда какая-то.

— Ты про тяготы и лишения помнишь? — Улыбнулся я.

— Виноват, товарищ майор. Разрешите идти? — Он вытянулся по стойке «смирно», явно расценив мои слова как намёк.

— Вольно. Разойдись.

Парень постарался «потеряться» и не отсвечивать. Ко мне подошёл санитар.

— Как оно?

— А вы с какой целью интересуетесь, товарищ лейтенант? — Я ещё не отошёл от воспитательного процесса.

— Хорошо тут. Тихо. Спокойно. Природа незнакомая, а как сто лет жил.

— Это в тебе половецкая кровь играет. Сам-то откуда?

— Да я из Сибири, майор. Из самой что ни на есть тайги. И предки по обеим линиям оттуда же.

— Ну и ладно. Зато я — почти тутойший. Но Степь тоже люблю. В лесу неуютно себя чувствую.

Мы не успели договорить — из палатки выбежала Алия и сбивающимся голосом сообщила об опасности.

— Тревога! В ружьё! — я кричал так, чтобы меня услышали старшие охраны.

Тыча пальцем на северо-запад, магичка описала ситуацию.

— Там, километрах в десяти, вряд ли дальше, множественные смерти. Два человека, ранены. Чувствую ярость, страх. Вперемешку.

Водителя приволок к нам один из местных бойцов, после того, как начальник караула выделил шесть человек на сопровождение. Ослаблять охрану лагеря ещё больше он счёл невозможным. Параллельно запросили воздушную поддержку.

— Ваш? Между ящиков шкерился. — Парень покосился на мнущегося водителя.

— В машину, бегом. — Времени отчитывать его не было. — Один человек с нами. Пятым.

Я сидел впереди, Алия сзади, зажатая между санитаром и серьёзного вида худощавым автоматчиком, который первым подбежал к нашему экипажу. У него же была одна из раций, вторую начкар нехотя отдал мне.

— Показывай, — буркнул я, повернувшись, а затем проорал в окно: — За нами, не отставайте.

Водитель нехотя завёл УАЗик.

— Развернись и езжай так, чтобы солнце оставалось за спиной. Почти всё время прямо, я потом скорректирую. — Алия на удивление точно задала направление.

— Понял, не дурак, — отозвался парень.

— Давай, не дурак, гони как от чертей. Пошёл.

Машина дёрнулась и, разбрасывая траву и пыль из-под колёс, заложила крутой вираж. Сзади завалились друг на друга, а я чуть не ударился о дверь.

— Не дрова везёшь. Быстро и аккуратно. Больше предупреждать не буду.

— Простите, товарищ майор. — Но в голосе раскаяния не было.

«Ну-ну», — подумал я. — «И с чего такой праздник непослушания?»

— Леший-шесть, говорит Леший-четыре. Следуйте за нами на дистанции сто, держите правее сорок.

— Леший-четыре, говорит Леший-шесть. Вас понял. — Рация зашипела отбой.

— Слушай, Леший, а какой у меня позывной-то? — спросил я автоматчика. — И это, без обид, как по имени тебя?

— Там номерок на торце, посмотри, вроде пятёрка была. А я — Слободан.

— Серб?

— Прадед — серб, в честь него назвали.

Нас прервала Алия, потребовавшая взять левее. Затем правее, когда забрали слишком резко. Какое-то время ехали в тишине.

— Что ты чувствуешь?

— Боль, ярость, злобу, страх, безысходность, — она говорила медленно, спокойным тоном, будто в трансе. — Надо быстрее. Люди умирают.

Солнце забирало вверх, и машина постепенно нагревалась. Хотелось открыть окна, но пыль из-под колёс, хоть и расползалась понизу, частью умудрялась попасть в салон. Пришлось закупориться.

Одометр перелистнул очередную цифру. Ещё один километр.

Я взял рацию. Посмотрел на её торец: действительно, там была выгравирована пятёрка.

— Леший-ноль, я — Леший-пять. Воздух вызвали?

— Леший-пять, я — Леший-ноль. Так точно. Два борта уже поднялись, движутся в вашем направлении.

— Принял. Прошу при подлёте включить в общую сеть.

— Обоснование?

— Задницей чую, — огрызнулся я.

— Так точно. Подключим. Позывные: «Небо-раз», «Небо-два».

— Принял. Отбой связи.

Я оглянулся: Алия, тяжело дыша, сидела с зажатым между зубов жгутом из скрученного платка, а парни с обеих сторон придерживали её, чтобы девушку не мотыляло из стороны в сторону.

До цели оставалось от трёх до пяти километров.

Ещё пять минут того, что можно было условно назвать тишиной: шум мотора, дребезг незакреплённых вещей и стоны Алии.

Мы вырвались из неглубокой низинки и почти воткнулись в облако клубящейся пыли метрах в трёхстах. Машина резко затормозила, бросив нас вперёд.

Сзади донёсся сдавленный голос: «Здесь. Всё здесь.»

Судя по всему, впереди было стадо с мечущимися овцами. Но где чабаны? Где собаки?

Отвечая на мой вопрос, из пыли выскочил баран. Отсюда было видно плохо, но мне показалось, что он бежал, дёргаясь из стороны в сторону. Буквально через пару секунд вслед за ним вырвалась серая тень.

— Волк! — крикнул водитель, ногами упираясь в пол и пытаясь заползти на сиденье повыше.

Волк в три прыжка догнал напуганного барана, ударил его в бок и, завалив, вырвал клок мяса. Туша под ним забилась в агонии. Хищник поднял голову, повернул в нашу сторону и, сорвавшись с места, скрылся в пылевом мареве.

— Ох-ре-неть, — высказал общее мнение Слободан.

— Там… люди…

Слободан вставил магазин, дослал патрон, открыв дверь, спрыгнул на траву. Дотянулся до рации.

— Леший-ноль, Леший-шесть, говорит Леший-четыре. Нападение волков на стадо. Чабанов не видно. Медиум сообщает об их тяжёлых ранениях. Количество хищников неизвестно.

— Леший-четыре, говорит Леший-ноль. Вертушки в воздухе. Вы пока сами. Действуйте по обстановке. Приоритет — жизнь медиума. Как понял, приём?

— Понял хорошо. Есть — по обстановке. Отбой.

Второй УАЗ остановился метрах в двадцати, высыпали бойцы, на ходу заряжая автоматы. Ко мне подошёл водитель, неумело возясь с затвором.

Я отобрал его автомат, требовательным жестом запросил запасные магазины. Он махнул головой на машину, подразумевая, что из кармашков их так и не достал.

Лейтенант протянул мне свой револьвер и три обоймы к нему, я отдал ему АКС и отправил их с водителем к машине за магазинами. Построил бойцов из лагеря.

— Идём двойками. Не расходимся. Водятел — сидит в машине и не отсвечивает. Средняя пара прикрывает Алию и санитара. Ориентируемся на неё. Патроны экономим, но учитываем, что волка одной пулей можно и не свалить. Стараемся не подставляться — вдруг бешенство.

Дождавшись магички, мы быстрым шагом двинулись вперёд.

Пыль не стояла сплошной стеной, и сквозь неё было видно многое. Мечущееся стадо, разрываемое парами серых теней на отдельные участки. Валяющиеся тут и там окровавленные туши.

Над этим висело отчаянное блеяние. Кто-то слева от меня выстрелил короткой очередью. Я повернулся, но видимого результата не заметил.

— Справа человек.

Чабана видно не было, но под ноги попалось тело собаки. Крупный пёс даже после смерти не выпустил волчью шею из челюстей. Сам он тоже был растерзан. Множественные раны были покрыты запёкшейся кровью.

Волк — молодой, некрупный самец изможднного вида — казался принесённым в жертву, чтобы отвлечь пса. Вытряхнув из головы неподходящие мысли, я приказал двигаться дальше.

Метрах в двадцати лежала туша осёдланной лошади, около которой валялись двое волков. У одного отсутствовала половина челюсти, второй мог похвастаться размозжённым черепом. Земля и трава вокруг были забрызганы бурыми пятнами, напоминая сумасшедшего художника, стряхнувшего излишки сурика с огромной кисти.

— Дальше.

В небольшом углублении, эдакой ванне, лежал без сознания немолодой мужчина. Руки и ноги были сплошь искусаны, будто его не хотели убивать, а испытывали, насколько хватит его жизненных сил. Рядом с ним лежала плотная серая бурка, которую он зачем-то снял с себя. Невдалеке валялась туша ещё одного волка, а под телом, возле правой руки оказался зажат карабин «Сайга».

— Живой, — сказал наш санитар. — Ещё дышит. Кровопотеря — критическая. А у меня только один пакет «универсальной» плазмы. И то, с его травмами, чёрт его знает, не ухудшит ли это.

— Есть варианты? — Я наклонился, но не рискнул тянуть оружие, чтобы не растревожить раны.

— Нет.

— Перевязывай и лей. Под мою ответственность.

— Так точно.

— Стойте. — Алия закашлялась. — Странно. Он будто не один. Будто их двое.

— Здесь? Или дальше? — Я обвёл глазами степь.

— Здесь.

Кто-то из ребят додумался поднять бурку. Под ней едва дыша, лежал, прижавшись к мужчине, мальчуган лет шести.

Справа в сердцах выругались.

— Охраняем, — рявкнул я.

Потянулся было к рации, но увидел две серые тени, оторвавшиеся от стада. До нас им было метров тридцать или тридцать пять — не больше — но я едва успел выхватить револьвер, взвести курок и один раз выстрелить. Промахнулся.

Зато попали автоматчики. Длинными очередями сопроводив волков, они заставили их кувыркнуться и завизжать. Короткий скулёж прервали два одиночных выстрела.

Короткий смешок. Чьё-то «с почином».

Со стороны мечущейся отары раздался вой, тут же подхваченный на другом её конце.

— Хватаем мужика с пацаном и уходим! — Слободан опередил меня. — К машинам.

Стараясь не спровоцировать кровотечение, переложили чабана на бурку. Несмотря на свою длину, её не хватило, чтобы разместить ещё и ноги, поэтому они волочились по земле. Четверо шли спиной вперёд, спотыкаясь и поругивая обстоятельства.

Алия, шатаясь от усталости, несла мальчика, удивительно худого и маленького для шести лет. От машин к нам бежал водитель.

Наперерез ему трусили два десятка овец, отбитых от основной отары, и пара волков, которые ими прикрывались и управляли.

Справа от меня боец заорал:

— В сторону!

Короткими очередями срезал передних баранов, лишив волков части прикрытия, но в самих зверей попасть не смог. Его напарник, встав на колено, срубил одного хищника в прыжке. Второй развернулся и опять слился с общей массой.

— Дайте пацана. — Парень, хрипло дыша, принял у Алии её ношу и пошёл рядом с нами.

Сзади к нам приближалась отара, которую гнали волки.

— Майор, что делаем? Они сейчас нас затопчут.

— Давай гранаты. Так ты их не выцелишь, только если напугаешь сильней волков.

Послышались щелчки и звон. Четыре раза бойцы гаркнули предупреждение: «Граната!»

Взрывы прогремели один за другим, испугав и дезориентировав овец. Ближняя к нам часть отары заметалась из стороны в сторону. Двух волков, которые попытались снова направить её в нашу сторону, отогнали короткими очередями.

— Ходу! — Машины были уже рядом.

Стадо повернулось к нам другой стороной. Выпучив ложноножку, оно потянулось к нам, наплевав на мечущуюся часть. Будто успокоившись и приняв верховенство посконных врагов, овцы трусили в нашу сторону, даже не пытаясь остановиться или свернуть.

— Гранаты к бою!

И снова повторилось как в прошлый раз.

С тем же результатом.

Кричать: «Быстрее!» смысла не было. Все и без того понимали, что медлить нельзя. Однако почти сразу споткнулись, когда Алия рухнула на землю.

— Он мёртв.

Один конец бурки выпал из руки идущего позади меня бойца, заставив обескровленное тело заскользить вниз. Понимая, что чабану уже помочь нечем, я опустил свой конец бурки, подхватил девушку, перебросив её через плечо, и скомандовал:

— Бегом!

Бойцы попарно останавливались, давали длинную или короткую очередь, заставляя заблеять раненых овец, затем подхватывались за нами. Лишь в оном случае из трёх донеслось повизгивание, но я не мог назвать это значимым результатом, особенно учитывая, что мы уже истратили почти половину боезапаса.

В машины успели запрыгнуть без давки и паники и даже всего двумя выстрелами завалили баранов, мешавших закрыть двери. Но, не давая нам разогнаться, нас окружили и прижали овцы.

— Последний раненый, где он? — пытался я заставить Алию заговорить.

Слободан тем временем мучил рацию, докладывая о нашем положении.

Магичка махнула вправо, почти под прямым углом к нашему курсу.

— Выворачивай. Право девяносто. Ищем второго чабана.

Другая машина попыталась повторить движение, но чуть не опрокинулась. Под одним из наших колёс тоже лежала чья-то туша, мешая сдвинуться с места.

С разных сторон среди грязно-бурых овечьих спин стали мелькать серые волчьи тени. Санитар попытался открутить стекло, чтобы выставить ствол, но мелькнувшая перед самым окном оскаленная морда заставила вернуть всё, как было.

Алия напряглась и почти сразу обмякла.

— Умер…

Из динамика рации донёсся глухой мат.

Я нажал тангенту своего передатчика.

— Говорит Леший-пять. Майор Топорков. Сворачиваем спасательную операцию. Отходим в сторону лагеря. Передайте летунам: не высаживаться.

— Леший-пять, говорит Леший-ноль. Ожидайте поддержку с воздуха. Будет плохо с видимостью — зажгите сигнальные огни.

На капот запрыгнул волк. Матёрый хищник стоял и смотрел нам в глаза. Его не смущало даже то, что машина рывками пыталась сдать назад и выбраться на твёрдую поверхность.

Водитель зачем-то брызнул омывайкой, и заработали стеклоочистители. Хищник схватил один зубами и, дёрнув головой, сорвал его с крепления. Сзади меня послышался выстрел, и в стекле появилось отверстие с мелкой сеточкой трещин вокруг него. Тут же на стекло плеснуло кровью. Туша грохнулась на капот и сползла.

Работающий дворник методично размазывал кровь. В салоне воняло сгоревшим порохом.

— Я не удержался, простите. — Тон Слободана извинений, однако, не предполагал.

Водитель запустил подачу омывайки, но очиститель не справлялся, только сделал хуже. И хотя после нескольких попыток раскачать взад-вперёд, он сдвинул машину, полноценно ехать мы не могли.

— Леший-пять, говорит Леший-шесть. Делай как я.

С нами медленно поравнялась вторая машина, дважды посигналила и поползла вперёд. Мы, поглядывая на них, двинулись в ту же сторону.

— Лешие, кто запрашивал кавалерию? — раздался неестественно весёлый голос в рации, и метрах в десяти перед соседней машиной отару перепахала очередь из тридцатимиллиметровой пушки.

В ушах смешались крики агонизирующих животных. Блеяние, визг, скулёж. Алия буквально билась в судорогах, очевидно, впитывая это всё или пропуская сквозь себя.

— Небо, можешь аккуратно повыцеливать волков?

— Могу попробовать, но будет хуже. Их тут два десятка вперемешку с баранами. На кой тебе эти овцы сдались? Людей всё равно нет.

— Потом объясню. Сделай, пожалуйста.

Очереди стали короче, но животные продолжали массово получать ранения. Утешало одно — стадо заметно поредело, и мы понемногу выползали из активной зоны.

— Лешие, так лучше?

— Небо, ещё нежнее.

— Да вы достали, ща закончу, завтра приглашу самого за гашетку сесть.

Следующая очередь заставила Алию потерять сознание.

— Всё. Уже не надо. Делайте как сможете, но волков не выпускайте.

— Идиоты какие-то, да, Вовчик?.. — Наверное, со стороны это должно было восприниматься, как неотжатая тангента.

Мы, постепенно набирая скорость, отъехали метров на пятьсот. Водитель поставил машину на ручник, потянулся к бардачку и выхватил оттуда тряпки.

— Прикройте, товарищ майор.

Он открыл дверь, выскочил, чуть не упав, и принялся натирать лобовое стекло. Я встал на подножку со своей стороны, держа револьвер наготове. Слободан, сидевший слева, открыл свою дверь и водил стволом по степи.

— Всё. — Стекло, конечно, не стало идеальным, но это был лучший результат в наших условиях.

Мы запрыгнули обратно и покатились в лагерь.

Глава 7. Май 2018. Республика Калмыкия.

День третий.

— Лешие, говорит Небо-два. Вы с концами?

— Небо-два, говорит Леший-пять. Да. Живых там нет. А вы уже справились?

— Судя по всему — да. Ещё пару кругов сделаем — и на базу.

— Спасибо, ребят.

— Да ладно. Счёт по почте пришлём. Отбой.

На полпути обратно нас из мыслей снова выдернуло шипение рации.

— Лешие, говорит Леший-ноль. Нападение на лагерь. Несколько волчьих стай численностью до трёх десятков особей каждая прорываются к Древу.

Мы переглянулись. Алия по-прежнему сидела как безвольная кукла, удерживаемая соседями.

— Леший-пять, что говорит медиум?

— Леший-ноль, говорит Леший-пять. Медиум без сознания. Истощение. Шок.

— Есть возможность… — Хрип и помехи перебили передачу, но я понял, о чём он.

— Сейчас посмотрим, но без гарантий.

— Дайте знать. И двигайтесь быстрее. Мы тут на вышки и крыши позалезали, половину перестреляли, но оружие только у караула было.

— Вас понял. Отбой связи.

Водитель, будто читая мои мысли, остановил машину.

— Вадим, — обратился я к санитару. — Тебе Мари-Хелен ампулы давала. Что там?

— Стимулятор и какой-то витаминный коктейль. Сказала, что мага можно в сознание привести после… ну ты понял.

— Коли. И если в аптечке что-то есть — тоже.

Он передал Слободану ребёнка. Я успел заметить у мальчика на голове большой синяк, расползающийся из-под волос. Перевёл взгляд на лейтенанта. Тот скорчил неприятную рожу: мол, ничем не смогу сейчас помочь. Я не мешал. Санитар взял свой рюкзак, вытащил ленту со шприцами. Распаковал один. По очереди набрал из ампул препараты. Закрыл колпачком иголку. Задрал рукав на левой руке Алии и наложил жгут.

— Лёш, поработай её кулаком.

Я, матерясь про себя, несколько раз сжал и разжал её безвольную ладонь, пока Вадим не остановил меня. Он медленно начал вводить иглу, затем кивнул, чтобы я распустил жгут. Потянул поршень и с облегчением выдохнул, когда в шприце заклубилась капля крови. Аккуратно ввёл препарат, приложил салфетку и зафиксировал руку Алии у плеча.

— Подержи пока. Я ничего сверх назначенного не колол, а с этим… — Он покосился на ампулы. — …дел не имел, не знаю, как оно сработает. Сам понимаешь — не врач.

Лейтенант убрал использованный шприц и ампулы. Я повернулся вперёд, махнул водителю: «Малый вперёд», и оглянулся на вторую машину, которая тронулась вслед за нами.

Чуть в стороне от нас пролетели вертушки. Хотелось надеяться, что не перепашут лагерь.

Постоянно оглядываясь по сторонам, я пропустил, когда Алия пришла в себя. Если можно об этом так сказать.

— Стойте, — простонала она и застучала кулаком по водительскому сиденью.

Машина дёрнулась и остановилась, заглохнув. Хлопнула дверь, дважды скрипнула подножка, и послышались звуки рвотных позывов.

— В-воды… С-слей.

Журчание, сёрбающие звуки.

— Ты м-мне что колол?

— Мари-Хелен давала.

— Л-ладно. С-сильно меня п-приложило? — Заикание так и не прошло.

— Ты второго чабана почувствовала. Когда умер…

— Не ум-мер, агония. П-пережила с ним. См-мерть — об-блегчение.

Алия попыталась забраться в машину, но её попавший в грязь ботинок соскользнул с подножки. Вадим подсадил, и она, ёрзая, протиснулась к середине.

— Мы куда едем?

— В лагерь.

— Н-нельзя. Там ярость. Боль. Много. Больше, чем было. — Она по-прежнему едва контролировала себя.

— Там волки. Похоже, сотни две или больше. Часть перебили, люди на крышах, нужна поддержка.

— А м-мы разве…

— Хотя бы отвлечём. Может, получится к оружию пробиться. — Я не особо себе верил, но если получится хотя бы отвлечь часть стай и продержаться до прибытия подмоги — уже хорошо.

Вторая машина доложилась, что у них на пятерых — чуть больше полутора сотен патронов. У нас Слободан и Вадим быстро посчитались — сотня. Первый свои почти расстрелял, второй и не трогал. У меня на два револьвера приходилось тридцать девять, но я опасался, что не смогу их толком применить. Десяток гранат решили в лагере не применять, чтобы поберечь оборудование.

— А я?

— А ты с ребёнком в машине. Водитель останется с вами, возможно, получится сбить пару-тройку.

— Не, товарищ майор. Скорость не та. А в лагере я разогнаться не рискну. Тем более с пассажирами.

— Ладно, погорячился. — Я недовольно выдохнул. — Но будь на стрёме, может, получится кому-то помочь или быстро закинуть в салон.

Лагерь снова выскочил на нас, будто из-за угла. На четырёх вышках теснились люди. В большинстве — гражданские. В двух из них кто-то сидел на настиле, уперев ноги в перекладины лестниц. Иногда раздавались выстрелы, но визга или скулежа за этим не следовало.

С одной из сторон лагеря располагались сорокафутовые транспортные контейнеры. Две пирамидки. На верхних тоже толпились люди. Причём на одном из нижних я увидел издалека волчью тушу. Мне показалось, что я заметил оружие, но никто не стрелял.

Вертолёты зашли со стороны солнца, но они старались пройти на бреющем полёте. Видимо, хотели напугать животных и выгнать их за пределы лагеря, где уже можно применить бортовое вооружение. Судя по всему, получалось никак.

— Лешие, говорит Леший-ноль. На территорию не заходить. Под нами почти сотня голов. Действуют слаженно, как дрессированные. Вы даже двери не откроете.

— Леший-ноль, вас понял. Попробуем пострелять с дистанции. Может, выманим, и летуны накроют?

— Лешие, это Небо-один. Боюсь, что нет. Они недостаточно плотно тут орудуют, может осколками посечь. Надо выгонять на открытое пространство.

— Небо, принял. Дайте пару минут подумать. — Не знаю, зачем я просил время, мыслей в голове всё равно не было.

— Что думать, давай мы высадим десант? У нас восемь человек на два борта. Вас там сколько? Выманим и постреляете, сколько сможете, только разделимся на две группы, чтобы было кому прикрывать и укрыться за техникой. — Голос пилота дышал оптимизмом.

Хорошо ему, его по-любому не достанут.

Слободан включил рацию.

— Ладно, давайте к нам, мы крутнёмся, как тачанки, и потащим за собой. А нет — хоть проредим немножко.

Вадим наклонился над Алией, проверил зрачки и пощупал пульс.

— Пацанёнка удержишь?

— Давай. Я… я закрылась, постараюсь. — Она бережно приняла ребёнка на руки.

Парни тут же принялись перепроверять оружие.

Сели вертушки. Двумя УАЗами и двумя МИ-24 мы выстроились полукругом, обращённым к въезду в лагерь. Плохо было то, что обнести территорию забором или хотя бы сеткой никто не догадался.

— Небеса, дайте парням связь. — Я подождал сигнала. — Сейчас мы едем вперёд, примерно до границы. Там ребята со второй машины бьют с правого борта одиночными и, дождавшись атаки, отходят. Мы чуть ждём, затем отсекаем часть тех, что выскочат за ними.

— Лешие, принял. По дальномеру до крайней палатки… Да, той, что скособоченная, двести пятьдесят пять метров. Начнём стрелять с полутора сотен. Будем прикрывать.

— Отлично. Только дайте им вытянуться вслед за нами, чтобы не спугнуть.

— Принял. Действуйте.

Вторая машина пошла впереди нас, наш водитель выждал, пока они отъедут на полсотни метров, и тронулся следом. Ребята стали забирать немного правее, чтобы развернуться и встать так, чтобы два стрелка контролировали проезд. Мы остановились поперёк их направления движения. Приготовились к сигналу к атаке.

— Лешие, вами заинтересовались. Движется с десяток волков. — Вертолётчики благодаря своей оптике с дистанции видели лучше нас. — Рассредоточенно. — В голосе послышалось удивление. — Твою медь, они парами идут.

— Пятый, я шестой. Атакую.

Раздались одиночные выстрелы. До меня долетел жалобный визг. Алия резко выдохнула.

— Ты как?

— П-переоценила себя. Но пойдёт.

Следующий залп принёс вой и скулёж на разные голоса.

— Минус пять.

— Подтверждаю. Формируется группа в пару десятков особей. Идут осторожно, используют укрытия.

— Шестой, уходите, закрывайте стёкла.

— Понял! — Во второй машине не успели отжать тангенту рации, как в борт ударило тело. — Блин, тут дыма натянуло.

— Закрывай нахрен! Хоть на три четверти. И давайте мимо нас побыстрее.

— Едем.

Машина сорвалась с места, выскочила на прикатанный участок, дёргаясь, двинулась к стоявшим вертолётам.

За ней побежал сначала один волк, затем второй. Сбоку вырвались две другие пары. И через несколько секунд мимо нас галопом пролетели несколько десятков зверей. За моей спиной медленно опустилось стекло, Слободан выставил ствол, мне пришлось с громким щелчком открыть дверь и вытянуть руку с револьвером.

— Огонь.

Одинокого волка я бы, скорее всего, не выцелил. Но из четырёх выстрелов, которые я успел сделать по стае, попал минимум дважды. Четверых, похоже, подстрелил мой напарник. Угол для стрельбы стал неудобным, и мы убрались обратно в салон.

— Догоняем.

— Лёш, не спеши. Сейчас там и без нас справятся. П-подождите тут.

— Зачем, Алия?

— П-проверить хочу. — Она глубоко вдохнула, едва не закашлявшись от порохового дыма.

Закрыв глаза, магичка напряжённо сидела, и только движение глазных яблок под веками выдавало, что она чем-то занята. Наконец, она выдохнула, и Вадим схватился за сердце, вздрогнул всем телом, тяжело вздохнул и покачал головой.

— П-прости. З-зацепила.

Водитель понял по-своему и двинул вперёд, дёрнув рулём, когда на нас сбоку выпрыгнули несколько зверей.

— Отъезжайте туда, где ст-треляют. М-мне нужно н-накопить.

Меня переклинило. Я замер с обоймой в руке. Осторожно повернулся.

— Ты что?

— Накоплю. — Она с вызовом посмотрела на меня. — Т-ты правильно п-понял. Не т-тормози. Д-древо всё равно от-тсекает с-снаружи. Н-нужны вн-нутренние ощущ-щения. Очень н-нужны, Лёш.

Палец сам потянулся к тангенте.

— Леший, Небеса. Мы сейчас ворвёмся в самый центр. Потом объясню. Под подписку. Постарайтесь в нас не попасть. Конец связи.

Рация зашипела.

— Говорит Леший-ноль. Топорков — отставить!

— Никак нет, Жорж Ларионович.

— Алексей, не смей!

— Отбой связи. Слободан, открывай окно, Вадим, дай ствол — из револьвера я в окно не выстрелю.

Забрав АКС, я проверил наличие патрона в патроннике и закрутил рукоятку стеклоподъёмника — сейчас открывать дверь было бы опрометчиво. Кивнул Алии, дождался ответного жеста. Водитель сам нашёл удобную точку на небольшом возвышении — даже не пригорке, а кочке. Но волков было видно хорошо.

Переведя предохранитель на одиночный огонь, принялся выцеливать зверей.

— Я бью правых, вы — левых, майор. — Слободан будто читал мысли.

Два выстрела прозвучали почти синхронно. Два тела рухнули на землю. Следущий — промах. Хотя нет — ранил. Ещё. Ещё — попал. Волки от второй машины рванули к нам. Ещё два выстрела, ещё два тела.

— Алексей, не убивайте… Мне нужна их боль, агония. — В голосе девушки пробивалось предвкушение.

— Слободан, слышал?

— Так точно. Постараюсь.

Я снова вызвал вертолётчиков.

— Небеса, прекратить огонь. Временно. Мы пока покрутимся.

— Хозяин — барин, — отозвался один из летунов.

Между нами и десантом осталось чуть больше дюжины — тьфу ты, прилепилось — голов.

Просьба Алии отвлекала. Если раньше всё было просто: совместил мушку, целик, зверя, потянул спусковой крючок, то теперь нужно было сначала убедиться, что не убьёшь волка. Время уходило. Промахов стало больше. Однако мы приноровились, и на двух убитых животных пришлось три, скребущих лапами по земле.

— Майор!.. — Крик Слободана запоздал.

Вынырнувший из-под прикрытия машины волк прыгнул прямо в окно, наткнувшись на мою руку, объятую тёмным пламенем. Его морда сгорела практически моментально, однако,

я прожёг газоотвод автомата. Отсоединив магазин под скулёж умирающего зверя, я отдал его Слободану. Затем выщелкнул патрон и бросил оружие на пол.

Открыв дверь, я выпрыгнул из машины, снова зажигая пламя на ладонях. Два волка тут же попытались взять меня в клещи, но один упал, сражённый метким выстрелом.

Хитрая пара по очереди вынырнула из-за машины, и звери бросились на меня.

Первого я принял обеими руками, припав на колено и вбив ладони в живот и грудь. Он продолжил клацать зубами, обдавая зловонным дыханием, будто не чувствовал боли. Преодолевая страх, я погасил пламя и стряхнул тушу подальше, пока она не повисла на руках и не уронила меня на землю.

Второго волка я успел ударить торцом косы, а затем, развернув лезвие, обрубил ноги.

Мимо свистнула пуля, раздробив морду последнему из атаковавших.

Оставшиеся рванули от нас, мимо десантников, которые не упустили момента расстрелять их как в тире.

Из машины донёсся голос.

— Лёш, дожми их. Так, чтобы… чтобы мучились.

Слова у Алии рождались с трудом, буквально требуя вдоха-выдоха на каждое.

— Ты со мной?

— Нет. Я чувствую и отсюда. Не буду стеснять.

Логика в этом присутствовала. Я пнул тяжёлым ботинком затихшее у моих ног животное. Волк попытался цапнуть меня, и я кончиком косы «пришмалил» его. Визг заставил заскрежать зубы.

— Да… Так… П-прости…

Прижав ногой челюсть зверя к земле, я наклонился и принялся сжигать лежащего волка тёмным пламенем. Слёзы стекали по лицу, растворяясь в степной пыли. В какой-то момент животное не выдержало. Тело изогнулось в последнем невозможном рывке и затихло.

— Быстрее, пока с-сами не…

Я сделал быстрее.

Мы ехали к лагерю. За нами, крадучись, ползла вторая машина. Леший-ноль шипел в рацию, чтобы мы не совались на территорию, потому что вот-вот подойдёт подкрепление. А я видел, что людям на вышках не хватает места, чтобы нормально сесть.

Наш УАЗ заезжал медленно, давая возможность волкам приблизиться, но они не спешили атаковать. Вокруг оставалось пустое пространство, метра три. Как вокруг капли хлорки в чашке Петри. Водитель поглядывал в зеркало заднего вида на Алию, которая сидела с закрытыми глазами; вокруг них расползалась синева.

Ребёнок на руках Вадима в себя не приходил. У меня уже появились сомнения в том, спасли мы его или нет.

— Стой. Дай мне выйти. — Команда прозвучала жёстко, почти по-армейски.

Я первым открыл дверь и встал на подножку с револьвером в руке. Стрелять Алия пока запретила, но я готовился в любой момент поднять оружие. Слободан возился дольше. Он не сталкивался с магией раньше и явно испытывал сомнения. Но, как джентльмен, подал руку девушке, помогая спуститься.

Магичка сделала шаг вперёд. Волки, окружившие нас, попятились.

Неожиданно зашипели обе рации, Алия обернулась, на мгновение утратив концентрацию, и стая приблизилась. Я сорвал свою и швырнул в открытую машину, боец сделал то же самое, но махнул неудачно, и рация попала под колесо.

Девушка развела руки в стороны и затем подняла их над головой.

— Одного. Сейчас. Нужно… настроиться.

Я вскинул руку и, почти не целясь, спустил курок. Оглушительный выстрел штурмового револьвера ударил по ушам. Пуля разнесла голову стоявшего во втором ряду зверя. Мне почему-то не хотелось заставлять их мучиться. Не сейчас.

Волки припали на задние ноги для рывка, но ничего не успели сделать.

Алия опустила руки. Просто. Опустила. Руки.

Сверхстая повалилась на землю. Не было ни запаха озона, ни дыма, ни вспышки. Один человек опустил руки. И упал.

Мы не смогли её поймать. Ни я, ни Слободан. Всё, что он успел — встать так, чтобы девушка не ударилась головой, а съехала на землю по его ногам.

Комментариев от окружающих не было.

Из второй машины выпрыгнули стрелки, держа автоматы наизготовку, подошли к волкам, лежавшим ближе к ним. Один осторожно толкнул тушу и тут же отпрыгнул. Туша безвольно качнулась. Замерла. Проверили ещё двоих.

— Мёртв… Мёртв… И этот тоже.

По ступеням металлической лестницы ближайшей вышки застучали ботинки. С середины пути раздался голос.

— Проверь вот этих, под нами. Кажется, дышат.

Я проявил косу, сделал несколько шагов, наступая на шерсть, хвосты. Немного неуклюжести, немного бравады.

Дыхания у лежащего зверя не было.

Я обернулся. Вадим делал Алии искусственное дыхание. С контейнеров по штабелям паллет спрыгнул мужчина и уже бежал к нам. В голову пришло запоздалое понимание, как волк оказался наверху. Сознание воспринимало происходящее будто какой-то сон. Вот мужчина падает на колени и морщится. Вот он выставляет руки для массажа сердца. Толчки. Один за другим.

Водитель зачем-то вылез из машины и, шатаясь, держит мальчишку. Тот моргает… Моргает?

Радостный крик: «Живо-о-ой! Живой, товарищ майор!» расползается по лагерю и срывает пелену ненастоящести. Возвращаются звуки, разум больше не пытается представить себя в зрительном зале.

Сзади топот. К нам добежали десантники. Присвист с матерком ставит жирную точку в этой операции.

— Майор, есть чем записать, чтобы не вздумать обижать вас? — Незнакомый голос заставляет обернуться.

— Татуировку сделаете, — огрызается Жорж, срывая на них злость, и крепко берёт меня за руку, отводя в сторону.

Возвращаться в реальность — всегда больно.

— Доволен, майор?

Мне нечего ответить ему. Он прав. И не совсем прав. И совсем не прав. И я вместе с ним.

— Нет. Да.

Он замирает. Только что хотел… наверняка хотел… я бы так точно не удержался… сказать: «То-то же!» Машет рукой. Отворачивается. Молчит.

— Что это было?

— Не знаю, Жорж.

— А она?

— Думаю, что она тоже.

Он коротко ругается. Тихо, чтобы только я услышал. Но чтобы услышал наверняка.

— Что с вами делать?

— Выговор. Строгий. С занесением. И «Отвагу». Или «Мужество». Кому что.

— Самый умный, да?

Я демонстративно огляделся. Вопросительно вскинул голову. Жорж негромко рассмеялся.

— Дети, блин. Злые дети с красной кнопкой.

— Прости. — Я сказал искренне. По-другому и не стоит этим словом бросаться.

Он схватил меня в охапку, крепко прижал к себе. Отступил на полшага, удерживая мои руки в своих.

— Всё равно — дети.

Глава 8. Май 2018. Республика Калмыкия.

День третий.

Наверное, нам надо было договорить, но рёв мотора заставил выйти встречать прибывших. Шесть человек в керамопластовой броне со штурмовыми автоматами выпрыгнули через заблаговременно откинутый борт.

Пятеро побежали вперёд, проверяя состояние волков, один помог женской фигуре спуститься. Не знаю, почему я рассчитывал на Мари-Хелен, но мои надежды пошли прахом. Схватив сумку, к нам бежала Людмила.

— Тая пока не может, я за неё, — протараторила она, усаживаясь около Алии. — Девочка моя, что они с тобой сделали…

Целительница отогнала врача, который и без того убирал руку от груди девушки, расстегнула форму.

— Отвернитесь, ироды!

Не дожидаясь реакции окружающих, сунула ладони под камуфляжную рубаху. Закрыла глаза, сосредоточиваясь, но тут же отскочила, потрясая кистями. Огляделась по сторонам и попробовала ещё раз с тем же результатом.

— Лёша, что с ней?

Жорж выпустил мои руки, и я подошёл к Люде. Помог подняться и шёпотом быстро пересказал наши злоключения. Отдельно подчеркнул, что Алия собирала с убитых и раненых животных и как применяла полученное.

Целительница мрачнела на глазах.

— Ты знаешь, я не могу в неё ничего влить. Только открываюсь, чтобы поделиться — тут же она просто давит меня, едва хватает сил закрыться.

— Она же должна была всё потратить на… умерщвление волков.

Люда смотрела на меня как на нерадивого ученика.

— И?

— Если бы она сохраняла что-то, она бы наверняка осталась в сознании. Но она же всё выплеснула… — До меня дошло. — Ты хочешь сказать, что эта… сотня… они все… вернулись?

— Да. Она, похоже, вобрала всё.

Я стучал кулаком по бедру, пытаясь сосредоточиться. В голову лезли мысли, но они упрямо кружили вокруг Древа.

— Ты можешь как-нибудь «слить» то, что в ней «запечатано»?

— Алексей, ты совсем? Я едва удержала поток. Меня порвёт к чертям. — Она упёрла в меня взгляд. — И не вздумай попробовать сам. — Люда покачала головой. — Не удержишь. Это теперь не внутренние эмоции.

— Но… она упоминала, что немного смогла как-то, просто на… погашение обиды.

— Майор! — Целительница повысила голос. — Это делала она! Понимаешь? Она. Сама. Дозировала, определяла, направляла. Не рыпайся.

Вадим по-прежнему стоял на четвереньках рядом с головой Алии. Она уже дышала самостоятельно, но он не стремился подниматься. Он поднял голову.

— Погоди, но я же её касался, дыхание искусственное?

— Но ты ей в душу не лез. И я теперь не полезу.

Жорж держался рядом, внимательно слушал пикировку. И вроде бы он особо не скрывался, но не знай я, что он здесь, даже не подумал бы, что кто-то лишний. Наверное, это что-то значило, но сейчас было не до него.

Бойцы в тяжёлых доспехах закончили проверять тела.

— Всё чисто. Живых нет. Летуны обещали проверить с воздуха, поэтому мы пока тут побудем. — Майор Стешин докладывался сразу обоим.

— Спасибо. — Жорж будто был не здесь.

Он обошёл лежащую девушку, для которой местный врач тащил «пенку», и подхватил Людмилу под локоть. Они, мило беседуя, отошли теперь уже от нас.

Стешин проводил их взглядом из-под поднятого забрала, дёрнул стволом автомата.

— Бугор местный?

— Да я бы сказал, не слишком-то и местный. Как бы не смежник или даже ступенькой выше.

— По нему видно. Рулить умеет. Видели таких. — Майор улыбался, но в глазах плясала тревога. — Задушевненько в глазоньки посмотрит, а сам на шейку верёвочку накинет. А затягивать сам будешь. Под неусыпным надзором и чутким руководством.

Я хмыкнул, но вспомнил все беседы с Жоржем и согласился. Местный врач постучался в броню Стешина. Тот повернулся и тут же отпрыгнул в сторону, чтобы можно было без помех раскатить подкладку. Следом врач — я так и не узнал его имя — положил вынутую из-за пазухи длинную пелёнку и жестом попросил нас помочь.

Мы подхватили Алию с разных сторон и переложили, едва не уронив.

— А что, носилок нет? — спросил Вадим.

— Да как-то не думали, что тут понадобятся. — Пожал плечами врач. — В лазарет или в машину?

К нам подошёл Жорж. Следом, виновато щурясь, медленно ступала Людмила, стараясь обминать волчьи тела, которые никто так и не решился сдвинуть.

— Подождите минутку. Алексей, я хотел тебя спросить, как ты смотришь, чтобы попробовать ещё раз… с Древом. — Он немного запинался, но мне показалось, что переигрывает.

Целительница встала у него за спиной и усиленно кивала мне.

— Какую реакцию вы ожидаете?

Не знаю, рассматривали они этот вопрос или нет, но Жорж вздрогнул и попытался обернуться. Не увидев Людмилу там, где ожидал, он хрустнул большими пальцами и опустил руки.

— Аварийный сброс.

Я молчал. Он молчал в ответ. Играть в гляделки я не решился, поэтому смотрел над его правым ухом — между его головой и головой целительницы, которая, шевеля бровями, пыталась что-то сказать. Но читать по губам мне не доводилось, поэтому мы просто сохраняли тишину.

— Жорж Ларионович. — К нему подбежал какой-то мужчина, лет тридцати.

Он протянул раскрытую папку, и администратор был вынужден отвлечься. Прочитав содержимое, он резко захлопнул её и ткнул обратно в протянутую руку.

— Потом!

Вернулся к нам, но момент был упущен.

— На самом деле мы надеялись — Людмила рассказала о вашем опыте с сепарацией негативных эмоций —что…

— Нет.

— …ты сможешь… — Жорж осёкся. — Почему нет? Я понимаю, что сложно…

— Да ни хрена вы не понимаете. И она не понимает. — Я взорвался. — Мне тогда дерьмо из брата тащить пришлось. Из любимого брата, лю-би-мо-го… которого я семь лет не видел. И то, результат был — выше крыши нахлебался. А вы хотите хтонь выпустить, которая вообще может всех в округе положить.

Людмила опустила голову, но администратор не сдавался.

— Но у тебя же иммунитет к магии.

— К магии. Но не к её последствиям. И у вас ни у кого такого иммунитета нет. А я в душе не чаю по какой площади мы этим эффектом навернём, даже если я живой останусь. Ву компрене?

— Нет. Ты мне должен. И ей. Я просил вас остановиться. — Жорж резко посуровел, затем распрямился и поднял голову. — Тебе захотелось поиграть в героя и героиню. Выиграл. Не спорю. — Он поднял руку и распрямил указательный палец. — Но один сет — это не вся игра. Поэтому хватит разматывать сопли. Собирайся.

— А люди? — хрипло спросил я и закашлялся.

— Люди отходят. Останутся добровольцы. И мы. Дерево ваше спит сейчас, сами сказали. Донесут Алию и отойдут.

Врач, во время разговора наблюдавший за девушкой, попытался было возразить, но наткнулся на взгляд Жоржа.

— А если мы откажемся?

— Это будет расценено как бунт. И, значит, будем пробовать с теми, кто останется. На тебе свет клином не сошёлся, майор. — Он сделал пару шагов и положил руку мне на плечо. — Но я был бы очень рад, если бы мы не ссорились. Очень.

Я видел, что он упёрся. И он готов сделать то, что задумал. А если и не он — кто-то другой. Мыслящий теми же категориями. И я… видел в нём своё отражение. Хотя, наверное, и он видел тоже.

— Ладно. Но делаем то, что я скажу. — Я повернулся к целительнице. — Люда, возьми ланцет, кровоостанавливающее, антисептик, бинты. Жорж — хоть чучелом, хоть тушкой, нужны огнемётчики. Если Древу не понравится — должен быть шанс отступить.

Он кивнул, переплетая пальцы.

— И… нужны люди, которые потащат нас обратно.

Стешин попытался было поднять руку, но я отрицательно качнул головой. Им ещё было прикрывать людей, если вдруг хрень с волками повторится. Десантников тоже пришлось отмести. У них оставался вполне солидный боезапас.

Жорж Ларионович отошёл к своим людям и начал раздавать команды. Майор, похлопав меня по плечу, свистнул бойцов и двинулся следом, чтобы получить указания. Десантура, поглядев на происходящее, тоже подтянулась к ним.

— Лёш, ты сердишься? — Людмила понуро опустила голову. — Я не специально. Надеялась, что он дёрнет других наших сенсоров и мы попробуем поработать все вместе. А он… сделал вот такие выводы.

— А что ты мне сказать пыталась?

— Чтобы ты тоже предложил собрать консилиум. Я внимание привлекала, а потом ты нифига не понял.

— М-да. А я подумал, чтобы я соглашался на всю фигню.

Она рассмеялась, но тут же осеклась.

— Хочешь, я ещё раз…

— Не стоит. Я не представляю, кто и чем сможет нам помочь. Лучше уж так рискнуть, хотя я не вижу хорошего решения.

— Ты… ты уже что-то придумал?

Я сунул руки в карманы и отвернулся. Хотелось что-нибудь уничтожить, выплеснуть ярость и злость. Хотя бы прорваться.

В ближайший час Алия в сознание не пришла. И врач, назвавшийся Гришей, и Людмила запретили колоть ей какие-либо стимуляторы или витамины. Её кровь взяли на анализ, убрали в холодильник, но с доставкой пока было туго.

Летуны сделали несколько витков по спирали, пока запас топлива не подошёл к концу, и ушли на базу. Десантники помогали с эвакуацией персонала.

С нами остались два огнемётчика и ещё пять человек. Почти всем на вид было около сорока лет. Ещё крепкие, но уже с опытом. Молодёжь Жорж решил не привлекать. Притащили два брезентовых полотнища: на одно аккуратно перегрузили Алию, второе заготовили для меня — расстелем возле Древа.

Врач и Людмила взяли свои сумки — надеюсь, не понадобятся. Меня от переноски отстранили — и без того ушатался.

Шли как на похоронах. Впереди четверо тащили за углы брезент, потом попарно мы с Жоржем, который не выпускал из-под мышки вторую скатку, и Люда с врачом, тихо о чём-то переговариваясь.

Прошли один ряд установленных приборов. Второй. Две камеры. Змеящиеся провода валялись прямо на земле. Я спросил, почему было не прикопать и получил ответ, что всё равно переносить, когда разрастётся. Не то чтобы это был аргумент, но какая-то логика лучше, чем никакой.

Как и в том, что я задумал.

Древо на нас не реагировало. Я опасался, что, войдя под сень разросшихся веток, мы потревожим его. Нижний ярус, к слову, поднялся уже метра на три. Сам ствол, как мне показалось, утолщился, став в диаметре около двух дюжин сантиметров.

Я прошёл вперёд и махнул мужчинам, держащим импровизированные носилки, чтобы подождали. Потоптался вокруг и нашёл плоскую площадку вблизи Древа.

— Кладите поближе. Чтобы можно было её рукой к стволу дотянуться.

Объяснять второй раз не пришлось. Покружившись ещё немного, я понял, что именно сбило меня с толку. Исчезли корневые лозы, ранее обнимавшие тела принесённых в жертву. Остались только пустые исколотые мешки, из которых «повымело» даже кости.

Указав Жоржу на них, я убедился, что он заметил, и попросил огнемётчиков зажечь горелки и приготовиться к подаче горючей смеси. Тем, кто не должен был участвовать в эксперименте, предложил отойти за пределы ветвей, которые, несмотря на небольшую толщину, развитую сеть небольших симметричных веточек и листву, не пригибались к земле. Будто гравитации для них не существовало.

Мужчины несмело отошли, поглядывая на нас и на ветки.

— Диктофон или телефон с камерой есть?

— А как же, — ответил мне Жорж и достал из кармана смарт. — Без подключения к чему-либо. — Он предвосхитил мой следующий вопрос.

— Заводи. Эксперимент номер один. Попытка передать накопленную негативную энергию. — Людмила мне кивнула, подтверждая свои ощущения от контакта. — В рамках аварийного сброса. Я приложу руку пострадавшей к Древу на несколько секунд. В отсутствие видимых и ощущаемых изменений верну обратно. — Я замолчал на несколько секунд, ожидая возражений. — Три. Два. Один. Контакт.

Я взял тёплую ладонь Алии, подержал в своих руках. Вздохнул и, чтобы не передумать, резко — сильнее, чем рассчитывал — припечатал её к стволу. Уставился на точку контакта. Ничего. Сама магичка продолжала лежать, мерно дыша.

Я ничего не ощущал. На всякий случай опёрся второй рукой на Древо, прислушался к себе. Под моей ладонью ничего не происходило. Ни нагрева, ни какого-нибудь движения.

Разочарованно отнял от ствола обе ладони — и свою, и Алии. Посмотрел в камеру телефона.

— Результат — отрицательный. Эксперимент неудачен. Зондирование пострадавшей при помощи магии запрещаю.

Жорж опустил руки.

— Что дальше, майор?

Я кивнул на Древо, которое не обращало на нас никакого внимания.

— Дальше я буду пытаться его разбудить.

— Ты этого ожидал?

— Боялся. И боюсь.

Я ещё раз прижал ладонь к стволу Древа. Его голод всё так же ощущался фоновым раздражением на краю сознания, как гул старого стабилизатора, который ставили между розеткой и телевизором в девяностые годы. Сначала мешает, потом привыкаешь.

Махнув Жоржу, чтобы он поднял телефон, я вздохнул.

— Эксперимент номер два. Попытка пробудить Древо. Инструмент — кровь Топоркова Алексея, ранее вызывавшая реакцию объекта. Дозированно. Положительный исход — усиление ощущения голода, видимая реакция объекта. — Я оглянулся на Алию. — Контакт пострадавшей с Древом не предполагается до анализа ситуации. Три. Два. Один. Ланцет.

Людмила несмело потянулась с инструментом к тыльной стороне моей левой ладони. Григорий не выдержал: попросил её протереть мне руку, а надрез аккуратно выполнил сам. Получилась маленькая ранка — практически укол. Врач кивнул, отступил с инструментом наготове. Жорж, не отвлекаясь от съёмки, скомандовал огнемётчикам бдеть, и те с неохотой отвернулись, удерживая пространство под контролем.

Капли нехотя выступали на руке, но в какой-то момент стала формироваться тонкая струйка, ползущая по коже вниз. Я повернулся к камере.

— Нанесение крови на ствол.

Людмила прикрыла низ лица руками, опасаясь крикнуть. Врач стоял с опущенным ланцетом, на кончике лезвия которого оставался след от крови. Я наклонил левую руку, чтобы в подставленную ладонь стекли оставшиеся капли, огибая волоски. Лизнул рану, чтобы на землю ничего не упало.

— Контакт.

Хотелось шлёпнуть — проснись и пой — но приложился аккуратно, почти нежно. Показалось, что сердце замерло, настолько была невыносима тишина. Ничего не происходило. Начал считать пульс по покалыванию в месте разреза. Два. Пять. Семь. Десять. Двенадцать.

Внизу послышался почти незаметный шорох. Я опустил глаза и увидел маленькую трещинку рядом с тёмным пятнышком. Капля всё же упала. Там, внизу что-то медленно ворочалось. Машинально ткнув левой рукой, я привлёк внимание окружающих и заставил упасть ещё пару выступивших капель.

Тут же осознал, что чувство голода исчезло. Я попытался прислушаться к себе и понял, что неправильно истрактовал. Затаилось. Будто ты манишь собаку косточкой, а она уже видела, как ты её убираешь, и сейчас ждёт твоих действий, чтобы понять, не обман ли.

— Внимание. Объект изменил характер воздействия.

— Подтверждаю, — хмуро добавила Людмила. — Нас изучают. Оно не спит. Но и не агрессирует.

Из земли показался буровато-зелёный кончик побега. Длиной не более полудюжины сантиметров, он слегка покачивался. Со стороны выглядело как попытка обнюхать происходящее. Голод по-прежнему, отступив, «сидел в засаде».

Я оторвал ладонь от Древа. Смазанная пятерня выглядела актом вандализма. Кровь не впиталась: растеклась и начала подсыхать. Неожиданно на месте прикосновения кора, если это она, стала медленно преобразовываться. Сначала «рисунок» стал выцветать, теряя яркость, затем темнеть, а после изнутри наружу пробились мелкие, едва заметные глазом янтарные капельки, похожие на те, что проступают на обычной вишне.

Не смола, а… слово пришло само — живица.

Я не рискнул их трогать, тем более что они стали сливаться в единое пятно, повторяющее по контуру кровавый отпечаток. Не вся ладонь, но её карикатура… символ. Объединившись,

капли принялись тускнеть и меньше, чем через минуту, на Древе тёмным янтарём выделялась «пятерня».

Я посмотрел вниз, отросток не изменил своих размеров, цвета или положения. Даже шип не отрастил.

— Завершение эксперимента номер два. Реакция Древа достигнута. Согласно внутренним ощущениям двух магов, от нас ожидается действие помимо предоставления крови.

Жорж остановил съёмку. Наклонив голову, он смотрел на тёмную пятерню. Долго, с минуту.

Мне в это время обрабатывали руку. Кровь уже почти перестала идти, но Людмила приложила салфетку с кровоостанавливающим и держала её, пока порез не перестал сочиться красным. Она выдавила какую-то мазь из маленького тюбика, Григорий, стоявший наготове, закрыл рану пластырем, а затем принялся бинтовать.

Я делал вид, что целиком поглощён процедурой, а в голове роились мысли. Одну из них поймал наш администратор.

— Я так понимаю, это предложение контакта?

Пожимать плечами и разводить руками в моём положении было невозможно, поэтому я только спросил:

— Кто контактёр?

— Ты, я, Людмила.

Мы синхронно посмотрели на ровно дышащую Алию.

— Кто первый? Насухую или опять с кровью?

— Не саркастируй, майор. Я, как и ты, нихрена не знаю. Считаешь, если время потянем — само рассосётся? — Он переступал с ноги на ногу, видимо, устал стоять на одном месте.

— Извини. На нервах. Но думаю, что не нас с тобой оно ждёт.

Жорж внезапно шагнул вперёд и, оттирая нас от Древа, прижал правую руку к отпечатку. Запоздалое «какого чёрта?» разбилось о его спину. Метроном принялся отбивать секунды в голове.

— Я так и думал. — Жорж оторвал руку и, достав платок, протёр её. — А оно тёплое. Как изнутри. Ты обращал внимание?

Я покачал головой.

Людмила, не говоря ни слова, заняла место у Древа и с опаской приложила руку. Закрыла глаза. По напряжённому лицу было видно, что она сосредоточилась. Но если не считать того, что так и не изменившийся отросток чуть-чуть сильнее заколебался, ни о какой реакции не могло идти и речи.

— Будешь пробовать? — оторвав ладонь, спросила она у меня.

— Да чого його пробовать, сало — як сало, — неуклюже отговорился я старым анекдотом и повторил попытку.

За исключением того, что отпечаток казался теплее остальной поверхности Древа, никаких аномалий я не ощутил.

— Алия? — разом сказали мы с Жоржем.

— Поднять бы её, — пробормотала Людмила. — Высоковато.

— Кто ж ожидал, — нервно огрызнулся я. — Гриш, поможешь на меня перевалить? Чтобы между нами была.

Врач кивнул. Пощупал пульс на руке. Приложил пальцы к шее. Вопросительно посмотрел на целительницу. Она вздрогнула и отрицательно покачала головой. Я её не осуждал.

— Я слева. Ты же будешь её рукой управлять? — спросил врач.

Я не ответил, только подошёл с нужной стороны.

Жорж сам наговорил в камеру о начале третьего эксперимента и об условиях проведения. На результатах споткнулся. Но сформулировал и положительный исход, и промежуточный, и отрицательный. Наверное, я был ему благодарен.

Приподняв Алию, мы усадили её, сами присели рядом. Забросили руки на плечи и попытались встать. К счастью, Людмила помогла нам, подталкивая магичку сначала за талию, потом за ягодицы. Плохо было то, что девушка между нами то и дело пыталась сползти, и сделать шаг к Древу оказалось почти невыполнимой задачей.

Целительница переставляла Алии ноги, и мы смогли справиться, не волоча нашу подопечную.

Наконец мы встали так, чтобы можно было и дотянуться до ствола, и вовремя оторвать руку. Жорж отсчитал: «Три. Два. Один…» — и я со словом «контакт» прижал ладонь Алии к Древу.

Гром не грянул. Небеса не разверзлись. Тишина и покой. Даже отросток не шевелился.

Выждав ещё несколько секунд, я отпустил руку.

— Эксперимент завершён без видимого результата. Алексей, Людмила — ваши ощущения?

— Без изменений.

Я подтвердил кивком.

— Что дальше, Алексей?

Я вздохнул, прижал ладонь к отпечатку. Схватился левой рукой за шею Алии. Открыл ей себя.

Где-то рядом раздался волчий вой. Может быть, в моей голове.

Добыча. Где? Нос не чувствует следов. Где-то там. Далеко. Нет понимания. Есть песня. Песня-вызов. Песня-обещание.

Добыча. Зов. Вызов. Песня, в которой есть всё. Еда. Самки. Безопасность.

Самки. Рядом. Зачем? Для них своя песня?

Страх. Чужой. Разлит вокруг. Много. Еды нет. Будет. Страх победит.

Песнь не слышна. Была тут. Вонь. Человек. Злой. Смерть. В Песни была смерть. Больше добычи. Дольше хватит.

Она. Смерть. Не чужая — своя. Уйти? Песнь. Держит. Не пускает.

Она. Смерть. Медлит. Боится.

Она. Смерть. Смерть. Смерть.

Уйти. Неважно куда. В Песнь. Укрыться в ней. Стать частью.

Унести смерть. Нельзя оставлять. Нельзя оставаться.

Впереди… Что впереди… Ничего… Лучше смерти…

Добыча. Схватить. Моё. Нет. Чужак. Злой. Пахнет виной. Гонит. Добыча. Не моя. Вперёд. Вперёд. Подальше от смерти…

Где-то рвут добычу. Страшно свернуть. Чужак гонит. Там. Потом. Возьму своё. Нет. Не-е-ет! Нет…

Пустота.

Чужая рука на шее. Держит. Тянет. Валит на землю. Падаю. Голова на мягкое.

Чей-то стон. Толчок. Земля. Жёсткая. Боль.

Руки. По щекам. Боль.

«Алексей!»

Кто?

Смерть. Нет. Пахнет. Страх. Другой.

«Алексей!..»

Боль. Щёки. Поймать. Укусить.

Рука. Лоб. Почему рука? Чья?

«Уносите!»
Запах. Чужой. Грязный.
«Не трогать! Он мёртв!»
Кто? Смерть не догнала. Ушли.
«Черту!»
Воняет. Как тогда. Пламя.
Пламя? Огонь? Где я?
«Алексей! Сколько пальцев?!»
Пальцы. Один. Два. Три.
— Три.
«На дворе — трава. На траве… Что?!»
Двор? Что это? Трава. Дрова.
— Дрова.
«Хрень какая-то».
Хрень? Не чувствую. Не осязаю. Не слышу. Понимаю… Понимаю?
Мать вашу. Что за бред?
Чихаю. Верчу головой.

Глава 9. Май 2018. Республика Калмыкия.

День третий.

Меня волокли за подмышки. Ноги стучали по бугристой земле. В носу стоял едкий запах горючей смеси, а перед глазами двумя короткими стенками плясали языки пламени. За ними в прорехах виднелся кокон из тонких корней.

Раздался рёв пламени, и впереди выросли ещё две огненные черты.

— Не трать горючее. — Смутно знакомый голос с командными нотами донёсся сзади. — Мы уже обозначили намерения.

— Вас понял. — Молодой голос сбоку.

— Посмотри, что с майором, он в норме?

Майор? Я — майор. Я в норме?

Согнул ноги, преодолевая сопротивление земли. Те, кто меня тащил, остановились. Помогли подняться. Подхватили, когда качнулся.

Около Древа торчало несколько — в глазах двоилось — отростков. Слегка покачиваясь, они будто провожали нас. Три огненных полосы скорее обозначали границу, чем реально могли бы чему-то воспрепятствовать. А если учитывать, что корневая система почти повторяет крону по размеру, то Древу ничто не помешало бы выпустить лозу и за этой помехой.

Крона… Я помнил её с другим размером, а сейчас она уже накрывала оборудование, мимо которого мы проходили на пути туда. Вот как…

Я встряхнулся, повернулся назад. Быстро посчитал людей. Алия, четверо с брезентом. Огнемётчик слева. Справа нет? Точно, стоит сзади вместе с Жоржем. Чуть дальше Людмила, перевязывает ногу ещё одному мужчине.

Григорий?.. Григорий.

— Насмотрелся? — В голосе Жоржа читались и злость, и тоска, и странное удовлетворение.

— Чересчур.

— Идём. Разговоры будем разговаривать. Центр подключим. Сдаётся мне, всем будет, что сказать.

Я махнул рукой на оплетённое тело.

— Он… сразу умер?

Администратор кивнул. Он явно хотел что-то сказать, пытался выдавить слова, но только молча махнул рукой, указующей в сторону Древа. Будто стряхивал что-то с неё на землю.

— Пойдём, майор.

Я обернулся. Мне показалось, что крона сдвинулась в нашу сторону на дюжину-другую сантиметров. Прошёл мимо Людмилы, снизу вверх посмотревшей на меня пустым взглядом. Догнал Жоржа.

— Я…

— Я знаю. Никто не хотел. Само нагадилося. — Сарказм в его голосе казался скисшим и перепревшим. — Прекращай уже — взрослый мужик. Мы все тут под смертью ходим, а будет надо — и к ней поднимемся.

Палатка Жоржа оказалась небольшой. Но персональной. И рабочей. Стол, ноутбук, металлические ящики для бумаг, два раскладных стула и армейская кровать с пружинами. Очень даже ничего бы, но туши волков уже начали попахивать, и вонь растекалась по лагерю, не миновав и «штаб».

Я предложил задёрнуть полог, но так стало ещё хуже. Мы уставились друг на друга.

— Только не говори, что ты хочешь их Древу отдать?

— Мне сдаётся, что сейчас оно возражать не станет. Сейчас побросать в «Урал», подъехать и сверху в четыре руки в раскачку через «границу».

— И зачем они ему? — Жорж задумчиво теребил пуговицу.

— А зачем первые жертвы? А Григорий?

— Строительный материал?

— Типа того. — Я задумался, пытаясь наложить одно на другое, но оно даже в голове получалось плохо, не говоря о формулировках вслух.

— Твоих броненосцев можно привлечь? Всё же какая-никакая защита.

Стешин согласился. Восторга, конечно, не испытал — запросил поддержку огнемётчиков, но не торгуясь, сразу начал отдавать команды бойцам. Те, будто и не было тяжёлой брони, принялись снимать полог и демонтировать каркас под ним.

— Оборудование ещё бы передвинуть. — Будто ни к кому не обращаясь, проговорил Жорж.

Я запретил пересекать границу кроны. Кроме того, потребовал внимательно следить за её ростом и отгонять машину, оставляя минимум метр. Стешин подтвердил полученный приказ и, уходя, погладил горжет брони растопыренной ладонью.

— Как умер врач?

Вместо ответа Жорж вынул из кармана и протянул мне смартфон.

Я зашёл в галерею, выбрал последний файл. Прослушал условия, посмотрел, как мы неуклюже пытались дотащить Алию. Первая попытка с её рукой. И вторая. Где я позволил магичке раскрыться.

Вот моё лицо начинает искажаться, формируя маску мрачной решимости, а ладонь, касающаяся шеи девушки, практически обнимает её. Вот Григорий вздрагивает и припадает— будто на него обрушиваются чужие эмоции. Он замирает в… восторге? Вот Алия высвобождает то, что заперто в ней, на миг открыв глаза.

В следующих кадрах лицо врача искажается от ужаса. Моё напряжение в борьбе с потоком на этом фоне выглядит блёклым, как и удивление?.. магички. Когда только она успела очнуться? Затем лицо Григория замирает маской, в которой нет ни крупицы жизни, Алия беззвучно кричит всем своим естеством, а меня начинает трясти, как в лихорадочном припадке.

Врач стоит ещё одну или две секунды, и складывается смешным и страшным манекеном, обрушиваясь вертикально вниз. Волосы девушки-сенсора встают дыбом — то ли ужас, то ли электризация, глаза превращаются в чёрные провалы, она вцепляется в мою левую ладонь обеими руками. А я в это время упираюсь в ствол, будто пытаясь втолкнуть в него что-то, что не хочет уходить из меня.

Последние три секунды гораздо более странные. Алия пытается обнять меня, но стекает мне под ноги, не выпуская, впрочем, ладонь из своих рук. Я сползаю по стволу, лицо меняется как маска Протея. Я даже не знал, что могу корчить такие рожи. В последний момент я улыбаюсь и пытаюсь лизнуть лицо магички, но падаю на бок.

Смартфон лёг на стол как жук-вонючка. Большой жук. И очень вонючий.

— Ты что-то понял? — В голосе Жоржа можно было бы заподозрить участие, но мне казалось, что под первым слоем есть и второй — академическое любопытство, жажда перестать быть статистом.

— И да, и нет. Я ощущал себя волком… да, именно волком. Я бежал сначала туда, где много еды, есть самки, туда, куда зовёт Песнь. — Я скрипнул зубами. — А затем… затем в меня начало вползать ощущение обмана, предательства. Страх, чужие смерти… И я видел Алию чужими глазами. Видел её как неминуемую погибель.

— Песнь? — Его глаза загорелись.

— Песнь, — подтвердил я. — И мне кажется, что мы представляем, кто её «спел».

Жорж взял меня за руку.

— Не спеши. Ты можешь управлять своим фамильяром?

— Он не фамильяр. Он является частью меня. Или я — часть его. Или даже мы оба часть чего-то общего. — Эта мысль родилась в голове спонтанно, заставив посмотреть на наши взаимоотношения с другого бока. — Я не управляю им, только «прошу». А он не управляет мной.

— Угу. Ну и Алия, судя по всему, не просто так руками размахивала. — Он о чём-то задумался.

— Дорогой ценой знание даётся.

— Не тошни в душу, Алексей. Лучше подумай, постфактум можем оценить происходящее? Понять, как бы изнутри, что происходило в тот момент?

— Это как понять постфактум, что происходило с гранатой с выдернутой чекой. Да, я теперь понимаю, что Гришу зацепило, когда Алия раскрылась. Да, теперь я понимаю, что девочку должен был держать только я. Но… кто мог знать. Я рассчитывал, что поток через меня сразу в Древо уйдёт.

— Прям рассчитывал? — Жорж хмыкнул.

— Где-то на краю сознания. Если бы были сомнения…

— Теперь есть.

Я хотел было ударить по столу, но сдержался, только сжал кулаки. Так, что ногти вонзились в кожу. Но Григория это не вернёт. И чабанов тоже.

— Нам нужно здесь больше людей. В первую очередь — магов. Я не могу всё в голове в одну каску удерживать. — Вспомнил слова Мари-Хелен. — Слишком тороплюсь найти решение и играю за обе стороны сразу. Кто-то должен меня удерживать и компенсировать. Как пружина, понимаешь?

— Я переговорю с Тюриным. Думаю, что мы вышли за пределы стандартного: «Принеси жертву и спи спокойно».

— Спасибо. Я схожу к Древу. Не могу сейчас людям в глаза…

Он кивнул, не спуская с меня глаз.

Когда я покидал лагерь, в машину забрасывали туши. Люди подходили, пугались запаха, отступали.

Сейчас я смотрел на землю с тремя тёмными полосами, отдающими запахом палёного. Нос воспринимал происходящее уже без прежней резкости, но в памяти всплывали образы, накладываясь один на другой. Я посмотрел на ветви Древа. Они поднялись примерно на полметра, ствол тоже подрос, но отпечаток на нём не выглядел меньше.

Подъехал грузовик. Запах выхлопа перекрывал вонь от туш. Или она ещё не догнала нас. Огнемётчики первыми выпрыгнули из кузова и, морща носы, разошлись метра на четыре от машины. Бронированные бойцы поднялись, подхватили первую тушу за передние и задние лапы, раскачали и на счёт «три» швырнули через невидимую границу.

Кувыркаясь, тело пролетело метров пять и, упав, посунулось по горелому пятну. Один из длинных отростков упал на него. Мы молчали, считая секунды и наблюдая за лозой. Вот из неё показались шипы. Вот они явно проткнули шкуру. Вот передний край начал удлиняться, обволакивая мёртвого волка. Понадобилось чуть больше полутора минут, чтобы сплёлся кокон.

Вокруг Древа торчали четыре свободных отростка.

— Вторая пошла. Третья пошла...

Вскоре они все уже были заняты. Мы не заметили, чтобы ветви удлинились, но то ли мне показалось, то ли ствол действительно начал утолщаться. Во всяком случае, непонятный треск слышал не я один.

— Бросаем шестую.

Туша упала между третьей и четвёртой, и лозы от двух коконов потянулись к ней почти одновременно.

Седьмая и восьмая туши улетели отдельно от основной массы. Я специально попросил ребят — посмотреть, как отреагирует Древо. Из-под земли немедля появились ещё две лозы. Чуть более тонкие, чем первая шестёрка, они на ходу утолщались, лишь только шипы пронзали тела.

— Ребят, а сможете на ветки забросить?

— Да, сейчас чуть отступим.

Девятую тушу забросить не удалось, зато десятая улеглась — как там и была. Однако ничего интересного мы не увидели. Ветка к земле не пригнулась, длинный, чуть более тонкий, чем предыдущие, отросток, медленно поднялся от земли вверх, оплёл тушу и принялся утолщаться, как и предыдущие.

Оставшийся десяток тел из кузова покидали наспех, заставляя отростки набрасываться на них.

— Фу, блин. Следующую партию другие привезут, задолбались мы.

— Угу. Я пока тут побуду.

Следующий рейс привёз и Алию. Рядом с ней в кабине сидела Людмила и, обнимая, придерживала её. Я помог девушкам спуститься. Они уставились на коконы, тут и там разбросанные по земле.

— Это… волки?

— Угу.

— А где… — Девушка не договорила.

Целительница ткнула пальцем и отвернулась.

Алия обхватила меня за руку, почти повисла на ней.

— Это… это я его… убила. Я… открылась… Перестала удерживать. Они метались, рвались на волю. Не понимали, где добыча, где обещанное. Я не понимала. Слышала Песнь. Пыталась петь её им. А они не слушали меня. Или не понимали. Сами пели… но фальшиво, искажали её.

— А потом я открыл твоё убежище.

Она замотала головой.

— Не ты. Сам бы ты не смог. Я услышала, как ты стучишься… решила, что всё готово и… можно. А они рванули во все стороны. Они боялись меня. И тебя тоже. Но меня сильней. А потом они побежали мимо тебя. Туда…

Алия махнула на Древо. Простой вроде бы жест, но палец чётко указывал на янтарную пятерню.

— Оно обмануло их. Показало, где можно укрыться. А я разозлилась.

Людмила смотрела на неё расширенными глазами.

— Лёш, ты понимаешь, о чём она?

Я кивнул. Алия уткнулась мне в плечо.

— Кто я такая? Убийца, да?

— Мы тебя притащили. Я заставил тебя открыться. Ты была без сознания, а мы постучались тобой в Древо.

Из развернувшейся машины снова полетели туши, всё так же подбираемые растущими побегами.

— Мне Жорж сказал, что всех волков в лагере убила я. Это правда?

— Угу. Я не знаю, как ты это сделала. В поле мы не так много их убили. Не уверен, что их смертей тебе хватило бы.

Алия грустно скривилась.

— Да… точно… Я… я убивала их… по одному. Потом… по двое… по трое… а потом остаток… А их смерть… использовала дальше. Это так просто, если… приловчиться.

Она зажала рот руками.

Я сердито посмотрел на Людмилу, и целительница обняла Алию, прижимая к себе. Аккуратно отстранившись, я отошёл к машине и обратил внимание, что ветви нависают практически над кузовом.

— Назад! Отъезжайте! Быстро! — Я замахал руками.

Водитель завозился с зажиганием, а бойцы успели бросить следующую тушу. Появившийся отросток проигнорировал летящее тело и, упав в кузов «Урала», начал извиваться. Из-за поднятого борта было не разобрать, что происходит внутри. Огнемётчики зажгли горелки и приготовились стрелять.

Бойцы перепрыгнули борта слева и справа. Машина завелась.

— Стой! Выходи из машины.

— Вы же только что…

— Вылезай, быстрее. Мне нужно понять, что происходит. И я не хочу повредить лозу.

Парень медленно, будто опасаясь, что я передумаю, вылез из кабины, но мотор не заглушил. Я встал на подножку, опёрся на передний борт и заглянул внутрь кузова. Отросток выпустил целый пучок усиков. Те расползались по оставшимся тушам — их здесь было навалено не меньше двух десятков.

Постепенно тонкие ниточки превращались в жёсткие прутья, оплетая всю кучу. Каждое тело покрывалось утолщающимися усиками только с внешней части, хотя в свободное пространство между тушами они тоже заползали, заставляя меня поёжиться. Уж очень было похоже на зонд для гастроскопии.

Всё равно завораживало.

— Майор, вы долго ещё? Что нам делать?

— Не поджигаем. Сейчас дождёмся, пока оно покрепче оплетёт тела, затем отъедем. Должно будет стянуть.

Алия, услышав разговор, попыталась снова воспользоваться своим даром, но Людмила на правах старшей по возрасту встряхнула её и потребовала прекратить.

Я перебрался на другую подножку, открыл пассажирскую дверь и махнул водителю: давай, мол.

Парень несмело вернулся в кабину, оглянулся и переключил передачу.

— Тихонечко, для понимания, не вросло ли в пол.

Он закивал как китайский болванчик и резко вдавил педаль газа. Машина заскрипела и одним рывком преодолела метра три, а затем заглохла.

— Боец! Я не понял — какого хрена!

— Простите, товарищ майор. Я сл-лучайно т-третью перед-дачу в-воткнул.

По лицу было видно, что не случайно, но, на удивление, получилось, как надо. Вся куча вывалилась из кузова и лишь на земле разбилась на три неравные части, к которым уже сползались новые усики.

— Отходим. Сколько там ещё осталось, кстати?

— Штук сорок. На один рейс, если по уму.

— Заберите девчонок. Нечего им сейчас тут делать.

— А вы, товарищ майор?

— Мне тоже. Но кому-то надо.

Я дождался, пока машина отъедет, подошёл к куче, где побеги уже почти перестали шуршать, и погладил один из коконов. Тишина была мне ответом.

И покашливание одного из огнемётчиков.

Следующим рейсом приехал Жорж. Обошёл кучу в одну сторону. В другую. Посмотрел вверх и даже поднял руку, чтобы проверить куда доходят кончики ветвей. Затем взглянул на меня и пожал плечами.

— Заканчивай здесь и поехали обратно. Там ваше и наше начальство пред светлы очи требует минут через тридцать.

На этот раз решили не рисковать. Девиз «Бери больше — кидай дальше» не сегодня придумали, осталось только применить. Жоржу было тоже интересно, и он с жадностью смотрел на бросающиеся к телу отростки, на то, как резко они оплетают их и на то, как реагирует Древо на необходимость обработать тушу, упавшую между коконами.

Однако, кроме удовлетворения праздного любопытства, практического результата не было.

— Как у него с голодом?

Вопрос мог бы застать меня врасплох, но я уже давно прислушивался к тому, что происходит вокруг.

— Урчит, довольное. Причём, не просто отступило или затихло — скорее обожралось. Но, подозреваю, сейчас это всё пустит в рост и опять начнёт голодать.

— Не заснёт? — Жорж требовательно смотрел на меня, будто именно я составляю расписание на день.

— Боюсь, нет. Мы не то что удовлетворили его. Мы его разбудили, закормили до перехвата дыхания…

— И оно теперь будет ждать того же самого, только в большем объёме?

— Угу. А если не дадим…

— Возьмёт само, — закончил он за меня.

— Мерлин об этом и говорил.

На конференцию мы успели. Правда, подключились почти последними, но, главное, не опоздали.

Открывал совещание директор ФСБ.

— Здравствуйте, товарищи. Во-первых, прошу передать мои искренние соболезнования родным и близким погибших. И я очень надеюсь, что вы сможете найти возможность сделать это лично. — Он, казалось, просто посмотрел в камеру, а я ощутил на себе его взгляд.

Мнительность, наверное.

— Во-вторых, но можно считать «во-первых», коллеги из СВР1[1] фиксируют сосредоточение и форсированное дооснащение двух авианесущих группировок. Финансирование перспективных проектов критически сокращено в угоду скорейшей подготовке двух флотов. Помимо этого, в рамках постоянно проводимых учений НАТО производится фактическое боевое слаживание, направленное на взаимодействие армий, имеющих разные стандарты вооружений, что может свидетельствовать о подготовке к наземному вторжению. К настоящему моменту мы привыкли к наличию Завесы, однако, полагаем, что после достижения Древом заданного размера она падёт. И противник, по нашим оценкам, знает контрольные точки или же конкретные сроки.

— В-третьих, выражаю отдельную благодарность за проведённую коллегами операцию. Подробности — шифрограммой, однако, должен обратить внимание, что полученный результат превзошёл все ожидания.

— В-четвёртых, свежие данные о взаимодействии с Древом дают осторожную надежду, что мы имеем шанс если и не назначить час X самостоятельно, то хотя бы сдвинуть его так, чтобы противник оказался не готов.

— Поэтому приказываю: обеспечить режим наибольшего благоприятствования в изучении Древа. Усилить исследовательские группы кадрами и средствами. Максимально полные доклады передавать не реже двух раз в сутки. Ответственными остаются ранее назначенные

[1] СВР — Служба Внешней Разведки.

должностные лица. Приоритет — чрезвычайный. Необходимые ресурсы будут предоставлены в полном объёме. Подробности — шифрограммой.

— Спасибо, товарищи. — Директор отключился.

Его заместитель, взявший слово, довольно долго «ползал» по документам, обсуждал с нами характер поведения Древа, наши выводы о том, что мы можем, что не можем, что стоило бы попробовать. На мой прямой вопрос о целевом сроке он улыбнулся.

— Товарищ майор, я, конечно, мог бы вам заявить «чем раньше, тем лучше», но это не наш метод. Тем более что даже месяц разрыва в нашей ситуации — уже превосходство. Однако я попросил бы вас прежде всего убедиться в том, что этот срок может быть соблюдён. Любым. Я подчёркиваю: любым способом.

Даже через экран меня проняло. Сидящий рядом Жорж тоже вздрогнул. Я кивнул, не разжимая рта. Собственно, от меня слов и не требовалось. Требовался результат.

— Я понимаю, что это может прозвучать цинично, но я рад, что мы друг друга поняли.

Мне было жаль, что программа не позволяла видеть всех участников. Хотелось бы посмотреть на лицо Тюрина. Хотя… Если бы сейчас тут была ещё и Мари-Хелен, то мне бы точно захотелось отключить камеру.

— Служу России, — ответил я и получил в ответ благосклонную улыбку.

— Мы тоже, майор. Мы тоже.

Затем были административные вопросы, касающиеся выделения техники, жилья, прикрепления роты спецназа и перебазирования сюда всего сибирского филиала нашего подразделения. Дробление магических сил ещё сильнее сочли бесперспективным. Нижегородская база оставалась подготовительным и научным центром, который усиливали учёными, а мы превращались в средство мгновенного реагирования.

Я надеялся, что останется время поговорить с Антоном Афанасьевичем или хотя бы Сергеем, но нужды Топоркова никого не волновали, и совещание завершилось без меня.

— Ты не суетись так, майор. Я тебе рупь за сто даю, что и Тюрин, и Коливошко не сегодня-завтра нагрянут.

Я высказал Жоржу всё, что думал, что думаю, и чем сердце успокоится, а он в ответ придавил меня опытом.

— Лучше подумай, что в шифрограммах будет такого, что объявление о подготовке к войне мы открытым текстом шарашим.

— Уже подумал, страшно, — зло буркнул я. — И чрезвычайщина эта. Помню, чем прошлая командировка закончилась.

— Если мне память не изменяет, Лёшенька. — Глаза Жоржа весело блеснули. — В прошлый раз ты невесту из Лондона привёз.

— Вот-вот. Не находите, Жорж Ларионович, что вторая — слишком много для одного майора?

На ужин снова досталась еда из ИРП. Это становилось привычным, хотя и неприятным. Хуже было отсутствие душа. Я поморщился, вспоминая «тяготы и лишения». Интересно, как там водила? Жорж сказал, что с сопровождающим отправил его отвезти пацана в ближайшую больницу. Знал бы — хоть записку Мари-Хелен отправил бы.

Задумался, о чём смог бы написать. Почти всё вымарал внутренний цензор, оставив только чувства. А может, так и надо? Зачем ей нужны эти мои рефлексии, военные тайны? Мне они тоже были — сбоку припёка, и, будь возможность, сбежал бы с ней куда подальше.

На миг отвлёкся, разжёвывая жёсткий кусок тушеного мяса.

Кому ты врёшь, Топорков? Куда ты собрался сбежать?

Тебя же тайна тянет как быка за кольцо. Возможность сунуть пальцы в розетку ни на что не променяешь.

Появился Зверь. Понуро подошёл к нам. Улёгся между мной и Алией так, чтобы никто из нас не смог дотянуться, не вставая или не падая на бок. Накрыл морду лапами. Ухо уже не было надорванным, рана на ноге не просматривалась.

Я вздохнул.

Он повторил этот вздох по-своему, хотя, конечно, ему это было не нужно.

— Гад же ты, — буркнул я ему.

Зверь повторил тяжёлый вздох.

— Иди сюда.

Он поднялся, исподлобья посмотрел на Алию и Людмилу и подошёл ко мне. Улёгся, положив голову на колени.

Я погладил его. Под рукой неожиданно запульсировало тепло. В глазах блеснули… слёзы?

Что ж, определённо вечером буду спать не один.

Глава 10. Май 2018. Республика Калмыкия.

День четвёртый.

Часов в десять лагерь накрыло радостное настроение. Прибыл караван.

Больше всего людей радовали две цистерны с водой. Не питьевая, конечно, техническая, но выкупаться было можно. Чистую одежду также привезли на всех и даже с запасом, имея в виду и Стешина с ребятами, и так и не покинувших нас десантников.

Кроме того, им достались два цинка с патронами для их оружия, пара палаток, которые позволили ребятам не тискаться с остальной охраной. И прибыли командиры: комвзвода с командиром отделения. Теперь они были не сами по себе, а составляли отдельное прикомандированное подразделение.

Я со смирением отстоял очередь на помывку и с огромным удовольствием выкупался, не экономя воду. Жорж, как и положено самому главному, сходил позже всех.

— А жизнь-то налаживается, да, Алексей?

— Я смотрю, Родина нас всех посчитала? Никого не забыла?

Он на мгновение остановился.

— Никого. Даже… Гришу учла. — Помолчали. — Идём, там нам такое «ведро компрессии» прилетело, что за весь день до дна не вычерпаем.

До самого вечера работали с документацией. На удивление, я втянулся в процесс и за день мы смогли проработать очень много всего. Начиная с составления подробного отчёта — первичный Жорж отправил ещё вчера, заканчивая разработкой планов размещения временных и базовых лагерей с учётом роста Древа и наших усилий по ускорению этого самого роста.

Дважды или трижды — всё сливалось в голове в одно сплошное «здесь и сейчас» — слышал шум вертолётов, хотя около лагеря вроде бы никто и не приземлялся. Забегали представители команды исследователей, давали отчёты о размещении оборудования, телеметрии и свежих данных. По их словам, выходило, что Древо растёт. Причём сейчас даже набирает скорость.

Они долго объясняли свои расчёты роста при «стандартном» — я поморщился, когда услышал это слово — жертвенном процессе, но промежуточным итогом было то, что размер, ожидаемый к началу второго ритуала, будет достигнут уже послезавтра. А лагерь потребуется перенести не позже чем через четыре дня.

Большое начальство было уже в курсе, более того, выводы были сделаны на Большой Земле, а наши исследователи здесь перепромеряли и пересчитывали, пытаясь найти расхождения.

— Новый лагерь уже закладывают. Быстровозводимые конструкции, генераторы, вода, еда, отходы. Следующие поделим, разнесём подальше друг от друга, чтобы каждый отвечал за свой участок патрулирования. Потом, вероятно, придётся дробить ещё сильнее.

— Отлично. Только к двум лагерям лучше сразу третий заложить — управленческий. Чуть подальше от Древа. Я бы даже вообще на колёса его поставил, чтобы в любой момент подвинуть можно было. И персонал в нём размещался не линейный, а управляющий.

Жорж улыбнулся и записал мои измышлизмы.

— Неплохо, Алексей. Мне нравится, хоть и оторвёмся от простых людей. Но почему у меня ощущение такое, что мы ерундой занимаемся? Наверное, проще было бы доставлять живность, умерщвлять тем или иным способом, и не мучиться с попытками предугадать, сколько и чего нужно.

— Знаешь. — Я попытался сгруппировать разрозненные мысли в голове. — Проблема-то не в росте Древа как такового. — Он принялся внимательно смотреть на меня, отложив ручку. — Нам ведь нужен срок падения Завесы, и желательно с точностью до часов. Нужно понима-

ние, когда к нам на голову свалится армия завоевателей из других миров. Нужна подготовка со всех сторон. Логистика.

Я продолжал бубнить, рисуя нелинейные схемы роста, считать дни, показывать ему графики и календарь. В какой-то момент Жорж поднялся, сделал шаг мне за спину и опёрся на моё плечо. Я обернулся и уставился на него. Администратор стоял, неловко улыбаясь.

— Ты молодец, Алексей. А я… наверное, стар становлюсь для таких дел. Людей туда-сюда двигать могу, деньги считать, по шее дать, если нужно. А целиком проблему охватить.

— Да не прибедняйтесь, Жорж Ларионович. Я же тоже тут так — набрасываю как лопатой, как акын, что вижу, то и пою.

— Не успокаивай старика. Нужно в отставку уже. Доведу проект и всё. Или лучше сейчас, пока оно не разрослось до невозможного…

Он ходил по палатке, сложив руки за спиной, и, казалось, даже не замечал меня. Однако я обратил внимание, что он то и дело косился на наш стол.

Сложив стопкой бумаги, я передвинул их на край стола. Поднялся, чуть не столкнувшись с Жоржем, пожал ему руку — мне снова показалось, что он не столько погружён в себя, сколько играет — и вышел в вечернюю тёплую степь. Полог палатки зашуршал, закрывая вход, но я не стал оборачиваться.

К Древу идти не хотелось. Да, оно растёт. Да, интересно бы посмотреть, что там с тушами и коконами. Но по сравнению с тем потоком сведений, что получали с приборов, моё любопытство не давали ничего полезного.

Если кто и мог бы помочь, так это Алия. Но ещё утром Людмила подтвердила свой запрет на приближение и использование дара. А в обед я даже слышал, как они спорили насчёт каких-то уколов.

Ужин сам собой превратился в междусобойчик.

Все кучковались со всеми, ходили от группы к группе. Улыбались, травили байки. Жорж сидел с сосредоточенным видом и что-то обсуждал с начальником охраны. В какой-то момент совершенно по-детски махнул рукой, указывая на меня пальцем. Улыбнулся. Его собеседник с серьёзным видом закивал, что-то записывая в блокноте.

Похоже, что хандра администратора уже прошла. Или и не начиналась.

К нам с Вадимом подошёл парень из исследовательской команды.

— Эдуард. — Он протянул руку для знакомства.

Мы по очереди пожали её, представляясь. Парень протянул мне пару листов с распечатками, и я, вытерев пальцы, отодвинул еду и принял их.

— Не секретно?

Он коротко хохотнул.

— Если тут окажется правда, я готов сжевать их на скорость. Смотри. Тут четыре модели роста. Все учитывают линейность «поставок». — Эдуард с воодушевлением тыкал пальцами в формулы. — А также рост Древа. Как в длину, так и по площади. А самое главное — в объёме.

— То есть? — Я вдруг понял, что в своих умозаключениях, которые излагал Жоржу, совершенно не подумал об объёме кроны.

— Ну, у нас же дерево, хоть и магическое. Следовательно, должно быть несколько ярусов ветвей. Которые могут расти как по конусу, так и формируя шарообразную крону. — Исследователь объяснял, как маленькому.

Мы положили листы друг рядом с другом. Мелкий шрифт, конечно, мешал, но главное было понятно. Обычный набор кубических уравнений. С разными параметрами.

Однако, реальные цифры ломали картинку. График никак не хотел совпадать с наблюдениями. И даже устойчивую корреляцию выявить не удавалось. Всё сводилось к «больше еды — быстрее рост». Но его скорость плясала даже в течение суток. Различаясь почти на порядок.

— А на солнечную или лунную активность график накладывали? Ну там, приливы и отливы? — Наверное, я выглядел смешно с этими предположениями.

— О, ещё как. — Эдуард достал ещё бумаги. — Смотри.

Мне не было понятно решительно ничего, за исключением того, что мы могли наблюдать, записывать, строить графики и гадать на кофейной гуще. Возможно, с ней получилось бы лучше.

— А предложить-то чего хочешь?

— Я думал, ты что-нибудь скажешь. Ты же маг и аналитик.

Парень держал собранные расчёты у груди. Будь у него очки, он бы выглядел точь-в-точь как Кролик из мультфильма про Винни-Пуха.

Я покачал головой.

— Понимаешь, я аналитик по прошлой жизни. А в нынешней работе я больше угадываю. И то, как показала практика — часто не то, не так и не с теми последствиями.

Он с сомнением уставился на меня.

— Но…

— Без «но». Серьёзно. Вот ты показал мне цифры и графики. А я два часа назад подобные рисовал, но совершенно прощёлкал объём и считал по площади. Понимаешь?

Вадим, молчавший всю беседу, поставил точку.

— Это фиаско, братан.

— Во! — Нужное слово было найдено. — Поэтому именно вы на острие науки. А мы так — лудим-паяем.

— И что нам делать? — спросил Эдуард с поникшим видом.

— Не знаю. Подождите следующее кормление. Начните строить посекундный график, корреляцию с тушами животных…

Исследователь задумался. Оглянулся в поисках кого-то, но не нашёл и вернулся к нам. Уронил бумаги на стол и принялся задумчиво водить автоматическим карандашом. Неожиданно грифель проколол лист и с щелчком сломался.

— О! Точно! Нужно подготовить животных, чтобы две партии поступили с одним весом. Скормить целевую группу и по ней замерить. — Глаза Эдуарда загорелись. — Потом дождаться окончания роста и повторить процесс со второй группой. На основании этого можно добиться…

Он несколько раз нервно надавил на торец карандаша, дождался, пока грифель не выдвинется на нужную длину, и принялся быстро писать на свободном месте между таблицами и графиками.

Вадим посмотрел на него, на меня.

— Все аналитики такие?

— Не. Только лучшие, — ответил я ему, и скрип по бумаге стал ещё яростней.

Эдуард, завершив работу с заметками, собрался уходить, но я махнул рукой, предлагая ему задержаться. Он уставился на меня, пальцы затеребили карандаш.

— Я тебе сейчас одну умную вещь скажу. Только ты не обижайся. — Пришёл мне на память фильм «Мимино».

Парень даже немного вжал голову в плечи. Пришлось неуклюже улыбнуться.

— Мне её один очень мудрый человек сказал. Когда я решил, что должен все дырки собой заткнуть.

Он чуть успокоился и даже расслабился.

— Ты правильно сделал, что пришёл со своими расчётами и графиками. Но ты пришёл не к тому человеку. — Эдуард вопросительно посмотрел на меня.

— Ты… вы же идею подали, показали ошибки… — Он дёрнул головой и начал перечитывать написанное.

Вадим потянулся через стол и накрыл ладонью бумаги.

— Алексей пытается тебе сказать, что не нужно в себе держать. Делись с коллегами, отправь соображения наверх. Вас тут сколько? Человек двадцать? Тридцать? Половина — техники. А на Большой Земле можно институты привлечь. Вы же и эти модели не на пальцах строили?

— Нет. Это из Москвы пришло, для уточнения. — Эдуард раскраснелся.

— Ну вот. Не бойся делать свою работу. Сможешь сделать больше — отлично. Нет — не зацикливайся.

— Но ведь нужно быстрее?!

Я привлёк его внимание.

— Сейчас нужнее — точно. А уже потом — быстро. И, главное, никому не нужно, чтобы кто-то выгорел или сломался.

— Угу. Я пойду? — Он неуклюже поднялся.

— Заходи в любое время.

Я протянул ему ладонь.

День шестой.

Вчера крутились, как белки в колесе. Лагерь всё же пришлось подвинуть. Крона Древа вымахала в два с лишним раза больше, чем рассчитывали в самых смелых прогнозах. Самое паршивое, что резкий скачок произошёл ночью, когда его вообще никто не ожидал.

Казалось бы — собрать палатки, отвезти на точку, развернуть заново. Но люди, оборудование, генераторы, сборные вышки охраны. Те самые контейнеры, для которых нужен кран и тягачи. А ещё ночью приехали трейлеры, в которых привезли три сотни овец.

И кто-то высказал мысль, что рост — это в том числе реакция на добычу.

Меня к погрузочно-разгрузочным работам приказом не привлекали, но усидеть на месте я не смог. Поэтому спать завалился без задних ног.

Утро красило нежным светом степь за неимением Кремля. Взяв на складе свою порцию сухпайка, я выбрался за пределы лагеря и наслаждался природой.

Пришла Людмила. Села рядом, съела свою порцию. Поднялась. Ушла.

Наверное, это что-то должно было означать, но я не хотел ни о чём думать. Только не сейчас.

К одиннадцати часам утра рост Древа прекратился, снова поломав все графики.

Если верить лазерному дальномеру, радиус кроны составил сто сорок семь метров с небольшим. Точнее, это было расстояние до ствола. А он вырос до трёх с половиной метров в диаметре и поднялся вверх более чем на тридцать пять. В кроне насчитали уже шесть ярусов, которые всё так же сохраняли радиальную симметрию на двенадцать лучей.

Цифры не бились вообще ни с чем. Древо представляло собой вызов нашему научному аппарату. Мол, попробуйте, царёчки природы, не обляпайтесь. Как вам?

Нам оказалось отвратительно.

Четверо огнемётчиков стояли у трейлера, подвинутого максимально близко к границе. Краном с подъехавшей машины перебросили сорокафутовый контейнер со снятыми дверьми, присобачили его как коридор для животных. На скорую руку сколотили перегородку с калиткой, чтобы выпускать или выталкивать овец по одной.

Стешинцы снова облачились в броню, взяли оружие наизготовку. Десантники отказались от предстоящей роли и сейчас в лагере ожидали транспорта на Большую Землю. Их старлей, командир взвода, битых десять минут на повышенных тонах объяснял мне, что они не мясники, что одно дело — волки, а другое — беззащитные животные.

Спасение пришло от Жоржа. Он оторвал от меня военного и заставил пойти с собой. Я не слышал, что он говорил: голоса администратор не повышал, но старлей так и не вернулся.

Люда и Алия стояли не в первых рядах, даже позади бойцов и исследователей. Я попросил их быть осторожнее, понимая, что запрещать или требовать не имею никакой возможности. Водитель сидел в кабине заведённого грузовика, готовясь сорваться с места по команде. Машины с остальными животными мы заблаговременно отогнали подальше.

Прибывший с овцами возрастной калмык забрался в трейлер. Жорж подал ему знак. Кто-то зафиксировал время: пятнадцать часов двадцать три минуты.

Овцы в машине заблеяли. Топот копыт участился. Заскрипела открывающаяся калитка. Мужской голос начал подгонять животных, и скоро по металлу контейнера послышалась дробь шагов. Блеяние раздалось на выходе, под кроной.

— Тайминг — две минуты. Животное в пределах досягаемости. Реакция отсутствует.

Смутно знакомый мужчина вёл протокол происходящего, держа диктофон и секундомер. Я вспомнил: вчера с ним оборудование таскали. Дотошный мужик, да.

Овца тем временем успокоилась и стала пощипывать траву, призывно блея. Древо оставалось безмолвным.

Я, как и два часа назад, не чувствовал ничего. То ли голода не было, то ли я что-то делаю неправильно.

Подошли девушки.

— Лёш, тут что-то сильно не так. Я не чувствую ничего. Как будто Древо ушло. Только шелест… Песнь. Но в ней новые нотки… — Алия запиналась, заглядывала в глаза и искала в них подтверждения. — И… когда машину только подогнали, было неприятное, мазнуло… Знаешь, будто на тебя кто-то смотрит, а потом резко отворачивается, когда понимает… что ты увидел.

— Алексей, не знаю, как ты, а я бы свернул лавочку. — Жорж, стоящий рядом, покачал головой.

Я подошёл к границе и принялся в бинокль высматривать лозы. За исключением инертно лежащих там, где они сформировали коконы, не было видно ничего. В одном месте показалось, что пробивается росток, но это была торчащая ветка.

— Не знаю. Я не вижу ничего такого. Овца не атакована. Пасётся. Сейчас её подстрелим, посмотрим, как Древо отреагирует на кровь.

— Я бы отменил, Алексей. Или хотя бы отогнал машину. Вернуть её всегда успеем.

— Боитесь? — с лёгкой насмешкой подначил я.

— Жизнь научила, — со сталью в голосе ответил Жорж. — Если есть сомнения в понимании неизвестного процесса — исходи из наихудшего.

Он кивнул на само Древо, и я, вспомнив Григория, поджал губы.

Алия кивнула несколько раз. Я поднял руку, привлекая внимание бойцов.

— Не стрелять до особого распоряжения.

Жорж в это время живчиком запрыгнул на подножку и скомандовал водителю отъезжать. Машина медленно отползала, обрушивая наши нагороженные стенки. Вот загрохотал откинутый борт: поднимать его, пока не демонтировали ограду и калитку, было бессмысленно. Да и потанцевать вокруг него пришлось бы изрядно. Овца, напуганная металлическим дребезжанием, поскакала в сторону Древа.

Кто-то из бойцов вскинул автомат.

— Не стрелять! Отходим.

Мы стали двигаться назад, шаря глазами по степи. Никаких изменений в происходящем не было, но никто не решался первым сказать: «Бу!» — и обрушить напряжение.

Рядом появился Зверь. Вчера я увидел его только перед сном, и то он пришёл и улёгся в ногах, даже не позволив себя обнять. Теперь же он пятился, как и мы, скаля клыки в пустоту перед собой.

Алия поморщилась.

— Лёш, посмотри направо.

Я повернул голову. Ничего необычного, степь и степь. Ни ростков, ни лозы.

— Что я должен увидеть?

— Ты вверх посмотри.

Я поднял взгляд. Край кроны справа выдавался заметно сильнее, чем участок прямо перед нами.

— Не паникуем! Замедляем шаг, собираемся у машины. Передайте по цепочке!

Мы понемногу стягивались к машине. Шестеро бойцов Стешина. Нас четверо. Восемь исследователей и четверо огнемётчиков. Водитель и калмык-чабан. Две дюжины. Опять это дурацкое совпадение.

— Надо валить. Только если кто-то запаникует, боюсь, нас отрежет.

— А если выпустить овец? — Людмила говорила негромко, но слова стучали внутри черепа.

Жорж на миг остановился.

— А самим в кузов и резко уехать?

— Ну, я думала — ложные цели, но так даже лучше.

Я посмотрел в сторону. Крона с правого бока уже ощутимо обгоняла нас и продолжала вытягиваться. При этом я совершенно не ощущал Древо. Не пустота, а ровная площадка. Зато Зверь не оставлял сомнений — что-то происходит.

Калмык, судя по всему, понял нас не сразу, пришлось прокричать отдельно команду выгонять всех животных. Он ногой выбил импровизированную ограду с калиткой и стал пугать овец. Те кружились на одном месте, пока один из баранов не отбился от группы и не соскочил на землю.

За ним потянулись остальные.

— Все внутрь. Не спешим! — скомандовал Жорж, повторяя как мантру, — не спешим, ребятушки!

Внутри осталась пара животных, гоняться за которыми было уже недосуг. Все вцепились в борта, а огнемётчики уселись на загаженный пол. Руководитель исследовательской группы подошёл к кабине, постучал по ней.

— Гони!

Лозы не успели. Они начали ломать землю — я увидел: специально стоял у борта, смотрел на землю. Ростки пробились на уровне переднего колеса. Но их скорость оказалась недостаточной, и, поднявшись, они рухнули буквально в полутора метрах позади машины.

Крона появилась над нами в те же самые секунды. Уже потом я смотрел видео, в котором ветки разрастались фракталом. Не как что-то живое, а будто реализовывали какую-то формулу.

— Не стрелять! — Жорж не дал огнемётчикам плюнуть напоследок.

Может быть, и зря. Граница прекратила гнаться за нами секунд через пять после того, как ловушка захлопнулась впустую. Машина отъехала метров на двадцать пять, остановившись после очередного постукивания по кабине.

Дребезжание откинутого борта и рёв мотора напугали овец, и те сейчас суетливо бегали, блея, друг за другом.

Недолго. Лишившись разумной добычи, Древо решило использовать то, что есть. У меня засосало под ложечкой. Алия тоже резко изменилась в лице.

Я, скорее угадывая, чем предчувствуя, выдавил:

— Сейчас.

Первое животное лоза оплела незаметно. Почти нежно. И только после третьего оборота выпустила шипы. Овца заблеяла, забившись в тенётах, а остальные бросились от неё подальше. Но из земли уже вытянулись новые побеги.

Один за другим животные оказывались в плену. Жалобные тоскливые звуки разлетались очень далеко. У меня скрежетали зубы, и пришлось сознательно разжимать челюсти.

Калмык стоял, облокотившись на борт, и, отвернувшись, плакал. Две оставшиеся овцы забились в угол, уткнувшись головами друг в друга.

Мы не сдвинулись с места, пока последняя лоза не создала кокон. Зверь смотрел вместе с нами, успокоившись с гибелью последнего животного.

Крона за это время не приблизилась к нам ни на сантиметр.

Как измерили позже, ствол утолщился вдвое, вырос на полтора десятка метров и сформировал ещё два яруса ветвей.

Идея с кофейной гущей становилась всё привлекательней.

Глава 11. Май 2018. Республика Калмыкия.

День шестой.

Через молчание и косые взгляды друг на друга доехали до нового лагеря. Хотелось и говорить, и совсем наоборот, но первым подать голос оказалось очень тяжело. Даже выпрыгнув из кузова, я не мог заставить себя заговорить.

Пришлось.

Нас ждали Тюрин и Коливошко, прилетевшие минут пятнадцать назад. Сзади несмело помахивал рукой Николай, а Маргарита уже строила снабженцев. Жизнь возвращалась на свои рельсы.

— Ну что, как покатались?

Первая же фраза после «Привет-привет» зацепила сарказмом и ехидством.

— Лучше всех, — ответил я Сергею. — Можно билеты продавать на аттракцион. А ещё лучше — две команды с разных сторон запускать, и ставки принимать.

— Всё такой же колючий, майор. Но было бы странно, да… А если серьёзно?

— Если серьёзно, то мы ничего не понимаем о том, как и чем живёт это самое Древо. Не знаем, что считать нормой, а что — нет, — ответил за меня Жорж. — Сколько и в с какой периодичностью требуется питания, а самое главное — что ему надо.

Полковник записал в блокнотик, но было очевидно, что это так — на публику. Всё, что нужно — в головах либо в шифровках.

— А маги, есть прогресс?

— Только тот, что эта пакость научилась прятать свои намерения от сенсоров. — Я подумал и добавил: — Или всегда умела.

— И как его теперь кормить?

— Ха-ха. Ха-ха! Ха-ха… Следующий вопрос. — Мне было обидно признавать отсутствие ответа.

Тюрин наблюдал за нами, как за вознёй в песочнице. Сергей периодически бросал почти незаметный взгляд, будто спрашивая: «Можно?» — но генерал не реагировал.

— А если ты не знаешь, кто должен знать?

Жорж снова взял слово.

— Не знаю, что вы хотите услышать. — Он особенно выделил слово «хотите». — Но людей в контур до того, как эта гадость даст нам гарантии, я не пущу. Хоть снимайте меня, хоть стреляйте. Это раз!

Антон Афанасьевич, очевидно, не ожидал такой вспышки, поскольку выглядел сбитым с толку, но пока не спешил прерывать Жоржа, давая ему высказаться.

— А два и три — либо строим длинные загоны и выпускаем живность, подгоняя её какой-то автоматикой, либо прокладываем рельсы, загоняем вагон хвостом вперёд и открываем его. Десант с вертолёта, думаю, вы не одобрите.

Сергей рассмеялся, но наткнулся на совершенно серьёзное лицо администратора и осёкся. После чего расхохотался уже Жорж.

— Ты смотри, всё же купился, Антон! А ты говорил, на хромой козе не объедешь. Теперь я тебе ничего не должен.

— Ладно-ладно, — примиряюще сказал генерал. — Согласен. Будем считать, что опять по нулям. Пойдём, расскажешь без протокола: что было, что будет, чем сердце успокоится. — Он поискал взглядом Звягинцеву, позвал её. — Введи пока Алексея в курс дела, расскажи, за что вам звёздочки положены.

Командиры ушли, Алия и Людмила позади меня о чём-то спорили с прибывшим Маратом. Ещё дальше, на окраине лагеря, возились с палатками смутно знакомые фигуры.

Брат и Маргарита по очереди обняли меня.

Я сдерживал слёзы как мог, но в какой-то момент схватил их обоих в охапку.

— Ну чего ты, Лёш. Ну, перестань, а?

Коля протянул мне платок, чтобы вытереть глаза.

— Не знаю. Накрыло что-то. Живём в каком-то фильме Тарковского: ничего не понятно, режиссёр в запое, техники постоянно с декорациями косячат, а срок сдачи — вчера.

— На базе — не лучше, майор. Хотя точнее — уже подполковник. Документы пришли, Тюрин прилетел не в последнюю очередь для этого. Ты, конечно, не один, мне тоже звёзды по просветам разбросали, Колька — кап-три получил. Там знатно обсыпало. Те, кто на базе остался, уже обмывают.

— Это… за Урал? За Изобель?

Она поджала губы и покачала головой.

— За всё хорошее. И за Мариуполь, и за Оренбург. Кириллу и девчонкам за самолёты-разведчики. Сергею — за планирование.

— Да ладно? Получил генерала? — Обрадовался я.

— Получил. Жену с девочками притащил на базу. Пока только на экскурсию, но, думаю, останутся. — Маргарита тяжело вздохнула. — Ладно. Томить не буду. Твоя-моя игра в контрразведку дала результаты. Кормушка и её потеря — это так, прикрытие. Реально, там целая кротовая нора. Подробностей не будет, но всё получилось — лучше некуда. А теперь — забудь. Понял? Коля уже с амнезией, и тебе придётся. Приказ подпишешь. Благоверной — ни слова. Даже во сне.

Брат, стоя рядом с дурацкой улыбкой, кивал как заводной. Звягинцева, закончив, кольнула его пальцами в бок, и он расхохотался.

— Давай, твоя очередь рассказывать. А то мы так — крошки хватаем, а понимания нет.

— Понимания тут ни у кого нет, — буркнул я и принялся объяснять диспозицию.

По очереди к нам подходили маги: помимо Марата, прибыли Егор и незнакомый мне парень азиатской внешности, которого представили Ином. У него тоже была специализация — сенсорика, но основной упор он делал на обнаружение магов.

Говорили мы долго. Но примерно с начала второй трети беседы Алия забрала слово и практически превратила встречу в своеобразный урок для отца и Ина. Но Песнь они не слышали. Древо во всём его величии видела только сама магичка.

— Погано, — подвёл итог Николай. — Получается, что мы тут все — набор уникумов, которые даже друг друга не могут ни проверить, ни подстраховать.

Маргарита, сидя с ним на одном ящике, прижалась к моему брату посильнее. В глазах затаилась грусть.

— Может, ещё к кромке Древа съездите, посмотрите, «пощупаете», ещё найдёте в себе скрытые резервы?

— Хорошо бы, — отозвался Марат. — Но если сейчас ни гу-гу, то и потом, думаю, тоже.

Ин не вмешивался в разговор, ему по виду было всего около двадцати лет, и, похоже, он просто стеснялся. Ему помогла Звягинцева, запросив картину магического фона и поинтересовавшись наличием «незадекларированных» колдунов.

Парень закрыл глаза, покрутил головой, останавливаясь на каждом из нас, а затем качнул головой в сторону Древа.

— Очень сильный пользователь магии. В него прямо потоком энергия льётся. Ты видела, Алия?

Алия видела. Она вчера вечером за ужином рисовала контуры вихря, который танцевал вокруг Древа. Причём, по её словам, конфигурация не была статичной.

Об этом вспомнила Людмила, и уже через минуту все трое сенсоров обсуждали возможность предсказания поведения Древа по характеру потока.

Мы снова оказались не у дел.

— Как там Настя, Толик?

Николай нахмурился.

— Наська ревнует меня к Маргарите. Приехала, надулась как мышь на крупу. Хотя саму от Артёма палкой не отгонишь. — Брат помолчал. — Толик… не знаю. К Якову прикипел — не оторвать. С одной стороны — хорошо, работа, жизненная позиция очень близкая. С другой — женского тепла ему не хватает. А мать он так и не простил.

Я повернулся к Маргарите, но она опередила меня.

— А я боюсь, Лёш. Понимаешь? Боюсь. И умом вижу, а как подумаю — руки трусятся. Ну представь сам, а?

Я представлял слишком хорошо.

Новые погоны нам раздали перед строем. Странновато, конечно, получилось: привезти людей, чтобы зачитать приказ и продемонстрировать, как их ценит командование. Однако, выслушав аплодисменты и троекратное «ура», я вышел из церемонии награждения настоящим подполковником.

Само стремительное повышение — за год сразу два звания —меня не беспокоило, к тридцати трём годам и в полиции многие успевали сделать карьеру без особой суеты, но всё равно меня не покидало ощущение некоторой неправильности.

Алкоголя в лагере не было, а без обмывания звёздочки не считались настоящими, но оказалось, что отцы-командиры озаботились несколькими ящиками шампанского. Ужин прошёл, как говорят дипломаты, в тёплой дружественной обстановке.

Около восьми часов собрались впятером у костра за пределами лагеря. Жорж выделил охрану, которая заняла места поодаль, контролируя обстановку метрах в пятидесяти от нас.

— Алексей, Маргарита. — Тюрин устало улыбнулся. — Ещё раз поздравляю. Благоглупостей говорить не стану. К делу. Фельдъегеря заняты, поэтому шифрограмму дам почитать вам я.

Он протянул документ. Чего-то подобного я ожидал — вряд ли командование говорило бы о войне, не имея железобетонных оснований. Однако одно дело — покрутить мысли в голове, другое — увидеть номерной документ.

Что хуже всего, предполагалась возможность внутреннего сопротивления, которое становилось задачей ФСБ номер ноль. Нашей же задачей, помимо работы с Древом, будет работа приманкой для оставшихся драйверов и засланных магов противника, вызывая огонь на себя. Именно для этого в лагерь и прибыли сенсоры, а по новостям через пару-тройку дней начнутся репортажи.

— А база? Не оголяем ли?

— Нет, — ответил Сергей. — У нас остаётся Вера и… Изобель.

— Вы ей верите?

— Приходится. Ты не в курсе, но благодаря ей накрыли укрытие с двумя кукловодами и десятком нулей. При этом их покрывали местные полицейские.

Маргарита кивнула, подтверждая его слова. Она добавила, что полного доверия нет, всё проверяют через Веру, держат состояние девочки под контролем, не допуская перегрузки. Пока на базе всё нормально.

— Но ненормально будет здесь?

— Лёш, мы не знаем. Но Древо противник из зоны внимания упустить не должен. Ты бы пустил такое на самотёк?

Пришлось согласиться. Хотя у меня и было множество вопросов. Начиная с того, как противник планирует подобраться по открытой степи, и заканчивая тем, что при задействовании мозголомов мы можем получить и ракетную атаку.

— С мозголомами пока всё, Лёш. Если новых не родится.

— Это как?

— Американцы последнюю тройку у британшей завалили. И, скорее всего, по заявке Мерлина и компании. — Сергей выглядел очень задумчивым. — И предвосхищая твой вопрос, скажу: нет, это не игра.

Я присвистнул.

— И англичане стерпели?

— Угу. Но нам об этом всём знать не положено. Поэтому делаем вид, что боимся, демонстративно проверяем негаторами всех, кто идёт на Совбез и к президенту. Даже иностранных журналистов.

— Ладно. А вот тут концерт с погонами зачем был? Не лучше ли без торжественной части…

— Не лучше, — перебил меня Антон Афанасьевич. — Тут есть пара-тройка человек, которых обходили в должностях и званиях. Целенаправленно. — Он жёстко посмотрел на меня. — И есть подозрение как минимум в одном человеке, работающем на крота. Понятно?

Я попытался взбрыкнуть, напомнив генералам про то, как меня поимели втёмную, но их не проняло. Сергей ткнул меня носом в разницу между тогда и сейчас, а Тюрин дал понять, что человек пока считается условно своим: он может считать, что участвует в закрытой операции. И именно от его поведения будет зависеть, поймём ли мы тонкости и детали, или придётся прекращать самодеятельность.

— Так ты за этим здесь? — спросил я у Маргариты.

— Да. Буду исполнять роль злой интендантши-карьеристки, которая поднялась на сжирании тупеньких коллег.

— М-да. Так что, и погоны у нас «надувные»? Для прикрытия?

— Алексей, угомонись. У всех — настоящие. И персонально тебе. Мари-Хелен давали отпуск на несколько дней. Она с Магдой, пока тебя нет, к родителям летала. Магда с ними остаётся, а младлей твоя послезавтра будет здесь.

— Спасибо, Антон Афанасьевич.

— Служу России. — Его глаза блеснули в свете костра.

Засиделись почти до полуночи. Патруль сменялся. Как стемнело, в него включили Ина и Марата. Долго обсуждали всё, что происходило рядом с Древом, и то, что мы делали. Тюрин подтвердил слова Изобель, что Мерлин пообещал переброску порядка тридцати миллионов человек, однако оставалось непонятным сколько среди них будет магов и смогут ли они перебросить сразу всех.

— О канале лучше не спрашивать, я так понимаю?

— О каком канале, Алексей?

— Да, сонный уже. А мы не знаем, Изобель нам подсунули не в виде замедленной бомбы?

— Знаем. Именно в виде. Более того, она об этом тоже знает и сознательно отказалась работать по сценарию. — Маргарита развела руками. — У нас, конечно, мозголомов нет, но кое-что умеем. Пригодилось. И даже выявили спецблок, который должен был сработать, если она за две недели задачу не выполнит.

— Ей сказали?

— Я согласовал. Сергей сказал, — ответил генерал.

— Спасибо.

— Погоди. Не пожалеть бы. — Тюрин отвернулся от костра.

Командиры улетели ночью. Большая, развёрнутая на краю лагеря палатка на дюжину человек приняла и меня, как родного. Николай ещё не спал — читал при затенённом фонаре и, увидев нас с Маргаритой, тепло улыбнулся. Я выбрал пустой спальник и почти мгновенно уснул.

День седьмой.

Утром я собрал всех наших, в том числе Стешина с бойцами, и кратенько набросал доступную диспозицию в части возможного нападения. Ин пообещал поделиться своим способом поиска магов с Алией и Маратом, Алия же задумалась и намекнула, что постарается разобраться с Песнью, потому что ей кажется, что она устроена гораздо сложнее и может помочь в этом вопросе.

Скрепя сердце, я одобрил взаимодействие с Древом, хотя меня не покидала мысль, что для магички она превращается в идею фикс.

После завтрака уже Жорж собрал старших, и мы свалились в мозговой штурм на тему работы с Древом. Умного ничего не придумали и даже, как мне показалось, откатились обратно, забраковав идеи об автоматизированной доставке животных.

— А что мы, собственно, теряем? — Жорж всё-таки вернулся к вопросу. — У нас есть три трейлера. Две с лишним сотни животных. Машины жалко, конечно, но это всего лишь машины. Включаем заднюю, кирпич на газ, водитель в аут. Глушим на дистанции — маги у нас появились, срываем крепления заднего борта. Живность разбегается, её жрут. Люди в безопасности.

— И чем это от твоего коридора отличается? — Начальник охраны скептически смотрел на схему. — По мне, так проще сколотить ограждение по-быстрому, лишь бы стояло, краном подтянуть и кинуть, чтобы хоть немного край под проекцию кроны заходил. Рядом ещё две-три таких поставили, метров на двадцать-тридцать, открыли борт, сгрузили скот и погнали издали. И машина цела, и подходить никому не надо, чтобы глушить её или борт открывать.

Они оба посмотрели на меня, как на последнюю инстанцию.

— Можем и так, и так попробовать. А если не получится, будем ещё что-нибудь кроить.

С досками в лагере была напряжёнка. Жорж заказал машину на будущее, но, когда ещё прибудет? Поэтому начальник охраны решил отдать пару вышек, точнее, арматуру, из которой их собирали.

Николай прихватывал элементы друг к другу не хуже электросварки, превращая трубы и уголки в подобие заборчика. Их обвязывали брезентом, чтобы закрыть дыры, не тратя драгоценный металл, и за четыре часа смонтировали четыре борта длиной по пятнадцать метров.

Поднять каждый целиком, конечно, было нереально, поэтому привлекли кран, благо вылета стрелы хватило для работы. Кое-как установили, но мне что-то не давало покоя. Я пошептался с Жоржем, и тот отправился с Маргаритой согласовывать изъятие ещё одного контейнера.

Не знаю, чего им стоило уломать начальника научного блока, но к половине пятого наколхозили целую трассу.

Древо ожидаемо молчало. Брат обратил внимание, что не слышно даже шелеста листвы, будто ветер старательно обходит крону. Подъехала первая машина. Медленно стала сдавать задом.

— Стой!

Между кузовом и контейнером поставили оградку. Двое бойцов запрыгнули и принялись сворачивать задвижки. Голодные овцы метались в кузове, а от их блеяния начала ныть голова. Калмык вчера уехал, забрав пару овец, и сейчас кому-то нужно было выгнать животных из кузова.

— Ха, народ, смотрите. Прям как пастушья овчарка.

Я сам не видел, но судя по восторгу коллег, Зверь запрыгнул в кузов и, собрав овец в поток, выводил его наружу.

— Давай-давай, парень! Гони их. У-у-у-у, нагадили за ночь!

По коридору овцы прошли почти до границы и… остановились. Зверь посмотрел на меня, увидел кивок и глухо завыл, заставив своих подопечных рвануть вперёд.

Алия тронула меня за руку.

— Сегодня Песнь тихая, спокойная. Не как вчера. И не как в тот день. Оно… оно, похоже, сегодня не будет жрать.

— Тогда мы выгоним всех овец под крону, и пусть пасутся. А за периметр им не даст Зверь пройти. Пусть отрабатывает свой промах.

Я не заметил, когда Зверь сорвался с места, но тычок дымной мордой в овцу, которая попыталась найти траву позеленее, я разглядел. Алия, похоже, тоже. Когда Зверь вернулся к нам, она погладила его по голове.

— Вот так. Молодец. А ты не ругайся! — Она погрозила мне пальцем.

Подошла вторая машина, и разгрузка повторилась по той же схеме. Ни накладок, ни ошибок.

— Не расслабляться! — закричал начальник охраны, когда стали сбивать заклинившие засовы.

Он ходил взад-вперёд около коридора, мечась не хуже пресловутой овчарки.

Загремел, падая, задний борт; по бокам притулили короткие оградки. Побежали, тарахтя копытами, овцы. Я считал секунды до того, как они пересекут периметр Древа, но ничего не произошло. Ребята положили руки на автоматы, а я приготовился сформировать косу.

Зверь мелькнул последний раз, провожая овец, и успел ещё появиться в паре мест, отгоняя их обратно под крону. Кто-то позвал крановщика, отдыхавшего в стороне, и через несколько минут застропили и контейнер, и направляющие.

Несколько человек, нарушая технику безопасности, без касок и инструктажа схватились за стропы и пытались удержать подвешенные конструкции от раскачивания. Получалось неплохо, но внутренний голос протестовал.

А внешний, в лице Жоржа, пообещал устроить участникам казнь египетскую. Вскоре прилетел тягач, на который и закинули инвентарь, запрыгнули кто куда и двинули в лагерь.

— Каждый раз бы так, да, Лёш?

Я в ответ ткнул пальцем в сторону лагеря. С запада на него наползали тяжёлые тучи.

— Я смотрел прогноз. Мимо пройдёт. Южнее. — Не согласился он.

Кто-то хмыкнул, что у него колено ноет так, что ни разу не южнее. В подтверждение его слов грянуло сразу, как только мы прибыли в лагерь. Даже до палатки не успели добежать.

Промокли почти мгновенно. И, раз пошла такая пьянка, я отправил брата, Алию и Люду быстрее внутрь, а сам зашёл за едой. Набрав на всех, вышел со склада и услышал откуда-то сбоку:

— И жрать в три горла…

Искать говорившего я не стал, пришёл «домой» и обнаружил, что Маргарита уже набрала продуктов на всех. Реплика становилась понятнее, однако оттого не менее гадкой.

Отгородив закуток и дав возможность девушкам снять мокрую одежду, мы перекусили и принялись раздеваться самостоятельно. Развешивать её было особо негде, и завтрашний день обещал стать томным.

Когда почти все уснули, я попросил Марата, лежащего рядом, «вслушаться» в лагерь, чтобы поискать всплески негативных эмоций, но он, помедитировав минут десять по моим внутренним часам, шепнул, что ничего не чувствует.

С тем и уснули.

Глава 12. Май 2018. Республика Калмыкия.

День восьмой.

Утром дождь продолжил висеть мелкой противной моросью, понизив температуру на несколько градусов. Радовало только отсутствие ветра.

И прибытие ещё одного каравана. На этот раз от министерства обороны. Привезённая одежда и развёрнутая полевая кухня воспринимались практически гуманитарной помощью, хотя понятно, что воякам знать наши размеры было неоткуда.

Среди мелькавших тут и там подполковничьих погон я отловил одного железнодорожника, и мы без чинов обсудили идею Жоржа. На удивление, разговор затянулся. Он, заинтересовавшись темой, поймал бойца и отправил за каким-то капитаном, который смог добавить конкретики в беседу.

Несмотря на то, что в самих железных дорогах я разбирался только на уровне отличий купе от СВ, погружение в тему оказалось плавным и где-то интересным. Тем более что я выступал консультантом на тему того, чего опасаться и каких подводных камней можно ожидать.

Жоржа поймали в перерыве между беседами и кратенько изложили, насколько осуществимы его идеи о своей игрушечной железной дороге. Он рассеянно попросил меня, раз уж я ввязался, записать тезисы, имена, звания и прочую бумажную ерунду, которая потом будет нужна как никогда.

Получалась быстровозводимая узкоколейка с мотодрезинами, облегчёнными платформами и таким же лёгким вагоном. Линию не требовалось соединять с какими-то существующими путями. Запас путей для отвода поезда и маневровые пути для добавления или удаления платформ при необходимости. Сам состав можно было делать хоть в половину километра — тут капитан почесал макушку — если, конечно, дрезину на небольшой тягач поменять.

В общем, техническую записку набросали ещё до обеда.

С теплотой распрощавшись с железнодорожниками, я попал под пресс армейцев, которым срочно были нужны параметры магических щитов, энергетика огненного шара и вольтамперные характеристики электрической дуги. В общем, всё то, что потребуется для противостояния армии вторжения.

Тут засиделись надолго. Пришли и Стешин, и Николай с Егором. Заглядывал Ин, рассказавший в пределах допустимого о подавлении мага-электрика в Корее. Как об атаке на вертолёт, так и о «загонной охоте».

Брат добавил о возможностях накачки силой. Проверять применение электрической магии в дождь никто не рискнул, однако военные взяли с нас слово, что мы продемонстрируем это позднее. На тему же физических характеристик я предложил смотаться на базу и там посчитаться с Борисом, Родионом и привлечёнными специалистами.

Но пока хватало и того, что шар огня мог пролететь у неопытного мага на полсотни метров, щит не пробивается стандартным армейским стрелковым вооружением, а электрического удара достаточно, чтобы закоротить проводку даже в защищённой армейской технике.

Чтобы подсластить пилюлю, Стешин обратил внимание на применяемое нами вооружение. Как револьверы, так и автоматы. Стволы очень заинтересовали офицеров, но очень быстро стало понятно, что простым солдатам их не раздашь. И дело не только в дороговизне, но и в том, что это оружие спецназа. И требуют как брони, так и подготовки.

Мне здесь и сейчас не хватало Веденеева, который был именно общевойсковым офицером. У Стешина карьера сразу шла в спецназе. Но и без него нашлись те, кто быстро умел наложить одно на другое.

— Скажи, Топорков, а с чего вы вообще решили, что вы щиты противника вашей стрелковкой продавите? — молодой майор с танковыми петлицами задал резонный вопрос. — У вас же по легенде враг имеет магический опыт, несравнимый с нашим.

— Мы и не решали. Это так, костыли. Против тех, кто сейчас нам дули крутит.

Мне помог Николай. Без него я, возможно, шатнулся бы в сторону самоуничижения. Но брат слишком хорошо меня знал.

— Я тоже Топорков. И добавлю. То, что мы знаем — это так, минимум миниморум. Понимаешь? То есть, если маг на полсотни подобрался — боец умер, техника заглохла, коптер-разведчик упал.

— Да это понятно. Я про то, какие пределы вообще у этой вашей магии?

Николай сглотнул, покосился, передавая слово мне.

— А нет их. Если в мага заливать силу, то и дыру в земле на четыреста метров с радиусом в пятьдесят организовать можно, — сказал я, — и километровый шарик в горошину схлопнуть.

Майор присвистнул.

— И как бороться?

— Донести максимум энергии за единицу времени. Даже сильный щит единовременный перегруз не держит. Один заряд поглотится без потери, пять разом — схлопнется.

— То есть очередь из какой-нибудь зенитки типа «Шилки»? — Тут же прикинул он.

— Наверное, да. Не знаю. Но скорострельное что-то — однозначно. И концентрировать огонь. Так, у нас пара пацанов — фугас БМПшный держали. Хотя и на пределе сил.

Офицеры стали переглядываться. Энергетику боеприпаса представляли все.

— Вот. Это уже цифры. С этого и начинать надо. А как с подкалиберными? Кумулятивом?

— Майор, погоди. Неужели ты думаешь, что мы пятнадцатилетних пацанов на полигоне расстреливали? — Стешин ударил кулаком по столу.

— Да нет, но можно же за броневой плитой их поставить? Ну и всякое такое?

Я обдумал ситуацию, вспомнил Лёню, Славу. Их восстановление после операции под Армавиром. Понял, что не хочу их выставлять в виде мишени. Даже если за ними встанет Даша.

— Поставить можно. И плиту, и стену. Только пробитие щита дорого магу обходится.

— О! — Повеселел он. — Уже лучше. То есть, если мы, ну, например, синхронным ударом танкового взвода продавим мага, то он на какое-то время выйдет из строя, и щит сразу не восстановит?

Кто-то из присутствующих рассмеялся.

— Федя, блин. У тебя из батальона сколько народу на пять отстрелялось?..

Федя молчал.

— То-то же. А ты по ростовой мишени собрался болтами лупить. Не, мне видится: тут либо тяжёлым фугасом нужно, либо ракетой с подсветкой. — Возрастной полковник задумался и начал рассуждать вслух: — Зенитный автомат уведёт при стрельбе, ты просто не обеспечишь насыщение; одномоментная стрельба нескольких снайперов? Да ну, это же сколько стрелков нужно с тяжёлыми винтовками на одном участке фронта собрать…

— Иосиф Андреевич, — перебил его ещё один майор. — А мы САУ не хотим рассмотреть? Если враги на полкилометра магией будут шарашить, а это — в десять раз дальше, чем наши сами могут, то с километра прямой наводкой можно и попробовать.

Полковник посмотрел на говорившего, почесал пальцем лоб.

— САУ — это не танк, да. Тут можно и попробовать.

— А вы танки не списывайте, — с лёгкой обидой в голосе сказал Фёдор. — Вы не видели, какую штуку мы на полигоне испытывали.

— Давай-давай про лазеры ещё нам расскажи.

Собрание дружно грохнуло.

Танкист обиделся, демонстративно отвернувшись.

— Ну и не расскажу.

Воцарилась тишина. Её прервал чей-то неуверенный голос.

— Да ладно?

Майор хмыкнул и махнул рукой на нас.

— Они в курсе. Работы ещё, конечно, непочатый край, и рядом с пехотой использовать нельзя. Но доставка моментальная, дистанция — более чем приемлемая, а энергетика — мы офигели.

— Прям дырки делает? Не просто плавит?

Фёдор приосанился.

— Не смотрите всякую фантастику. Лазер дырки делает, когда потихоньку материал испаряет. А когда пару десятков гигаджоулей доставляет к цели, то кусок просто в пар превращает. Причём, мгновенно. Взрывом. А потом ещё и пар ионизирует, если импульс длинный…

— Ты хочешь сказать, что как «атомная пуля»? — недоверчиво переспросил полковник.

— Типа того.

— Неплохо. Согласен. И сколько их уже сделали?

Это был плохой вопрос. Очень плохой. Лучше бы ударили сапогом в пах — хуже бы не получилось.

— Один?

— Один. — Вздохнул Фёдор.

— На сто двадцать километров обороняемого рубежа. Федя, я с тебя поражаюсь. Ты, блин, умный парень, Академию закончил, но чует моя душа — не встанешь ты на батальон. Что я отцу твоему говорить буду?

Майор успел буркнуть, что нафиг ему этот батальон не сдался. И что, если хотя бы роту таких танков сформируют, он будет проситься именно туда. Потому что прогресс, потому что новизна и острие науки.

Полковник пресёк смех офицеров и предложил Фёдору сразу проситься к Тюрину. А протекцию лично он готов оказать в любой момент. У того аж глаза загорелись, но вслух он ответил только:

— Я подумаю над вашим предложением, товарищ полковник.

— Ты только не тормози, а то время спать, а мы нежрамши.

На этот раз хохот никто не останавливал.

Тот же полковник ткнул пальцем в нас.

— Скажите, а защиту можем в разумные сроки усилить? Ну там, я не знаю: броня, амулеты, обереги? Как в книжках.

— Как в книжках — это в книжки, — буркнул Стешин. — Тут ведь какая пакость. У нас есть материалы — пропитка для кевлара — они немного гасят магический эффект. Вместо того, чтобы человека спалить к чертям собачим, заряд броник поплавит. Ну ожоги, конечно, тут подкладка нужна. Вес опять же лишний. Парами сдуру надышаться можно — здоровья не прибавит. — Он мрачно усмехнулся и добавил: — Но в живых останешься. И сможешь выполнять боевую задачу. Условно.

Офицер слушал очень внимательно. Лицо служило витриной его понимания. Он переспросил некоторые моменты, немного развил мысль майора. В конце концов поморщился и подытожил.

— То есть, не можем.

Я подумал над ста двадцатью километрами обороняемых позиций и согласился.

— Не можем, товарищ полковник.

Он посмотрел, как я пытаюсь что-то ещё добавить, и спокойно добавил:

— Не менжуйся, Топорков. Тут сраный автомат на вооружение принять — к моменту поставки требования меняются, а вы за два года и опытные образцы слепили, и сами прибарахлились. — Иосиф Андреевич покрутил кистью в воздухе. — Нет, ваши соображения ценные, да и если сможем хотя бы четверть парней защитить, и танков таких хотя батальон сделать — уже прорыв. Но, думаю, один чёрт — пехота на себе всё тащить будет.

Наверное, он ждал, что я сейчас начну тащить одеяло на себя, рассказывать о нашей полезности. Но мне было не привыкать. Кувалды из нас ну никак не получится: Марина с Денисом и Дашей закроют малый участок. А мы их толком и прикрыть не сможем.

Полковник понял по-своему.

— Скажи, а вот мы тут сидим, готовимся войну объявлять. У нас шансы договориться с ними вообще есть?

— За счёт девяноста пяти процентов населения Земли? Как считаете, осилим?

— Не хотелось бы и пробовать.

— Вот и ответ, товарищ полковник.

— Ну а другие армии привлечь? Китайцев тех же. — Он задумался, зашевелил губами и сплюнул. — Гадская логистика. Ладно, Топорков. Бог не выдаст — свинья не съест.

— Я, Иосиф Андреевич, предпочитаю: «Делай, что должно…»

— Тоже неплохо. Возьмите мои визитки. Кто чего надумает — не стесняйтесь. Генштаб не кусается.

Полковник попрощался с нами и направился по своим делам. Я и другие офицеры разбирали картонки с минималистичным дизайном.

Фёдор подошёл ко мне и Николаю.

— Что там с серийным переоборудованием техники? Дело так и заглохло?

— Не знаю, честно. В курсе только того, что танк есть, и что из него стреляли. Самого применения я не видел. А те, кто им занимался — сейчас другие вопросы решают. — Я вспомнил старый разговор с Родионом. — А без них — думаю, вообще никак. Разве только получится железо на вашей стороне готовить. Но тут ты явно больше меня знаешь.

Его глаза загорелись.

— Товарищ подполковник, может, вы тогда поможете к вашему начальству обратиться? Перспективный же проект.

Я записал, чтобы не забыть. Но заранее предупредил, что гарантий никаких, несмотря на визитку.

Мокрая земля и трава с размазанной на ней грязью заставляли постоянно смотреть под ноги. Я позавидовал брату. Морской волк, его чёрта с два с ног собьёшь, а я трижды поскальзывался, прежде чем дошли до импровизированной столовой.

Не знаю, кто позаботился, но ребята под дождём умудрились разбить четыре огромные палатки, около которых стояли полевые кухни. И хотя еда была простая и непритязательная, кроме слов «Спасибо, очень вкусно», я ничего и не услышал.

Только расправившись с горячим супом и пюре с порцией кильки в томате, я понял, насколько же за эти несколько дней соскучился по нормальной пище.

— Как тебе совещание? — стуча ложкой по тарелке, спросил я брата.

— На корабле было проще, — в тон мне отозвался он. — У нас настолько всё плохо?

Я многозначительно промолчал.

— Ну а просвет какой-то?

— Из несекретного: персы, корейцы, китайцы. Кто чем сможет. Полкан не просто так про логистику сказал. Стоит азиатам показать, что они войска перебрасывают, вся секретность псу под хвост. Да и им прилететь может.

— Да кого Дракону сейчас бояться? — Николай поднял руку с вилкой. — Бхарата — всё. Японцы не дёрнутся… — Он внимательно посмотрел на меня. — Или дёрнутся?

— Спроси что-нибудь попроще, доказательство теоремы Пуанкаре, например.

— Да ладно тебе. На другие острова слетаешь, там чуток правящей династии объяснишь, чьё в пиале саке…

Брат осёкся. Его взгляд замер на моей правой руке. На стол упал кончик вилки.

Я усилием воли погасил тёмное пламя. Поднялся из-за стола.

— Будешь должен за посуду.

Он за мной не вышел.

Сенсоры с Егором нашлись у Древа. Жорж ещё утром выделил им машину. Вслед за ними своим транспортом двинулись и военные. Сложно было их не понять. Одно дело — получить задачу, другое — увидеть хотя бы часть того, что представляет из себя враг.

Я приехал туда вместе со штабными, по настоятельной просьбе Иосифа Андреевича.

— Корчевать эту дрянь, я так понимаю, бесполезно? — глядя в бинокль, обратился ко мне полковник. — И опасно?

— Владельцы объекта предупредили нас, что уничтожение грозит гибелью Земли.

Во взгляде штабиста читалось: «Такой большой, а в сказки веришь».

— Понимаете, в чём дело. Девушка и трое мужчин рядом с ней. Да-да, перед вами. Она здесь одна. — Я махнул рукой. —Так вот, она и парни могут воспринимать потоки той энергии, которой маги, собственно говоря, оперируют.

— Детекторы? — Сориентировался полковник.

— Практически. И сейчас они видят, что в Древо вливается такой поток, который мы воссоздать просто не способны.

Он наклонил голову, счищая грязь с ботинок. Я ожидал, что у него будут туфли, ан нет. Промахнулся.

— А когда оно вырастет? Потоки остановятся?

— Вы же понимаете, что инструкцию нам никто не выдаст. — Попытался пошутить я.

— Напомни, какая площадь будет под кроной?

— Если море никуда не денется, то больше тысячи двухсот квадратных километров.

— Угу. Тридцать миллионов — двадцать пять тысяч на квадрат — если это средневековая армия, то места им с головой хватит. Думаю, что если сразу распределять войска, то и больше выбросить можно. Непонятно, что им тут есть, но, думаю, этот вопрос они и без нас предусмотрели. — Полковник ходил из стороны в сторону, заложив руки за спину. — Это ещё если нас с количеством не обманули. Плохо, Топорков, очень плохо. Даже тупо ломанувшись во все стороны, они обеспечат двести пятьдесят тысяч народу на километр фронта. Под той магической защитой, что ты мне презентовал, я не представляю пока, чем их на всём пространстве останавливать. Ты же нормы батальона в обороне знаешь?

— Знаю, Иосиф Андреевич. — Я не понимал, куда он ведёт. Или не хотел понимать.

— И я знаю, Топорков. И, понимаешь, кроме тактического ядерного оружия я выхода не вижу. На своей, мать её, земле.

Полковник пнул чахоточный пучок зелени. Тот неожиданно вырвался из земли, обнажив коротенькие корни и оставив небольшую лунку. Он посмотрел на меня, прищёлкнул пальцами и присел над лункой. Не боясь испачкаться, пальцами углубил ямку, зачерпнув немного земли и сформировав стенки. Наклонил голову. «А если вот так?»

— Ров? — неуверенно предположил я.

— Ров, подполковник, им ума засыпать и перейти хватит. Тем более, ваши показывали, что там лоза умеет делать. Я думаю, можно сделать изящнее. — Он повернулся к машине. — Дима, позови Мерешко.

Полковник поднялся, сходил к УАЗу, взял упаковку с влажными салфетками и аккуратно вытер руки. Вернул их на место, убрав использованные в пакет. Пока он возвращался, пришёл Дима и седовласый подполковник с инженерными петлицами.

— Скажи мне, Пал Саныч. Вот если тебе поставить задачку ограничить возможность нападения противника узкой полосой, сконцентрировав на ней максимум своих сил. Ты что будешь делать?

— А враги будут сидеть и смотреть, как я тебе в земле ковыряюсь? — недовольно пробурчал подошедший, но в глазах вспыхнула искра интереса.

— А врагов пока нет. А когда прибудут — им придётся.

— Это ты хорошо говоришь: «Придётся». А огород городить опять Мерешко? — Он рассмеялся, видимо, вспоминая что-то известное им обоим. — Ну смотри. Колючка, надолбы, траншеи, пулемёты и прочая я даже не рассматриваю, иначе ты меня не позвал бы.

— Не позвал, — согласился Иосиф Андреевич.

— Но узкая щель тебе нужна. Да такая, чтобы мимо неё хрен пролезли.

— Не тяни уже. Я ж тебе так и обрисовал. — Полковник практически пританцовывал от нетерпения.

— Трактор тебе нужен, начальника. — Выдал Мерешко концовку старого анекдота. — А если серьёзно: сеть рукотворных каналов или озёр. Поглубже, с минированием. Дистанционным подрывом, кратно.

— Сможем?

Подполковник задумался, но было видно, что ответ он знает, ожидая чего-то иного. Может быть, дополнительных вводных, а может и признания в попытке пошутить.

— За три месяца-то? Нет, конечно. И за год.

— А если… — Полковник натуральным образом подмигнул.

— Да ну на… — Павел Александрович огляделся по сторонам. — Мораторий же! Договоры…

— Сам знаешь, в военное время и пи четырём равно.

— Не. На такой фронт подземные взрывы не успеем устроить. Само собой — с разных сторон идти. — Подполковник спотыкался на словах. Было заметно, что идея для него — вызов, но опыт говорил, что не нужно выдавать желаемое за действительное. — Контингент у нас сейчас — спецбоеприпас на картинках только видели. А рассчитать по уму такую серию подземных взрывов — даже с компьютерами чокнемся, не говоря о геологических изысканиях.

Иосиф Андреевич сорвал фуражку и треснул ею о колено. Резкий звук разлетелся по округе. Полковник сжал левую ладонь в кулак, медленно, по одному, разжал пальцы.

— А просто раскидать взрывчаткой? Пусть оно будет неглубоким — засеем минами. В середине чуть глубже для неожиданности.

— Йося, ты сам себя слышишь? Их маги воду выпарят, мины рванут, яму закидают и пройдут как Моисей через Красное море. — Мерешко, казалось, уговаривал сам себя. — Тут реально по-взрослому нужно. Рвануть под землёй, купол обрушить. Метров двести пятьдесят или триста диаметром яма получится. Только и две штуки рядом бахнуть — задача со звездочкой, а тебе четыре сотни придётся. Или пять. Да по десятку в день почти. — Он разочарованно покачал головой.

Мне показалось, что старый инженер отдал бы остаток жизни за возможность снова прикоснуться к тому великому и опасному, что когда-то сотворил человек.

— Даже не думай, — вынес он приговор.

Мы молчали. Почему-то я был уверен, что это верное направление, но изначально мысль рванула не по той дорожке. Голос полковника вернул в реальность.

— Алексей. Ты говорил про четырёхсотметровые колодцы. Это реально или так, порядок энерговооружённости показать?

Я вздрогнул. Как бы ты ни прятался, война тебя найдёт сама.

— Хуже, товарищи полковники. Это — не реальность. Это очередной проект государственной важности. Согласуйте с Тюриным визит, я вас познакомлю.

Глава 13. Май 2018. Республика Калмыкия.

День восьмой.

Мы с полковником почти сели в машину, когда моё внимание привлекла серия ярких голубовато-белых росчерков, протянувшихся от одной из фигурок около кроны. Они уходили куда-то вдаль. Мне показалось, метров на двести или больше. Я рванул к магам, на ходу окутывая ладони тёмным пламенем.

Бежать по мокрой земле, почти превратившейся в грязь, было бесценным опытом, но я бы предпочёл его не получать. Ноги разъезжались, и несчастные полсотни метров превратились в полосу препятствий.

Меня увидели и замахали руками крест-накрест, показывая, чтобы я не приближался. Но мне не хотелось останавливаться, не узнав, что происходит. Тем более за мной, чертыхаясь, спешил Иосиф Андреевич.

С рук Егора — теперь я явственно его различал — вслед за угасшими тонкими нитями слетела молния толщиной сантиметров пять. Слегка переломившись примерно посередине, она с напряжённым гудением вонзилась в землю. Место удара полыхнуло так ярко, что в глазах заплясали зайчики, а по щекам потекли слёзы. Проморгавшись после ослепительной вспышки, я увидел пар, поднимающийся от «ожога».

— Ах-ре-неть! — Голос Егора дрожал от восторга. — Солнце, это теперь все так смогут?

Алия выглядела растерянной.

— Н-не знаю. А что ты сделал?

— Я? — Маг погладил бородку. — Ничего. Меня в твоей Песни несущая мелодия зацепила. Прилипчивая.

— И что? — Я немного приглушил боеготовность.

— Просто повторять начал. Сначала ерунда какая-то в голову лезла. Но, наверное, потому что фальшивил. — Он хмыкнул. — Блин, сольфеджио вспомнил. А потом я, похоже, нащупал правильные ноты и ритм, и мне показалось, что теперь проще зачёрпывать энергию. Ну, отдача больше, при работе с энергией. Ты ж помнишь — эмоциональная детонация, и всё такое.

Я кивнул, и Егор продолжил. По словам мага выходило, что дробить электрические разряды он умел и раньше, но получались настолько слабосильные вспышки, что так — от комарья отбиваться. А сейчас он получил стабильную подпитку и смог на радостях отправить пучок лучей. А затем и сформировать дугу, не прилагая дополнительных усилий.

Полковник обводил нас взглядом: удивлённые лица сенсоров, улыбающегося Егора, заполучившего новую игрушку. На мне он задержался даже дольше, чем на всех, вместе взятых.

— Это хорошо или плохо? — спросил Иосиф Андреевич.

— Не знаю, — ответил я. — Если мы нашли новый источник подпитки магов, это, наверное, позволит переоценить некоторые планы. Изменить какие-то подходы, я так думаю. Но даром — ничего не бывает.

— То есть — это что-то совсем новое?

— Да, — вместо нас с Егором ответила Алия. — Мне кажется, что это часть того потока, что входит в Древо.

Я встряхнулся.

— Ты видела?

— Нет. Я смотрела на Егора. Но…

Её перебил отец, предложивший не спешить, не придумывать ничего, а просто проэкспериментировать ещё раз. В конце концов и он, и Ин могут посмотреть на то, что будет происходить.

Иосиф Андреевич кивнул с серьёзным лицом, будто он всю жизнь только и занимался опытами с высокоэнергетической магией.

— Покажите, как всё было.

Алия закрыла глаза, вслушиваясь в Песнь. Некоторое время ничего не происходило, затем её пальцы задрожали, начиная отбивать невозможный ритм. Для меня он оставался непонятным. То ли из-за нехватки музыкального образования, то ли из-за отсутствия слуха, однако Егор кивал в какие-то мгновения, а его губы тоже непроизвольно приоткрывались.

Девушка подняла руки как в прошлый раз. Набирая темп и силу, она принялась дирижировать. Марат и Ин смотрели по сторонам, фиксируя изменения.

Егор отбивал ритм правой рукой, затем улыбнулся, развёл ладони, между которыми вспыхнула электрическая дуга, которая постепенно из тонкой нитки превратилась в толстую изогнутую трубу. Он отвернулся от нас, поднял руки и стал опускать их. Над его головой ярко-голубая искрящаяся дуга гудела, заставляя волосы мага встать дыбом.

— Всё. Гаси. Я увидел. — Марат покачивал головой. — Это что-то невероятное.

— Что? — Алия успела первой.

— Бумага есть? На земле не нарисую.

— Пожалуйста. — Иосиф Андреевич протянул блокнот и авторучку; приглашающе щёлкнул кнопкой.

Маг взял, открыл последнюю страницу, пролистал обратно до свободного места. Принялся рисовать. Столбик со штриховкой — Древо. Шуруп сверху с левой резьбой — входящий поток. «Вихрь», по его словам. Ин согласно кивнул, подтверждая согласие с термином. Две фигурки. «А» и «Е». Без масштаба, поодаль друг от друга, причём «А» между Древом и «Е».

— Эмм, мы же тут вместе были?

— Да. Но всё не так просто. Я не слышу твою Песнь.

— Не мою — Древа. — Алия зарделась.

— Не суть важно. Мы о ней через тебя знаем только. Так вот, смотри. Когда ты дирижируешь, ты сама поток не принимаешь. И он через тебя не проходит.

— А зачем я тогда тут?

— Но Егор слышит Песнь и, похоже, чуть-чуть её меняет. Он же сказал, что нащупал что-то. Так вот, от Древа формируется поток.

Марат нарисовал две тонкие линии в сторону фигурки «Е». Но остановил их около значка дочери.

— И тут вступаешь ты. Ты формируешь этот поток, и внутри него из хаоса выделяются будто отдельные микропотоки, которые уже имеют упорядоченную форму. — Марат со злостью посмотрел на ручку и блокнот. — Чёрт, слов не хватает.

— Модулированные? — спросил Иосиф Андреевич.

— Точно. Я ж тренер, из физики только куски школьной программы помню и то, что у Бориса нахватался. Но вроде оно.

Он довёл обе линии к «Егору» и дорисовал через них частоколы пересекающихся зубчиков.

— То есть сырую энергию от Древа получить нельзя? Нужно настраиваться? — задал я следующий по смыслу вопрос.

— Может, и можно. Не знаю. Но выглядит вот так. Причём настройка — разовая. Потом он, вроде бы, сам по себе делал. — Марат нарисовал ещё две линии, но теперь в обход «Алии». И около буквы «Е» выделил буквально один повторяющийся ритмичный рисунок.

— А в самом начале? — Мне стало интересно, почему Егору потребовалось снова настраиваться, если у него и в первый раз хорошо получилось.

— В самом начале ничего. Просто вот эти линии — это очень схематично. Знаете, больше даже похоже не на прямой поток, а на поле. Как с магнитом и опилками. Помните? А вот после

песни уже немного вот такого упорядоченного хаоса. Но как только он сигнал поймал, всё, Алия стала не нужна.

Это было сумбурно и непонятно, но главное я понял. Один маг может выступить модулятором, а остальные, воспринимая модулированный сигнал, могут настраиваться на источник сигнала.

— Интересно. А если бы ты перестала «играть», я смог бы продолжать? — Егор будто принял стойку.

— Попробуем третий раз? — Ин тоже заинтересовался.

— Нет, — остановил я их. — Давайте лучше пока прервёмся, вернёмся в лагерь, отдохнём и покрутим теорию хотя бы в минимальном объёме. Нарисуете схемы, поговорите с исследователями на тему полей и каналов.

Иосиф Андреевич одобрительно посмотрел на меня. Почти незаметно кивнул.

— Потом с Николаем сюда приедем. Может, из Сибири следующая группа прилетит. Дождь-то кончился.

Алии явно хотелось попробовать ещё, но, оглянувшись на отца, она опустила голову.

— Поесть тоже надо бы.

— Хорошо, что напомнила. Я маме обещал присматривать. — Марат широко улыбнулся.

— Ну па-ап!..

Полковник забрал блокнот и ручку, приглашающе махнул мне. И мы вдвоём пошли к своей машине.

— Теперь я лучше понимаю то, что у вас происходит. Хотя строить планы на этом всём, это, Алексей, я тебе скажу…

Лагерь гудел. Из-за накладок диспетчеров нам вместо жилых вагончиков подогнали ещё четыре крытых трейлера с живностью. На этот раз привезли свиней, и кто-то додумался заехать прямо в центр и заглохнуть.

Визг, вонь, суета ответственных создавали неповторимую атмосферу.

Жорж, увидев нас, обрадовался.

— Отлично! Топорков, хватай это шапито и увози поскорее. Посмотри, что они натворили.

Я видел. Разбитая колея, пересекающая лагерь не хуже разлома из фантастических фильмов, грязное месиво, выдавленные комья земли. Мимо прошёл Вадим, матерясь, что его инициативу о необходимости посыпать золой хотя бы около медицинской палатки можно выбрасывать куда подальше.

Приехал УАЗ с магами. Я услышал только шум работающего на холостом ходу двигателя и хлопание дверей, когда моё внимание привлёк чей-то мужской голос — похоже, водителя.

— Эй-эй, вы чего? Девушка! Помогите же, ей плохо! — И после короткой паузы он раздался снова, но на более высоких нотах. — Да вы все что тут, совсем, что ли?

Я перепрыгнул первую полосу колеи, затем вторую. Вадим увязался следом. Около машины с открытыми дверьми суетился молодой парень, пытаясь принять на руки выпадающую бесчувственную Алию. Больше никто выйти из машины не попытался, и я, наверняка, задумался бы об этом, если бы водитель не заорал.

— Да какие, нахрен, нули?!

Я опоздал. Вадим успел на половину секунды раньше.

— Тревога! Нападение!

Практически сразу после этого у ближайшего к нам грузовика с животными рухнул задний борт. Со стороны следующих тоже послышались лязгающие звуки.

Из кузова на нас рванули свиньи, подгоняемые тонкими, сопровождавшимися едва слышным треском разрядами молний. К нашему счастью, животные побежали по колее, рас-

тёкшись в стороны только у второй машины, но, к несчастью, следом за ними уже покидали грузовик несколько нулей, упакованных в бронекостюмы. В руках у них были ножи и топоры.

С одной из вышек застучал пулемёт. Охранник, видимо на нервах, даже не пытался отпустить спусковой крючок. Истошный поросячий визг заглушил все остальные звуки.

— Пусть увозит магов подальше, не справится сам — забери машину.

Вадим кивнул, вынул револьвер из фиксатора на бедре и двинул к УАЗу.

Я же на развороте представил косу в своих руках и махнул ею с широким загребающим жестом. Одного нуля лезвие рассекло пополам, второй был ощутимо дальше — ему лишь снесло верхушку топора. Он размахнулся остатком своего оружия, и кусок рубила, теперь ничем не удерживаемый, отлетел назад, со звоном ударив по кузову.

Звук отвлёк меня, заставил посмотреть в ту сторону. Вовремя. Стоявший рядом в полный рост мужчина швырнул в меня двумя багровыми сферами, тут же заставившими вспомнить мою первую операцию. Оба шарика удалось поймать обратным движением косы, этой задержки внимания хватило, чтобы нуль врезался в меня, сбивая с ног.

Я перекатился, и рядом в землю воткнулся нож. Рука, его державшая, разлетелась брызгами крови от попадания пули крупного калибра.

«А Вадим — рисковый парень», — успел подумать я.

Размахивая обрубком, нуль, вставший между мной и кукловодом, второй раз попытался ударить меня, но вновь проявившейся косой я неуклюже снёс ему голову.

Маг бросил в меня ещё две сферы. Одна вошла глубоко в землю и там взорвалась, пыхнув из канала раскалённым воздухом, вторая угодила в мою грудь, воспламенив одежду и растаяв под ней.

Глаза кукловода расширились, но выстрел, прогремевший из-за моей спины, со звоном разбил его щит, и он пошатнулся. Второй и третий выстрелы пришлись в торс. Уже мёртвое тело осело в окровавленную грязь колеи.

Я погасил тлеющую одежду, зачерпнув грязи. Ожог ныл, но о перевязке речи идти не могло.

Через дорогу несколько человек, загнанные в палатку, отбивались от тройки нулей. Несмотря на то, что драйвер погиб, противник продолжал наседать, и на земле были видны лежащие пострадавшие.

— Вадим, я туда. — Мой палец указывал в сторону палатки. — Прикрой.

Косой размахивать в свалке я не рискнул, поэтому, подбежав, схватил одного нуля рукой за шею и, напрягаясь, проявил тёмное пламя. Знакомая волна ярости пробежала от центра груди, заставив рыкнуть от удовольствия.

Голова с обглоданным дезинтегрирующим полем подбородком покатилась под уклон. Глядя на меня, офицер в порванной рубашке со старлеевскими погонами, отбивавшийся медицинским подносом, толкнул нуля и пропустил удар ножом по плечу.

Враг, оступившись, попятился, и я принял его обеими руками. Когда руки прошли насквозь, я рванул их в стороны, разбрызгивая кровь. Жадно облизнувшись, третьего я схватил за кисть, гася пламя, затем ударил сбоку, прожигая бронежилет и кости.

— Я пошёл. — Глаза уже искали новых врагов.

Свиней под ногами путалось на удивление мало. В четырёх машинах их должно быть больше двух с половиной сотен, но за кроме пары дюжин туш, валяющихся на земле, остальных не было видно.

Напрямик я решил не ломиться и неожиданно угадал. С выставленной впереди себя косой я обходил соседнюю палатку, когда услышал крадущиеся шаги. Потопав по чавкающей земле, я размахнулся и, заметив выбежавшего сбоку нуля, резко ударил. Развалившееся тело полетело дальше, а следом с тихим звоном в землю ударила тонкая нить электрического разряда.

— Падла! — донеслось до меня.

— Хвалите меня, хвалите, — поддразнил я противника, который, очевидно, скрывался где-то за палаткой.

Сверху застучал пулемёт. Звон попаданий по магическому щиту перемежался посвистыванием промахов. Я вдруг понял, что пулемётчик на металлической мокрой вышке обречён.

— Вали оттуда!

— Ха! — Две молнии уцепились за ствол оружия и за стенку вышки.

Раздался глухой звук падающего на настил тела. Ручной пулемёт с подломившимися сошками полетел на землю. Я со злостью взрезал косой плотную ткань палатки, крадучись, прошёл в образовавшуюся дыру, на цыпочках пробрался к противоположной стенке. По тяжёлому сопению понял, что враг так и стоит «на углу». Но не в упор — ударом косы не достать, а чуть поодаль, видимо, контролировал оба направления.

Вернувшись к дыре, я погасил косу, снова встряхнул руками, дождавшись разгоревшегося пламени, и, выставив их перед собой, побежал в направлении мага.

— Heres Johnny! — заорал я, и в стенку палатки ударили две молнии, впрочем, тут же погасшие.

Ткань успела обуглиться в месте удара.

Я врезался в полотно и, увлекая его собой, понял, что попал, куда хотел. Удар обеими горящими руками вошёл в чьё-то тело, и истошный вой сменился бульканием, когда сгорели лёгкие.

Теперь нужно было выпутаться из-под обрушившейся крыши.

— Вылезай давай. — Голос Вадима подсказал направление, а его руки приподняли полотно.

— Что у нас там?

— Только не торопись. Там за третьей машиной твой брат с кукловодом сцепились в клинче. Не знаю, как он с нулями справился, но успел их пережечь, пока этот урод в спину не ударил.

— Где? — выдохнул я.

— Вон там, видишь отблески?

За стоящим тягачом с разбитым передком, под которым натекла широкая лужа, действительно будто бы работала сварка. Я нащупал свой револьвер, но Вадим удержал меня за руку.

— Вряд ли пуля возьмёт щиты, если этот гад удары Николая держит.

— Тогда прикрой с дистанции. У тебя-то щита нет.

Заходит со спины к магу было опасно. Считает реакцию брата — поймёт и ударит.

Я подбежал к машине сбоку, прислушался к переругиваниям по ту сторону. Сориентировался, кто где стоит. Упал на землю и пополз между колёс. Почти добрался, но передо мной некстати располагалась воняющая солярой и маслом лужа. Хлюпнет же, а этот гад полоснёт. Испытывать разряд на мокрой земле не хотелось бы.

Попытался немного погрести землю, чтобы дать жидкости куда-нибудь стечь, но быстро понял, что это бесполезно. Затем выругавшись сам на себя, окунул в лужу левую кисть и с трудом, но смог заставить проявиться тёмное пламя.

Осушив лужу — скажи кому, не поверят! — я прополз ещё полметра и чуть не ударился головой о подножку. Впереди стояла женщина, вокруг которой плясал голубой разряд, останавливаясь в считанных сантиметрах от тела. Он будто поглощался тонкой мерцающей плёнкой, отводившей свет в разные стороны. Сама магичка, вытянув руки, посылала такие же разряды в своего противника.

Косой даже не пришлось размахивать, она удачно легла на выгоревшую траву и кончиком лезвия коснулась плёнки щита. Он раскололся с тонким, на грани восприятия, звоном, и тут же тело забилось в конвульсиях, а от кожи и ткани отчётливо потянуло горелым.

Трансформаторное гудение прекратилось. Усталой походкой приблизились ноги, и Николай буркнул:

— Я бы и так её дожал.

— Или она тебя.

— Или она. Убери косу, помогу выползти.

Через минуту я стоял рядом. Подошёл Вадим. Он критически оглядел меня и рассмеялся.

— И это подполковник. Какой пример подрастающему поколению.

Мы расхохотались вместе с ним.

— Где все остальные? — Для меня последствия изначального хаоса сейчас выглядели практически пасторалью.

— Свиней твой Зверь отогнал. Мешали больно. — Брат загибал пальцы. — Одного мага вот мы завалили. Шестерых нулей — я.

— Это ж как ты?..

— Один меня завалил, я думал — всё. А Маргарита, пока он надо мной раздумывал, что делать, из автомата в ухо зарядила. — Он на миг задумался. — Я думал — сам оглохну. А потом меня такая злость взяла, что я чуть не захлебнулся в силе, когда барьер пробил. Такую дугу сформировал, что Тесла бы галстук сжевал от зависти. А на эту… — Брат толкнул мыском ботинка лежащее тело. — …уже батарейки не хватило. Спасибо, что ли…

Я протянул ему ладонь, он ухватил её, дёрнул меня на себя, и мы обнялись.

За спиной вежливо кашлянул Вадим.

— Да в курсе мы, — отозвался я. — Мы тоже не сидели, шесть нулей и пара драйверов. Но я Стешинских никого не вижу, и так народ где-то позалегал.

— Алё! А что, тут хвастаются? — Довольный голос Егора раздался чуть поодаль.

Я покрутил головой, наводясь на звук. От четвёртой машины шли четверо, пятый ковылял сзади. Впереди красовался сам маг. За ним, как три мушкетёра, аккуратно ступали Алия, Ин и Марат. Замыкал процессию водитель, на скуле которого расплывался синяк.

— Вы как?

— Нормально. Паренёк вывез нас за пределы действия этих уродов, хотя они и гнались за нами. А потом я попросил Алию подирижировать.

Я уставился на него, как баран на новые ворота.

— Ты что?!

Егор, казалось, не слышал меня.

— Я снова поймал ритм, только на этот раз пожёстче получилось. И первых трёх преследователей сделал метров с трёхсот.

— Триста пятьдесят по одометру, — буркнул водитель.

— Во, Василий шарит! Потом ещё тройка…

Я стряхнул оцепенение.

— Как ты их вообще распознал на этой дистанции?!

— Алии спасибо скажешь. Она их прям как в игрушке рамкой у меня в голове подсвечивала. А потом два кукловода с остатками стай решили, что они самые умные, и зашли с двух сторон. А рук у меня тоже две оказалось. Сечёшь совпадение, да?

Он говорил быстро, будто опасаясь, что кураж сейчас прекратится и карета снова станет тыквой.

— Конечно, тяжелее пришлось, музыку сложно в голове удерживать в бою. С первыми нулями ерундово получилось, а тут уже на грани. Но девочка — молодец. Вытянула меня.

Алия смущённо улыбалась.

— Ну и сюда вернулись второй раз, мужики пообшарили всё. — Егор кивнул на Ина и Марата. — А когда вы эту заразу дожарили, поняли, что больше и нету никого.

— А синяк откуда?

— А это наш Мика Хаккинен яму не заметил да об руль чвакнулся.
— Когда сбегали?
— Если бы, — обиженно промычал водитель. — Обратно. На ровном месте.
— Ну мы точно никому не скажем, — сказал Николай, и все вымученно улыбнулись.

Глава 14. Май 2018. Республика Калмыкия.

День восьмой.

Радовались мы рано.

Погибли или получили ранения все бойцы охраны, купив время для нас и для Стешина с ребятами. Не имея опыта борьбы с магами и нулями и будучи застигнутыми врасплох, они пытались сражаться там, где у них не было шансов.

Стешин с подчинёнными общались со штабными офицерами, демонстрировали образцы оружия и брони. Когда начался бой, им в отсутствие механиков пришлось облачаться в экзоброню практически на ходу, всем вместе помогая одному.

Как оказалось, с другой стороны лагеря запарковались ещё две машины со свиньями, нулями и кукловодами. И почти весь бой с ними вытянули на себе шесть человек. Даже не магов. И не их вина, что защитить всех не получилось, а сколь-нибудь эффективная броня была только у избранных.

Да и им досталось более чем. Один из бойцов получил разряд прямо в лицо, когда поднял забрало, чтобы скомандовать отход прячущимся исследователям. У двоих были тяжёлые ожоги, и сейчас Людмила, которая во время нападения потеряла сознание в душевой из-за присутствия нулей, пыталась их стабилизировать.

Вадим и ещё один парень, который был у Григория на подхвате, делали, что могли, но число раненых для них двоих было запредельным. Магические ожоги, электротравмы, колотые и резаные раны, переломы; у нескольких человек — тяжёлые ранения головы. Всё обострялось пулевыми ранениями. Их было немного, но стрельба в условиях хаоса бесследно не прошла.

Мы помогали, чем могли, но тупо не хватало перевязочного материала, несмотря на то, что распотрошили даже автомобильные аптечки. Кто-то хмыкнул, мол, вот и пригодились, и получил в челюсть.

Среди погибших был и Мерешко. Старый инженер не выглядел раненым, возможно, подвело сердце. В магазине его пистолета недоставало трёх патронов. Похоже, он пытался защищаться до последнего. Весёлый майор-танкист не пострадал, но сейчас сидел, уронив голову на руки, упёртые локтями в колени. Иосиф Андреевич сохранил хладнокровие. Они с водителем пытались отстреливаться из-за машины, но, поняв, что это бесполезно, смогли отвести подальше несколько человек гражданского персонала базы.

Маргариту с автоматом наизготовку мы нашли в одной из палаток, куда она успела оттащить пару человек и даже перевязать отпоротыми рукавами. Рядом нашлись Жорж и руководитель научников, которые не стали метаться под огнём и залегли, выбрав место посуше.

«Ревматит спасибо не скажет, молодые люди», — кряхтя и постанывая, проворчал администратор.

С учётом того, что я был старшим из нашей группы, пришлось командовать и распределять силы. Стешин с двумя бойцами занялись патрулированием. Мы с Николаем забрали шлемы раненых, чтобы включиться в общий контур. Людмила купировала шоковое состояние двоих бойцов, но вымоталась до предела, и Николай предложил ей помощь в подпитке. Алия, Ин и Марат принялись «слушать» округу.

Первый вертолёт сел не там, где размещались раненые, а выбрал место, где поменьше грязи. Лёгких быстро загрузили, и он, не задерживаясь, ушёл в небо, а мы с Егором решили попытаться подсушить площадку с помощью магии, хотя электрические разряды, как мне показалось, для этой цели подходили не очень хорошо.

Первые же попытки показали бесплодность идеи. Без Алии с её Песнью короткие разряды заставляли воду испаряться, но площадь поражения и постепенное повторное намокание земли превращали действия магов в мартышкин труд.

— Бросай, Егор. Давай мы лучше с трейлеров борта снимем. Побросаем на землю. Главное, расстояние между колёсами учесть. Всё им проще садиться будет?

— Да мы замахаемся их таскать. Они ж тяжелючие. — Маг скептически посмотрел на меня.

— Стешина попросим. — Я постарался вспомнить, как работал с экзосьютом. — Они спереди-сзади, а мы по краям поможем.

Он махнул рукой: зови, мол. Ему, похоже, моё «что б ни делать, лишь бы что-то делать» было не по нраву, хотя отказать старшему он не решался. А я не мог просто сидеть и ждать. Стешин, видимо, тоже, потому как и сам примчался, и подчинённых привёл.

Я ожидал, что борта окажутся тяжелее, но получилось вполне посильно. Маг срезал петли — остальные таскали. Среди бойцов нашёлся кто-то со знанием матчасти, и мы, чтобы не застилать сплошняком всю грязь у лагеря, раскидали борта так, чтобы можно было поставить колёса на ровную твёрдую поверхность.

Первый же прилетевший Ми-24 выровнялся в воздухе и аккуратно сел, заставив металл заскрипеть и чуть примяться. Пилот показал через стекло большой палец, и мы на импровизированных носилках занесли двоих без сознания. Ещё двое легкораненых полетели сопровождающими.

Раздели все машины, но пригодились только три импровизированные площадки. Будто понимая наши ограниченные возможности, вертолёты подлетали по одному, по два. К моменту прилёта реаниматологов один из обожжённых стешинцев умер, так и не приходя в себя.

Возрастной комбустиолог с бородкой клинышком, чем-то похожий на Чехова, понял это вместо нас. Людмила расплакалась, и он, что-то объясняя ей о специфике работы с тяжёлыми ожогами, как мог, успокаивал целительницу.

Со вторым парнем уже работали в темпе бешеного вальса, хотя врач и качал головой в ответ на глупый вопрос:

— Ну как он, доктор?

Через закрывающуюся дверь вертолёта врач успел сказать лишь: «Мы сделаем всё возможное». Мы понимали, что если бы Люда не успела, то возможного и не было бы. Хотя и её помощи оказалось недостаточно.

Вечер свалился на плечи внезапно. Вроде бы ещё бегаем от кухни — где на столах, как сравнительно чистых поверхностях, размещали раненых — к вертолётам. А вот уже и сумерки, и пара прожекторов, питаемых от единственного уцелевшего генератора, едва разгоняет темноту.

Иосиф Андреевич собрался было построить остатки личного состава и произнести речь, но пошушукавшись с Жоржем Ларионовичем, устало махнул рукой.

Оставался вопрос: что делать с погибшими?

Можно было попробовать дождаться утра и отвезти их вертолётами, но полковник заметил, что летунам завтра будет не до того. Да и ночь в тепле — не лучший способ сохранить память о людях. Пара водителей армейских грузовиков осталась в живых, и сообща решили, что они повезут тела.

До Артезиана было ближе, но дорога до Лагани дорога была немного лучше, поэтому как могли, аккуратно уложили людей, обеспечив в кузовах машин подобие саванов из кусков палаток. Боеприпасы решили не тратить, и маги ударили в небо разрядами, салютуя погибшим.

Завыл Зверь, пугая тех, кто до этого момента ни разу не видел его.

Двое офицеров запрыгнули на пассажирские места, и УРАЛы, урча моторами, скрылись из виду.

Несмотря на хаос, оставшихся палаток хватило для размещения, в нашу даже не пришлось никого подселять. Взяв еды — сегодня никто в спину не ворчал — принёс её своим и практически силой заставил поужинать. Хотя бы понемногу.

День девятый.

Снился странный сон. Будто мы с Мари-Хелен ходим кругами по лесу, кричим, зовём друг друга, а ума пойти на голос — не хватает. И потому орём, как сумасшедшие, надеясь, что это поможет.

— Лёш, вставай. — Брат ощутимо толкнул меня через спальный мешок.

— Чего ради? — Я не стал раскрывать глаза в надежде перевернуться на другой бок и «доспать» свою норму.

— Во-первых, ты достал орать…

— Сон дурной снился, прости.

— А во-вторых, к тебе гости.

С улицы донёсся знакомый голос:

— Alex!

Я попытался вскочить, но запутался в спальнике и едва смог расстегнуть молнию, дёргая собачку замка.

— Сей… — я не договорил: Николай показал на спящих сенсоров и погрозил кулаком.

Хорошо спать в штанах: обулся и можно выскакивать. Хотя почистить зубы и не мешало бы.

С Мари-Хелен я чуть не столкнулся лбами. Кто-то подсказал ей, где мы находимся, и она уже наклонялась, чтобы приподнять полог палатки.

— Ой. — Она отпрыгнула, подняла голову и улыбнулась, узнавая меня.

Новую рубашку среди ночи я искать не стал, а старая была слишком грязной. Поэтому сейчас щеголял голым торсом. Любимая присмотрелась к красным пятнам воспалившегося ожога — вчера только обработали какой-то пантенолсодержащей мазью и всё — и устало вздохнула.

— На неделю нельзя одного оставить.

— Я с братом был, — невпопад ляпнул я.

— Ещё лучше.

Мы стояли и мялись, не решаясь первыми сделать шаг навстречу друг другу. Я не удержался, виновато понурил голову и подошёл, протягивая руки. Мари-Хелен обняла меня, повиснув на шее, почувствовала, как я вздрогнул, когда она задела ожог, и попыталась снова отстраниться.

Я не позволил.

— Давай посмотрю, что там.

— Ожог, рубашка с майкой загорелись. Ничего страшного.

— Тем более, я лекарства привезла. Пойдём, обработаю.

Как тут было отказаться.

Оказывается, время близилось к обеду. Но сегодня в лагере никто не придерживался распорядка. Вот и нас не разбудили. И только прибывшие вертолёты с грузом первой необходимости да несколько человек в них возвращали нам видимость порядка.

Мари-Хелен возилась с ожогом, ругаясь на тех, кто занёс грязь. Не став сдавать виноватого, я старательно отвлекал её разговорами о родителях.

Оказалось, что им сначала аннулировали билеты на рейс, потом вернули всё как было, да ещё и извинились за накладку, повысив класс обслуживания. Затем они все вместе гуляли по Москве, она провела их на Красную площадь, в Александровский сад. Родители, конечно, совершенно не поняли, зачем такая спешка, но Магда им очень быстро и коротко объяснила вероятную политическую подоплёку.

Когда же они узнали о гражданстве и воинском звании, то абсолютно ошалели. Хотя и приняли её выбор без осуждения.

— Очень с тобой хотят познакомиться. —Она завершила перевязку.

— И не страшно, что я подполковник КГБ?

— Уже? Без меня?!

Я принялся оправдываться, но Мари-Хелен закрыла мне рот поцелуем.

На улице было прохладно, но день обещал быть тёплым, поэтому я не стал искать одежду, тем более не знал, куда убирали запасные комплекты.

— Герой-герой, и нечего голым торсом светить. — Жорж Ларионович столкнулся с нами, когда мы шли к старшему прилетевшей группы. — Представишь меня даме?

— Я видела ваше фото, мистер Джордж.

Всё-таки некоторые звуки Мари-Хелен не спешили даваться.

— Но я не видел вашего. Иначе бы запомнил. — Он перешёл на английский.

— Младший лейтенант медицинской службы Федеральной службы безопасности. Начмед основной базы. Мари-Хелен, — представил я любимую.

Жорж на секунду замер, затем кашлянул.

— Топоркова?

Я вздрогнул. От него это не укрылось, и старый администратор улыбнулся.

— Я работаю над этим. — ответил я, стараясь не развивать тему.

Мари-Хелен повернула голову ко мне.

— А почему я не знаю?

— Сюрприз хотел сделать.

— Сделал. Я впечатлена. — Она махнула рукой на разгромленный лагерь. — Думаю, другой такой помолвки ни у кого нет.

— Будьте милостивы к вашему мужчине, — рассмеялся Жорж, подметив показное неудовольствие. — Не всё здесь — дело его рук.

— Я приму к сведению, — с английской невозмутимостью ответила Мари-Хелен.

Я протянул руку администратору.

— Жизнь продолжается?

Он пожал её, спрятал улыбку.

— Жизнь продолжается, Алексей. Идём работать.

В группе было три мага из сибирского отделения. Прибытие наших бойцов, их брони и оружия задерживалось формированием автомобильной колонны. Зато пока прилетели двое контрразведчиков под видом научного персонала и отделение десанта.

Два из трёх вертолётов по очереди оторвались от земли, третий стоял под разгрузкой — взмокшие солдаты таскали коробки, складывая их на незанятые под посадочную площадку автомобильные борта.

— Скажите, Алексей. У вас есть какие-то конкретные мысли о том, с чего нам стоит начать работу?

К счастью, Мари-Хелен уже отошла к десантникам и контролировала бережное обращение с медикаментами, поэтому я смог спокойно поговорить с коллегами.

— Конкретики нет. Возможно, стоит попробовать с кем-то из тех, кого придерживали в продвижении? Может быть, кто-то решил не дожидаться, пока на него выйдут?

Старший кивнул.

— Мы с этого и собирались начать, спасибо. — В тоне сквозило лёгкое превосходство.

Всё же полуголый мужчина в роли подполковника ФСБ воспринимается с трудом. Ну да и бог с ними. Мне детей с этой контрой не крестить.

— А если развивать тему, то я бы проверил раненых, чтобы никто из них не исчез из госпиталей. Здесь-то всяко в степи сложно потеряться будет.

— Госпитали на контроле. Но мы ценим, что ход мыслей у нас совпадает. Работайте, товарищ офицер, мы вас не побеспокоим. Хотя... — Старший задумался. — Скажите, вы в своих людях уверены?

— Я — да. Но, думаю, если вы хотите с кем-то приватно пообщаться, то сначала стоит заручиться разрешением генерал-майора Коливошко.

Он улыбнулся.

— Что ж. И в этом мы схожи. — Контрразведчик протянул мне подписанный бланк согласования.

— В таком случае, товарищи офицеры, рад взаимопониманию. Удачи вам в работе.

Я протянул руку, второй раз за утро. Младший покосился на неё, но осторожно, будто нехотя, пожал. Старший был более уверен в себе, и мы разошлись на равных.

— Чего хотели-то? — Жорж дожидался меня чуть поодаль.

— Крови. Но, вроде, не чьей попало.

Он скривился на одну сторону.

— Ради разнообразия — неплохо. Ты своих возьми в работу. Посмотрите, что там с Древом, потрогайте, как вчера. В общем, не вертитесь тут пока. Есть у меня одна мысль.

Мне всё же пришлось одеться: Мари-Хелен выдала медицинский халат, и я, просунув руки, закатал коротковатые рукава. Зато он хорошо застегнулся на груди, не сдавливая повязку.

Наши уже проснулись. Душ сохранился, хотя водогрейка не работала — её питал поломанный генератор, и сейчас с ним возились двое военных. В одном со спины угадывался водитель Иосифа Андреевича.

Зато одна из полевых кухонь дышала жаром, и мы плотно позавтракали.

Я выпросил у полковника УАЗ до конца дня, согласившись, что вести его придётся самим. Второй забрали у Жоржа, оставив его водителя в лагере. Распределившись по машинам, поехали к Древу.

Остановились метрах в двадцати от границы кроны. Решили далеко не бегать, но и совсем под крону заезжать тоже не стали. Впереди совершенно спокойно бродили свиньи и овцы, причём пятачки то и дело выходили за периметр, возвращаясь внутрь самостоятельно.

Я покосился на Зверя, но он даже не пытался играть в пастуха, только сидел рядом с нами.

Алия, Марат и Егор по очереди рассказывали остальным магам о том, что они нашли. Для проведения опыта встали между машинами, и отрепетировали посадку по тревоге. Не лучший результат месяца, но сойдёт.

Егор попытался самостоятельно поймать рисунок ритма, но щелчки пальцами и закрытые глаза не дали ему результата. Марат в это время медитировал, затем со всё ещё закрытыми глазами покачал головой.

— Ровное спокойное поле. Я не вижу аномалий.

Прозвучало своеобразно, учитывая, что тут всё — сплошная аномалия. Егор тоже скривился, признавая поражение.

— Давай, родная, — сказал Марат, снова закрывая глаза.

Девушка сосредоточилась, затем улыбнулась, приопустила руки и стала перебирать пальцами, нащупывая невидимые струны. Егор снова попытался вслушаться, но вскинулся, завертел головой. Меж тем улыбка Алии стала сходить с губ, она стала вздрагивать, движения пальцев потеряли ритм и превратились в дрожь.

С усилием сбросив наваждение, она крикнула:

— Уходим!

Мы влетели в машины. На этот раз быстро и чётко, и рванули к лагерю. В зеркало заднего вида я увидел, как за нами по земле бежит тень кроны. Мы проехали почти километр, когда я наконец потерял её из виду.

— Всё. — Алия выглядела измочаленной. — Оно закончило.

— Рост? Или… — спросил я.

— И, — ответила она.

Я чертыхнулся.

Крона держалась от нас метрах в двухстах, за каких-то пару минут махнув больше чем на половину километра. Отсюда, снизу она выглядела величественно, заставляя заворожённо смотреть, не отрывая взгляда.

— Ты почувствовала что-то конкретное? Я не слышал голода.

— Да. Это… как будто необходимость. Но не желание.

— Прости, но не понимаю разницы в нашем случае. — Я развёл руками.

— Ну детей же в садике сажают в обед кушать. Хочешь или не хочешь, а надо.

— Ты считаешь, что это расписание? — Я по-прежнему не мог уловить суть. — Но у нас впереди ещё несколько дней.

Марат отодвинул дочь.

— Алия хочет сказать, что раньше расписание совпадало с темпами роста. А сейчас мы сдвинули и переуплотнили кормлениями до такой степени, что мы не сможем предсказать, как будет дальше.

Мы кивнули. Но мне нужен был ответ и на другой вопрос.

— Как вы считаете, это разовый сдвиг графика или уплотнение?

— Приходи через три-четыре цикла. А пока можешь к гадалкам обратиться. — Марат смеялся, но в глазах пряталась тоска.

— Мы будем продолжать? — с обманчивой весёлостью перебила нас Алия.

— После того, как Людмила тебя оценит. — Для разнообразия это прозвучало не от меня, а от Егора. — И, я думаю, к самой кроне теперь подползать не стоит. Посмотреть, что внутри и в бинокль можно или коптер заслать.

Целительница подошла к вопросу со всей серьёзностью. И даже немного простимулировала девушку, чтобы снять общую усталость. Закончив, развела руками.

— Хорошая, годная девочка, можно брать.

Мы усмехнулись, а Марат погрозил кулаком. Но я видел, что он заметил манипуляции, и сейчас его глаза потеплели.

Алия снова начала слушать.

Потянулась рукой к небу, неспешно опустила, поджав пальцы. Распрямила их, стала подёргивать правой ладонью. Затем стала левой водить из стороны в сторону. Её руки постепенно поднимались на уровень груди, пальцы правой перебирали невидимый инструмент, а левая превратилась в дирижёрскую палочку.

Егор дважды вздохнул, погрузился в себя, его пальцы стали подёргиваться в такт некоторым движениям Алии. Не всем, будто его роль в невидимом оркестре ограничивалась конкретным инструментом.

На лице мага появилась блуждающая улыбка.

Я повернулся к Людмиле. Она попыталась прислушаться к несуществующей мелодии, но, похоже, ей, как и мне, игра на железной флейте без дырочек не далась.

Сзади меня разочарованно сопел Николай.

Трое вновь прибывших магов пытались механически воспроизводить движения Алии, и у них, само собой, ничего не получалось. Наконец один из них, мужчина лет сорока пяти с окладистой бородой — кажется, его звали Зиновий — остановился, закрыл глаза и начал притопывать. Через несколько секунд в бороде прорезалась улыбка, тут же сменившаяся суровым осуждением.

Размашисто перекрестившись двумя пальцами, он повернулся ко мне.

— Алексей Николаевич. Негоже мне бесовскую музыку слушать. Епитимью наложите, что ли. Не должон я искушению такому подвергаться.

Я попытался вспомнить, что читал из его дела, и из памяти услужливо выплыло, что родом он из старообрядцев, и отец у него из старшин. М-да.

Двое других магов с разочарованием опустили руки.

Алия завершила свою работу. Егор ещё пару минут поотбивал ритм, затем остановился. Посмотрел на неё.

— О, ты уже всё? А я думаю, чего это всё тише становится. Как будто сигнал затухает.

— Зиновий, наказывать я вас не собираюсь. Единственно, попрошу всё же подумать. Не идти на сделку с совестью, но, возможно, принять эту работу как необходимую жертву. — Он сурово кивнул в ответ на мои слова. — А если будет сложно принять решение — приходите, просто поговорим о таких вот моментах. Даю слово, что убеждать и заставлять я вас не буду.

Зиновий кивнул, протянул мне широкую ладонь, и мы скрепили договорённость рукопожатием.